АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛОРУССКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

А. Г. МИТРОФАНОВ

Железный век средней Белоруссии

(VII —VI вв. до н. э. —VIII в. н. э.)

МИНСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА И ТЕХНИКА»
1978

Научный редактор
кандидат исторических наук
Г. В. ШТЫХОВ

Рецензенты:
кандидаты исторических наук
П. Ф. Лысенко, Э. М. Загорульский, А. 3. Таутавичюс

Митрофанов А. Г.

М 67 Железный век средней Белоруссии (VII—VI вв. до н. э.— VIII *в.* н. э.). Мн., «Наука и техника», 1978.

160 с. (АН БССР. Ин-т истории).

В монографии подводятся итоги исследований древних поселений, относящихся к железному веку (VII в. до н. э.—VIII в. н. э.). На территории средней Белоруссии — в Минской, Гродненской, в южных и восточных районах Витебской, в северных Могилевской и Гомельской областей — памятников этой эпохи известно не менее 250, на двадцати из них производились раскопки. Здесь жили предшественники славян. Их культура (VII—VI вв. до н. э. — IV в. н. э.) по наличию в ее составе сосудов, покрытых штрихами, названа культурой штрихованной керамики. В V—VIII вв. она преобразовалась в культуру, названную по имени городища возле Банцеровщины под Минском. В .книге рассказывается об этих культурах, о хозяйстве и общественном строе их носителей, подробно описываются открытые автором жилища. Лит.: с. 154—153.

М $\frac{10602-010}{М316-78}$ 15—77 902.6

ВВЕДЕНИЕ

Древности железного века Белоруссии имеют большое научное значение. При полном отсутствии письменных сведений они являются единственным источником для изучения хозяйства, общественного строя и материальной культуры племен этого периода. В научной литературе древняя историй племен, обитавших на территории Белоруссии, освещена неравномерно. Племенам южной Белоруссии посвящено несколько монографий: милоградской культуры—монография О. Н. Мельниковской[1], зарубинецкой — Ю. В. Кухаренко[2] и Л. Д. Поболя[3]. Большое место этим племенам в своих работах отвели П. Н. Третьяков[4] и В. В. Седов[5]. Специальных исследований по древней истории населения средней Белоруссии (культуры штрихованной керамики) до сих пор нет. В задачу первого раздела настоящей книги и входит восполнить в какой-то мере этот пробел.

Второй раздел книги посвящен памятникам племен, обитавших в третьей четверти I тысячелетия н. э. на той территории, на которой раньше располагались памятники культуры штрихованной керамики. Автор поставил перед собой задачу: на основе новых материалов, полученных в последние годы, охарактеризовать особенности поселений, жилищ и материальной культуры этих племен, определить хронологию памятников, рассмотреть вопросы об исторических судьбах племен культуры типа верхнего слоя Банцеровского городища, о ее месте среди соседних культур и об этнической принадлежности этой культуры.

Впервые материалы культуры штрихованной керамики были введены в науку Ф. В. Покровским. В конце XIX в. он произвел небольшие раскопки на городищах близ деревень Якубишки и Островляны Мядельского района[6], Багутишки и Офяришки в Литовской ССР[7]. Им была опубликована археологическая карта бывшей Виленской губернии, куда вошли городища штрихованной керамики и днепродвинской культуры[8].

С установлением Советской власти в Белоруссии начался новый этап в изучении поселений культуры штрихованной керамики. Одним из первых к изучению ее памятников обратился А. Н. Лявданский. С именем этого ученого связана целая эпоха в исследованиях археологических памятников не только Белоруссии, но и Смоленщины. В 1920—1930 гг. он возглавлял коллектив белорусских археологов и сам проводил большие полевые работы: выявил и обследовал городища штрихованной керамики в Логойском (Свидно) и Смолевичском (Буда, Смолевичи и др.) районах[9], зарегистрировал и определил культурно-археологи-

ческую принадлежность многочисленных поселений в бассейнах Днепра, Березины и Западной Двины [10], произвел раскопки на Лабенском городище в Минском, Старорудицком в Дзержинском, Новоселковском., Кимийском и Оздятичском городищах в Борисовском районах. В 1925—1927 гг. А. Н. Лявданский зарегистрировал свыше 300 городищ на Смоленщине[11]. Уже тогда он сделал широкие научные обобщения. Ученый собрал материал о хозяйстве племен раннего железного века (подсечное земледелие, скотоводство, рыболовство, домашние ремесла) и впервые дал классификацию городищ Белоруссии и Смоленщины. Все городища он разделил на четыре хронологические группы. В первую группу были включены городища с лепной керамикой. Как и А. А. Спицын, А. Н. Лявданский их датировал VI—VIII вв. н.э. и связывал с литовцами. Во вторую группу вошли городища без культурного слоя, в третью — болотные, в четвертую — поздние, относящиеся к эпохе феодализма.

В дальнейшем по мере накопления материалов в эту схему он вносил уточнения и дополнения. В 1930 г. были выделены в самостоятельные группы городища со штрихованной и гладкостенной (ныне днепродвинской) керамикой и впервые намечены их приблизительные ареалы[12]. В работах 1932 г. поселения и могильники железного века Белоруссии А. Н. Лявданский рассматривает с точки зрения их стадиального развития [13]. Все поселения и могильники он делит на несколько стадий. Селища и грунтовые могильники, расположенные в бассейне Припяти, отнесены к первой стадии и датированы эпохой латена. Во вторую стадию (I—V вв. н. э.) включены поселения переходного (от селищ к городищам) характера, укрепленные лишь одним частоколом. К ним отнесены городища со штрихованной керамикой. Третью стадию (VI—VII вв. н.э.), по мнению А. Н. Лявданского, составляли городища с валами и рвами. Большая их часть возникла на месте поселений второй стадии. Одновременно с ними появлялись новые укрепленные городища. Штрихованная керамика уступала место гладкостенной. Инвентарь оставался прежним. Следов металлургии железа не было. Около городищ возникали селища. Городищам третьей стадии соответствовали грунтовые могильники с погребениями, обставленными каменными плитами. Городища А. Н. Лявданский рассматривал как центры патриархальной родовой общины. Четвертая стадия (VIII—X вв. н. э.) характеризовалась расширением площадок ранних городищ, наличием селищ при городищах, распространением поздней гладкостенной керамики, отсутствием следов железоделательного производства, распространением инвентаря, близкого курганным древностям. Поселениям этой стадии, по его мнению, соответствовали курганы с трупосожжением и трупоположением.

Эта классификация поселений и могильников по стадиям отражала уровень знаний 1920—1930 гг. Для нашего времени она устарела. Городища со штрихованной керамикой нельзя рассматривать как поселения только переходного характера. Новые исследования позволили установить, что эти поселения прошли несколько этапов в своем развитии— от открытых селищ до укрепленных валами и рвами городищ. К третьей стадии А. Н. Лявданский относил поселения с гладкостенной керамикой типа верхнего слоя Банцеровщины и городища с гладкостенной керамикой раннего железного века (днепродвинской культуры). Это обстоятельство свидетельствует о том, что он не видел разницы между гладкостенной керамикой третьей четверти I тысячелетия

н. э. и гладкостенной керамикой ранних городищ. Отсюда вытекала неправильная датировка городищ полоцко-витебского Подвинья (по сравнению со штрихованной керамикой он считал их более поздними) и ошибочная увязка городищ с погребальными памятниками. Отмеченные недостатки классификации ни в какой степени не умаляют исключительно больших заслуг А. Н. Лявданского. Не утратили научного значения и раскопки С. А. Дубинского на Банцеровском городище под Минском, Германовском и Черкасовском городищах под Оршой [14]. Разведки в Чаусском районе и раскопки городища Барсучья Горка производил в 1936—1937 гг. В. Р. Тарасенко. Он впервые получил данные о жилищах[15]. Основные результаты исследований белорусских археологов были опубликованы в нескольких больших сборниках: «Гістарычна-археалагічны зборнік» (Мн., 1928); «Працы кафедры археалогіі» (Мн., 1928); «Працы археалагічнай камісіі» (Мн., 1930); «Працы секцыі археалогіі» (Мн., 1932). Материалы этих сборников широко использовали А. А. Спицын [16], В. И. Равдоникас [17], П. Н. Третьяков [18], Б. А. Рыбаков [19], М. И. Артамонов[20], Я. В. Станкевич [21] и др.

В западных областях Белоруссии, находившихся до 1939 г. в составе буржуазной Польши, памятники раннего железного века почти не изучались. Лишь В. Голубович и Е. Цехак-Голубович в 1933—1938 гг. в бассейнах Немана (по Вилии и Сервечи) и Западной Двины (по течению Ауты, Диены и Мнюты) обследованы 72 городища. Предложенная ими датировка городищ IX—XIV вв. н. э. оказалась ошибочной ^.

Огромный ущерб археологическим исследованиям нанесла временная оккупация Белоруссии немецко-фашистскими захватчиками. Все коллекции, хранящиеся в Институте истории АН БССР и в Минском историческом музее, были вывезены в Германию и находились там до окончания Великой Отечественной войны. По возвращении выяснилось, что наиболее ценные вещи либо исчезли вовсе, либо оказались депаспартированными. Помимо этого, погибла вся документация—дневники, чертежи, рисунки, карты, фототека, насчитывавшая несколько тысяч негативов, картотека, содержащая до 9 тыс. названий разновременных памятников.

После Великой Отечественной войны к исследованиям памятников железного века обратился автор настоящей работы. В 1949 г. большие разведывательные работы были проведены на территории бывшей Полоцкой области (обследовано свыше 20 городищ). Установлено, что в бассейне Верхнего и Среднего Подвинья поселений с культурой штрихованной керамики нет, а есть городища днепродвинской культуры с гладкостенной керамикой. В 50—60-х годах велись раскопки на Новоселковском, Кимийском и Оздятичском городищах под Борисовом, на городищах близ деревень Лабенщины и Збаровичи Минского, Вязынка Молодечненского, Августово Лепельского, Старой Рудицы Дзержинского, Малышки Вилейского районов. Всего было вскрыто около 3500 м^2, были открыты жилища племен культуры штрихованной керамики, собран новый материал, изучение которого позволило уточнить границы распространения поселений этой культуры и составить более конкретное представление об особенностях материальной культуры, о хозяйстве и общественном строе их обитателей.

Наряду с изучением памятников культуры штрихованной керамики автором исследовались поселения в бассейне Среднего Подвинья. В те же годы раскапывались городища близ деревень Язно, Поддубники Миорского и Горовые Полоцкого районов. Было вскрыто около 1000 м^2

культурного слоя. Сравнительное изучение материалов из этих городищ позволило автору установить, что их культура (керамика, орудия труда, характер оборонительных укреплений, жилища и т. п.) аналогична культуре поселений, расположенных в Верхнем Поднепровье. Нашими разведками и исследованиями В. В. Седова в 1966 г. установлено, что аналогичные по культуре поселения имеются в районе Себежских озер и в бассейне левобережья р. Великой (верхнее течение). Эти поселения изучались С. А. Таракановой [23], Ф. Д. Гуревич [24] к В. В. Седовым [25]. Учитывая культурно-археологическую общность памятников Верхнего Поднепровья, Верхнего и Среднего Подвинья, района Себежских озер и бассейна левобережья (верхнее течение) р. Великой, можно отнести их к одной археологической культуре и назвать ее днепродвинской[26]. В 50-х годах Л. В. Алексеевым была составлена карта археологических памятников Витебской области в границах до 1957 г., куда вошли поселения днепродвинской культуры и частично культуры штрихованной керамики [27]. Довольно большие работы в Понеманье были проведены Ф. Д. Гуревич. Она открыла ряд новых поселений культуры штрихованной керамики, что позволило уточнить ареал, этой культуры на западе и юго-западе[28].

С 1963 г. изучением памятников днепродвинской культуры занимался К. П. Шут. В 1963—1968 гг. он произвел раскопки на городищах близ деревень Кубличи Ушачского, Урагово и Абрамово Верхнедвинского, Бураково и Казиново Городокского, Заговалино Лепельского, Кострица Чашникского районов Витебской области[29]. Вскрыта площадь, равная 2000 м^2. В результате был собран большой материал, позволивший конкретизировать наши представления о материальной культуре, жилищах, хозяйстве, общественном строе племен днепродвинской культуры.

Параллельно с древностями раннего железного века (VII в. до н. э.— IV—V вв. н. э.) изучались памятники, относящиеся к третьей четверти I тысячелетия н. э. После Великой Отечественной войны их исследованием занимались не только белорусские, но и московские (Ю. В. Кухаренко, И. П. Русанова, Э. А. Сыманович, В. В. Седов), и ленинградские (П. Н. Третьяков, Ф. Д. Гуревич) археологи. Особенно большое научное значение имели исследования Ю. В. Кухаренко (раскопки городища и селища близ д. Хотомель Столинского района и др.). Он выделил культуру типа Корчак и на материалах городища Хотомель показал ее генетическую связь с бесспорно славянскими древностями[30]. Большие раскопки производил Э. А. Сыманович на городище и на селище (V—VII вв. н. э.) близ д. Колочин Речицкого района. Очень важно, что на селище им были обнаружены материалы двух культур (керамика, полуземляночные жилища): типа верхнего слоя Банцеровского и Тушемлянского городищ и пришедшей ей на смену славянской роменско-боршевской культуры[31]. Значительные исследования памятников этого времени произведены Л. Д. Поболем. Он вел раскопки на поселениях и могильниках близ деревень Тайманово, Новый Быхов, Нижняя Тощица, на городище и селище близ деревень Щатково и Красная Зорька Могилевской области и в других местах. Собранный им материал позволяет ставить вопрос о большой роли зарубинецкой культуры в формировании культур почепской и типа Адаменского селища, а последних — в становлении культуры типа верхнего слоя Банцеровского, Тушемлянского и Колочинского городищ[32]. К числу важных следует отнести открытия Г. В. Штыхова. Он (совместно с К. П. Шутом) раскопал городище близ д. Кострица Чашникского района, средний слой которого отно-

сился к V—VIII вв. н. э. Такие же материалы были им обнаружены в нижних слоях городищ в Лукомле, Полоцке и Витебске, на селищах близ деревень Варганы и Лукомля. Г. В. Штыхов исследовал не только поселения, но и курганы с трупосожжениями и керамикой культуры типа верхнего слоя Банцеровщины (Атоки, Повалишино Россонского и Дорохи Городокского районов) [33].

Важные результаты были получены автором настоящей книги при изучении памятников третьей четверти I тысячелетия н. э., расположенных в северо-западной части днепровского бассейна и в Верхнем Понеманье. Здесь обнаружено несколько десятков открытых поселений и проведены большие раскопки на селищах близ деревень Ревячка Мядельского, Гуры Вилейского, Дедиловичи Борисовского, на селище и городище-убежище близ д. Городище Мядельского районов. Всего вскрыто около 6500 $м^2$. Были открыты полуземляночный тип жилищ и наземные жилища столбовой конструкции, на селище Ревячка вскрыты грунтовые погребения, по ритуалу аналогичные погребениям в Ново-Быхове, Нижней Тощице и Таймановe, собран материал, относящийся к культуре типа верхнего слоя Банцеровского городища.

Таким образом, в послевоенные годы усилиями археологов был собран большой материал, который значительно пополнил наши знания о племенах железного века и позволил поставить и частично решить целый ряд принципиальных вопросов, связанных в первую очередь с проблемой этнического состава населения Белоруссии накануне образования древнерусского государства.

В подготовке книги к изданию принимали участие младший научный сотрудник В. И. Шадыро, художник Н. В. Василевская, старшие лаборанты Б. А. Митрофанов, С. Н. Васильева и лаборант Н. Н. Дубицкая.

Раздел I
КУЛЬТУРА ШТРИХОВАННОЙ КЕРАМИКИ
(VII в. до н. э. — V в. н. э.)

Глава I

ПОСЕЛЕНИЯ КУЛЬТУРЫ ШТРИХОВАННОЙ КЕРАМИКИ

В настоящее время можно считать установленным, что поселения культуры штрихованной керамики занимали обширную территорию средней полосы Белоруссии и восточную половину Литвы. Останавливаться подробно на вопросах о территории распространения этой культуры и ее происхождении нет необходимости, так как они нами рассмотрены в ряде опубликованных работ[34]. Однако надо отметить, что с момента выхода последних в свет появились новые материалы, которые позволяют пересмотреть нашу точку зрения о юго-восточных и северо-восточных границах культуры штрихованной керамики. Так, при раскопках Э. М. Загорульского[35] на Рогачевском городище и на городище близ д. Кистени и Г. Ф. Соловьевой[36] на городище Зборов Рогачевского района в нижних горизонтах найдена штрихованная керамика, которая в количественном отношении значительно преобладает над керамикой других культур (рис. 1). Штрихованные сосуды этих поселений воспроизводят форму и орнамент сосудов милоградской культуры. Следовательно, на юго-востоке граница восточного варианта этой культуры доходила до Днепра. Не исключено, что правым окажется В. В. Седов, который границу в этом направлении доводит до Сожа [37] (Чечерское, Шепотовичское и другие городища). То же следует сказать и о северо-восточных границах культуры штрихованной керамики. Исследования Я. Я. Граудонис на ряде городищ Латвии (Киуткалнс и др.) показали, что их основным керамическим материалом являются обломки штрихованных сосудов. Правда, формы штрихованных сосудов в Латвии иные, чем в Белоруссии и Литве: основной формой там были сосуды баночные и сосуды в виде ведра [38]. Но только на основании этого нельзя исключать территорию Латвии из ареала культуры штрихованной керамики. Вероятно, в ареал этой культуры входила и какая-то часть Эстонии. Очевидно, будет правильно полагать, что в пределах своего ареала культура штрихованной керамики распадалась на три варианта: восточнобелорусский, характеризующийся штрихованными сосудами баночных и милоградских форм, литовско-белорусский, основными формами которого были штрихованные остroреберные и баночные сосуды, и латышско-эстонский, в котором преобладали штрихованные сосуды ведерных форм. В своей книге мы не касаемся латышско-эстонского варианта, так как это не входит в нашу задачу.

ПОСЕЛЕНИЯ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.
И НАЧАЛА НАШЕЙ ЭРЫ

Археологические материалы свидетельствуют, что формирование культуры штрихованной керамики завершилось в конце бронзового века. Из-за отсутствия данных мы не можем сказать точно, в какое время закончилась эпоха бронзы и начался век железа. Если иметь в виду Белоруссию в целом, то в предположительном плане начало эпохи железа можно отнести к VII—VI вв. до н. э. Первыми с железом познакомились племена милоградской культуры. Это доказывается археологически: в могильнике близ д. Дубой Столинского района найдены наконечники железных копий гальштаттского типа (VII—VI вв. до н.э.)[39], такое же копье вместе с бронзовыми топорами-кельтами меларского типа (VIII в. до н. э.) найдено близ д. Урицкое Гомельского района [40]. О. Н. Мельниковская подчеркивает, что для милоградской культуры с самого начала ее существования «характерно широкое применение металлических, в том числе и железных орудий труда и других категорий вещей»[41]. Прямых данных о том, когда познакомились с процессом добычи и обработки железа племена культуры штрихованной керамики, в нашем распоряжении нет. Учитывая тот факт, что на одновременных с милоградскими ранних открытых поселениях (Гатовичи, Занарочь, Ясилевичи) следы железодобывающего производства отсуствуют, можно полагать, что они с железом познакомились позднее племен милоградской культуры, хотя разрыв во времени, по-видимому, не превышал одного столетия. С уверенностью можно говорить, что произошло это раньше появления укрепленных поселений: на открытом поселении близ д. Толкуны Дятловского района нами найдены железные шлаки, что свидетельствует о знакомстве обитателей этого селища с добычей и, по-видимому, обработкой железа.

Древнейшие поселения первоначально не имели оборонительных укреплений и представляли собою открытые селища, они почти не отличались от стоянок эпохи поздней бронзы.

Одним из ранних поселений является Гатовичское селище, расположенное на перешейке между озерами Мястро и Нарочь, на берегу небольшой речки Скемы, в 1,5 км к северу от д. Гатовичи Мядельского района. Рядом с селищем находится стоянка эпохи неолита — Скема I. Эти поселения открыты М. М. Чернявским[42]. Раскопками вскрыто более 100 м^2. Мощность черного культурного слоя достигает 0,5 м. Обнаружены четыре столбовые ямы, расположенные в один ряд. Вероятно, это остатки жилища столбовой конструкции. Встречена лепная керамика с примесью крупных зерен дресвы. Она делится на гладкостенную и штрихованную. Обломки от штрихованных сосудов желтые, а от гладкостенных— темно-серые и черные. Форма штрихованных сосудов не сохранилась. Гладкостенные сосуды разделяются на два типа: сосуды баночной формы со слегка отогнутым краем венчика и плоским дном (они относятся к третьей четверти I тысячелетия н. э.) и горшковидные сосуды с резко отогнутым венчиком, выраженным плечиком и выпуклым туловом. Округлое дно этих сосудов уплощено. Орнамент состоит из ямок, расположенных в один ряд. Этот тип сосудов находит себе аналогии в ранней группе керамики милоградской культуры (VI—IV вв. до н. э. по О. Н. Мельниковской) (рис. 2, *1)* [43].

Гатовское селище не единственное поселение, в составе керамического материала которого встречены сосуды милоградских форм. Поселе-

ние с такой керамикой обнаружено М. М. Чернявским в урочище Студенец в двух километрах западнее д. Занарочь на южном берегу Нарочи[44]. Размещается оно на пологой возвышенности. В шурфе (1,5х1 м) в составе темно-серого культурного слоя (0,35х0,4 м) встречены обломки штрихованных и гладкостенных сосудов. От штрихованных сосудов венчиков не обнаружено, а от гладкостенных — найдены два. Они принадлежат сосудам, форма которых весьма близка сосудам милоградской культуры (рис. 2, *5, 6)*. К более позднему времени относится селище, обнаруженное М. А. Ткачевым южнее д. Ясилевичи Щучинского района [45]. Оно занимает пологую возвышенность на обрывистом берегу р. Лебеды (правый приток Немана). Черный по окраске культурный слой, в составе которого встречены пережженные камни, угли и зола (мощность 0,2—0,5 м), прослежен в обрыве берега. Здесь собраны обломки штрихованных сосудов, среди которых 11 венчиков от горшковидных и баночных сосудов. Форма венчиков от горшковидных сосудов сходна с венчиками из селищ в урочище Студенец и д. Гатовичи: венчики поставлены прямо, шейка у них короткая, плечико выражено отчетливо. Венчики от баночных сосудов либо поставлены прямо, либо вогнуты внутрь, у некоторых самый край отогнут наружу (рис. 2, *3, 8—12).* Еще более поздним является селище близ д. Толкуны Дятловского района, обнаруженное автором. Занимает часть возвышенности, расположенной на правом берегу р. Молчади (левый приток Немана). Культурный слой сохранился плохо, он прослеживается лишь на склонах и у основания возвышенности. Собраны обломки от штрихованных сосудов и несколько кусков железных шлаков. Венчиков не обнаружено. Наличие на селище железных шлаков свидетельствует о знакомстве его обитателей с железом. А это говорит о том, что поселение по сравнению с предыдущими является более поздним.

Чрезвычайно важен вопрос о причинах возникновения укрепленных поселений — городищ, появление которых, несомненно, было обусловлено ростом производительных сил, в первую очередь в земледелии и скотоводстве. Немалую роль в этом процессе играла древняя металлургия железа. Не случайно Ф. Энгельс большое значение придавал самому факту появления железного топора, при помощи которого можно было вырубать леса и готовить участки земли для посева. С развитием земледелия и скотоводства (при сохранении большой роли охоты и рыболовства) у племен культуры штрихованной керамики, как и других племен этого времени, появился прибавочный продукт в виде скота, зерна, орудий труда и т. п. А это в свою очередь привело к возникновению противоречий между родами и племенами и к военным столкновениям между ними. В связи с этим возникла необходимость устраивать поселения в укрепленных природою местах, но обязательно там, где были пригодные для обработки участки земли и пастбища для скота. Резко изменилась топография поселений: они устраивались на холмах, иногда среди болота или на мысах, по берегам рек или озер.

Самые ранние городища укреплялись по краю площадок лишь деревянной стеной, а склоны холма или мыса искусственно срезались, чем достигалась большая крутизна. Их можно рассматривать как поселения переходного характера — от неукрепленных к укрепленным.

Одним из ранних поселений такого типа является Августовское городище[46]. Оно расположено в 1,5 км северо-западнее д. Августово Лепельского района. Устроено на стрелке длинного мыса, вдающегося в заболоченную пойму двух озер —Теклиц и Луконец. Высота склонов не

•более 3 м. Они искусственно срезаны. Длина площадки 35 м, ширина *30* м. Сохранность плохая, городище испорчено окопами. Культурный слой до 1 м толщины состоит из гумусированного песка. Вскрыто 24 $м^2$ и заложено два шурфа 0,5x0,5 м. Встреченные обломки сосудов по форме тождественны сосудам из селища близ деревень Гатовичи и Занарочь. Они очень близки сосудам милоградской культуры. Помимо этого, встречены железный узколезвийный топор, серповидный нож, дротик, посоховидная булавка, два рыболовных крючка, четыре глиняных пряслица, обломок зернотерки.

Августовское городище прекратило свое существование до сооружения на нем валов и рвов. Но на поселениях, возникших с ним одновременно, жизнь продолжалась. В связи с усилением разложения патриархально-родового строя и с увеличением военной опасности их обитатели вынуждены были укреплять свои поселения — насыпать валы, выкапывать рвы, подсыпать края площадок. Первоначально валы насыпались с напольной стороны. К числу таких довольно ранних поселений относятся, например, городища близ деревень Новоселки, Кимия, Оздятичи Борисовского, Лабенщина, Банцеровщина (нижние слои) Минского районов.

Новоселковское городище, в народе известное под названием «Замчище», обследовано впервые А. Н. Лявданским в 1931 г. Расположено на окраине Новоселок, на правом берегу Березины. Устроено на высоком (15—16 м) мысу, образованном Березиною и глубоким (8—9 м) оврагом. Систематически разрушается вешними водами Березины. Площадка разрушена не менее чем на половину. Уцелевшая часть вытянута с запада на восток. Длина по линии восток — запад 45 м, ширина по линии юг — север 16 м. Площадка и склоны со стороны оврага испорчены окопами. С восточной (напольной) стороны городище было укреплено валами. Они почти полностью разрушены, застроены и едва прослеживаются (рис. 4,*1)*.

Материалы, добытые в 1931 г., не опубликованы. Лишь в краткой статье сообщается, что на городище была «найдена лепная штрихованная керамика, железные небольшие ножевидные серпы, глиняные пряслица, железная булавка, арбалетная (?) фибула, витые удила и другие вещи, много костей животных (домашних и диких), маленькие сосуды, обломки глиняной обмазки от наземных деревянных жилых построек, железная коса и др.»[47]

В 1950 г. на городище автором были проведены небольшие раскопки. Раскоп равен 51 $м^2$. Культурный слой в раскопе достигает 1,2—1,4 м. Он состоит из трех горизонтов. Под дерном лежит однородный слой гумуса в 1 м толщиной. В верхней части он рыхлый, в нижней содержит мелкие угольки, пережженные косточки, прослойки золы. Ниже его — темно-серый, местами коричневато-серый горизонт песка (0,15—0,2 м) с углями, золой, пережженными камнями и глиняной обмазкой. Еще ниже — темновато-желтый и светло-желтый (в западной части раскопа) слой (0,2 м) песка с темными и черными пятнами. Подстилает культурный слой светло-желтый и желтый песчаный материк.

Основная масса находок падает на второй — пятый пласты. В первом пласту найдены обломки керамики и два глиняных пряслица, во втором — серп, шило, три пряслица, глиняная буса, грузик дьякова типа, в третьем — серп, шило, железный обломок иглы, посоховидная булавка, шесть пряслиц, грузик дьякова типа, в четвертом — обломок железной иглы, восемь пряслиц, бронзовый браслет, глиняная буса, грузик

дьякова типа, в пятом — железный серп, посоховидыая булавка, четыре пряслица, обломок глиняной бусы (рис. 19, 5—*22).* В составе предматерикового слоя, кроме мелких обломков керамики и костей животных, никаких вещей не встречено. Много железных шлаков. Подавляющая часть встреченных обломков сосудов штрихованная. Судя по венчикам, сосуды разделяются на два типа: в первых двух пластах (глубина 0—0,40 м) найдены штрихованные остроребертые сосуды (не свыше 5—7%), а в третьем и ниже — штрихованные горшковидные сосуды, форма которых аналогична сосудам милоградской культуры. В шестом пласту найдены обломки милоградских сосудов без штрихов (VI—IV вв. до н. э. по О. Н. Мельниковской). В целом керамика по формам сосудов, по составу теста, по качеству обжига не отличается от керамики Августовского городища.

Кимийское городище по времени и культуре аналогично городищу в Новоселках. Расположено в 0,15 км севернее д. Кимия Борисовского района в урочище Городец. Устроено на мысу, ограниченном с южной и юго-восточной сторон долиной небольшой речки и глубоким оврагом. Овальная, вытянутая с востока на запад площадка достигает 63—64 м в длину, 41—42 м в ширину. Наклонена к западу. Долго распахивалась. С восточной стороны укреплена валом и рвом. Их сохранность плохая. С севера на юг площадку перерезает траншея (рис. 4, *2).*

Впервые обследовано А. Н. Лявданским в 1931 г. О результатах сообщается, что на городище были «найдены остатки небольших горнов для выплавки железа, очень много шлака, много штрихованной лепной керамики, много пережженных камней и несколько обломков и целых зернотерок, глиняных пряслиц и др. Край городища не раз подсыпался. Это городище очень интересно по своей массе костей животных, зернотерок, остатков печей для выплавки железа и глиняной обмазки от построек» [48]. Нами в 1950 г. обследованы обнажения в траншее и вскрыт культурный слой на площади в 55 $м^2$. В центре площадки (в обнажениях траншеи) мощность культурного слоя не превышает 0,5 м, а на месте раскопа, у восточного края, достигает 0,8—0,9 м. Он состоит из песчаного в своей основе однородного слоя гумуса. На восточном участке раскопа приобретает темно-серую, а в нижней части — сероватую и местами красновато-желтую окраску. На глубине 0,35—0,45 м встречена каменная площадка. Камни лежали в один, местами в два ряда, обожжены, большей частью расколоты, между ними много углей и золы. Восточнее камней обнаружен очаг, состоящий из плоских камней, выложенных в один ряд. С северной стороны очага находилось скопление углей в виде углистой полосы, ориентированной по линии юго-восток — северо-запад. Здесь же найдены куски глиняной обмазки от стен жилища (рис. 4,3). План и размеры жилища в целом проследить не удалось.

Основная масса находок падает на второй и третий пласты, в составе которых встречено свыше 70% обломков глиняных сосудов, около 60% костей животных, почти все изделия из железа, глины (пряслица), верхний и нижний камни от зернотерок. Всего при раскопках Кимийского городища найдено: железные серп, нож с изогнутой спинкой, две посоховидные булавки, резец-«ложкарь», бронзовый браслет, костяные булавка и проколка, рукоять шила, восемь глиняных пряслиц, два грузика дьякова типа, верхний и нижний камни от зернотерок (рис. 19, *23—36).* Вся керамика лепная, штрихованная. По характеру и составу глины, формам сосудов и орнаменту аналогична керамике Новоселковского городища. В первом пласту встречены обломки остроребертых

сосудов (не более 5%), а во втором и ниже—обломки сосудов, аналогичных по форме керамике милоградской культуры (рис. *14,20—32).*

Аналогичным по времени и культуре является Оздятичское городище. Расположено в 1 км юго-западнее д. Оздятичи Борисовского района на овражистом берегу Березины. Устроено на мысу, ограниченном с южной и северной сторон глубокими оврагами, впадающими в низкую заболоченную пойму реки. С восточной стороны укреплено земляным валом и рвом. Высота вала в настоящее время не превышает 0,7 м, глубина рва 0,4—0,5 м. Площадка выпуклая, форма в плане овальная. Длина по линии запад — восток 50 м, ширина 30 м. Культурный слой черной и темно-серой окраски. Мощность его в центре не превышает 0,1—0,15 м, а ближе к краям достигает 0,3—0,4 м. На самой стрелке мыса он равен 1—1,2 м. Впервые обследовано в 1931 г. А. Н. Лявданским. Им как будто бы было обнаружено земляночное жилище несколько необычных размеров: длина достигала 10 м, ширина 3 м. О глубине землянки сведений нет. При раскопках найдены керамика, железное копье (рис. 19, 1—*4)* и вток, серп, рыболовный крючок, глиняные пряслица, шлаки, обломки домниц, кости животных.

В 1958 г. автором были заложены три раскопа общей площадью в 264 $м^2$.

Раскоп I заложен в юго-восточном углу площадки. Площадь раскопа 100 $м^2$. Под дерном залегал горизонт, состоящий из крупнозернистого песка, имеющего в верхней части темно-серую, а в нижней черную окраску. Глубина 0,2—0,25 м, материк — желтый песок. Обнаружены следы наземного жилища, пол которого был опущен в материк на 0,15—0,3 м. Общая площадь жилища 26 $м^2$. В заполнении встречены штрихованная керамика, пряслица и обломок железного шила. По углам располагались ямы от столбов. Очага не встречено, но в юго-восточном углу обнаружено угольно-зольное пятно — возможный след от очага. Вход в виде выступа округлых очертаний находился в юго-западном углу жилища. Крыша, вероятнее всего, была двускатной.

Раскоп II площадью в 76 $м^2$ заложен в юго-западной части площадки городища. Под дерном залегал культурный слой темно-серой (в верхней части) и черной (в нижней) окраски. Мощность не превышала 0,25—0,3 м. Встречены штрихованная керамика, кости домашних и диких животных, железные шлаки и глиняный выпукло-вогнутый кружок (диаметр 6 см) со сквозным отверстием в центре (рис. *19,4).* По краям кружок орнаментирован довольно глубокими насечками. В материке (желтый песок) выявлено несколько ям от столбов, которые представляли собою конструктивный элемент какого-то наземного сооружения (рис. 3, 2).

Раскоп III площадью в 88 $м^2$ располагался на южном краю площадки. Под дерном залегал гумусный слой, мощность которого не превышала 0,25—0,3 м. Обнаружены следы наземного жилища в виде ямы размером 4Х4,3 м. В плане она четырехугольна. Стены отвесны. Глубина неодинакова: у северной стены 0,45—0,5 м, а у южной (на краю площадки)— 0,1 м. Жилище имело срубную конструкцию. Встречены три столбовые ямы, располагающиеся по середине жилища (по линии север— юг). Столбы, вероятнее всего, поддерживали двускатное перекрытие. Очаг не сохранился. Он, по-видимому, находился в северо-восточной половине жилища, где обнаружено скопление углей и золы. Встреченные в Оздятичах жилища имеют аналогии в жилищах милоградской культуры. Этот факт очень важен в том отношении, что он

наряду с керамикой свидетельствует о близости милоградской культуры и культуры штрихованной керамики (рис. *3,1—3)*.

Одновременно с Оздятичским возникло городище близ Лабенщины,. нижний слой которого дал такую же культуру. Расположено оно в 0,35—0,4 км западнее д. Лабенщина Минского района, на расстоянии 2,5—3 км от г. п. Заславль. Устроено на левом берегу небольшого ручья Криница (левый приток Свислочи) на стрелке длинного мыса, ограниченного с южной, северной и северо-восточной сторон глубокими оврагами, а с западной — поймой ручья. Площадка наклонена к югу. Форма овальная, длина (по линии северо-запад — юго-восток) 68 м, ширина 42 м. С восточной стороны укреплено тремя валами и двумя рвами, с северо-запада — двумя валами и двумя рвами (рис. 5). Впервые было обследовано в 1926 г. А. Д. Коваленей [49]. В 1927 г. на нем вел раскопки А. Н. Лявданский. В 1950—1952 гг. раскопки на этом поселении проводил автор. Было вскрыто свыше 900 $м^2$. Выяснилось, что городище долгое время существовало как слабоукрепленное поселение. Культурный слой отчетливо разделяется на два хронологических горизонта — ранний и поздний. Ранний горизонт имеется не на всей площадке городища, а лишь на южном и восточном участках. Последние имели вид террасы и на 0,5—0,6 м лежали ниже средней, значительно-большей по размерам части площадки поселения. На южном участке ранний горизонт достигал 0,4—0,5 м толщины. В верхней части он имел темно-серую, а в нижней — темно-серую с коричневатым оттенком (угольки, мелкие косточки) окраску. Ближе к краю площадки он перекрывал слой пожарища. На восточном участке ранний горизонт общей мощностью до 0,8—0,9 м имел более сложную структуру: на материке лежала песчано-углистая прослойка (0,1—0,15 м) и подсыпка желтого песка, а выше — основной плотный разделенный углистой прослойкой на две части слой темно-серого гумуса с угольками и косточками. В верхней своей части он менее плотен и почти лишен находок. В его составе имеются линзы слабообожженной глины, прослойка (0,15 м) желтого и коричневато-желтого песка, а на краю площадки крупные обожженные камни. На обоих участках ранний горизонт был перекрыт слоем пожарища, достигающим местами 0,4—0,5 м. На южном участке в его составе обнаружены обугленные бревна. Они залегали беспорядочно, со значительным уклоном в сторону края площадки. Бревна имелись и на склонах городища. Здесь же обнаружены следы наземного жилища столбовой конструкции в виде столбовых ям, вырытых в материке. Ямы располагались в основном в два ряда. Расстояние между рядами 4,5 м. Длина вскрытой части жилища 9,5 м (рис. 5). Внутри находился открытый очаг 1. Под очага 1, обложенный с северной, восточной и западной сторон камнями, состоял из крупнозернистого песка и мелких камней. Южная сторона его была открыта. В плане очаг почти круглый. По линии север — юг он равнялся 1,15—1,2 м, а по линии восток — запад 1,1—1,15 м (рис. 5). При расчистке обнаружен раздавленный горшок (рис. 12, 11) без нижней части. В нижнем горизонте встречена керамика, аналогичная керамике Новоселковского, Кимийского, Оздятичского городищ и раннего горизонта нижнего слоя Банцеровщины. Формы сосудов в большинстве воспроизводят форму милоградских сосудов (рис. 12,7—*13)*. Очаг 2, выявленный в нижнем слое, непосредственно на материке, располагался в восточном участке городища. Его под был глинобитный, края обложены камнями. Форма почти четырехугольная (рис. 5, 1).

Помимо керамики, здесь встречены изделия из кости, рога, железа, бронзы и глины. К изделиям из кости и рога относятся топор из лосиного рога, рукояти ножа, шила и серпа, булавки, проколки (пять экземпляров), трапециевидная подвеска, клык медведя с просверленным отверстием (рис. 20, *5, 9,10—15).* Из железа найден обломок наконечника латенского копья, обломки наконечника дротика с двумя шипами, шесть серпов, нож, шило и игла (рис. 20,*1—4, 6—8)*. Бронзовых вещей найдено мало. К ним относятся две выпуклые бляшки с припаянной дужкой с обратной стороны (рис. 25,*14, 15)*.

Итак, мы можем сделать следующие выводы: поселения культуры штрихованной керамики первоначально не имели искусственных укреплений и почти не отличались от стоянок эпохи бронзы; первые городища (Августово, Староселье и т. д.), возникшие, по-видимому, не позднее III в. до н. э., укреплялись лишь деревянной стеной; земляные валы на ранних городищах (Лабенщина, Кимия, Новоселки и др.) насыпались с одной, напольной, стороны. Данных о времени возникновения и их устройстве в нашем распоряжении нет.

ПОСЕЛЕНИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ н. э.

Поселения культуры штрихованной керамики, давшие наиболее характерные ее черты (штрихованные остроребёрные и баночной формы сосуды, своеобразный тип жилищ столбовой конструкции, только для нее характерные формы глиняных пряслиц и т. п.), относятся к первой половине I тысячелетия н. э. Основная их масса расположена в западной части ареала этой культуры. Довольно много поселений возникло в I—II вв. н. э. Это было связано с ростом производительных сил в земледелии и скотоводстве, с увеличением прибавочного продукта, ростом численности населения и выделением из состава рода отдельных патриархально-семейных общин, которые становились самостоятельными хозяйственными единицами. Изучение материалов показывает, что на интересующую нас территорию в первой половине I тысячелетия н. э. нового населения не приходило. К вновь возникшим поселениям относятся Збаровичское, Вязынковское, Малышкинское, Васильковское и некоторые другие городища.

По своему внешнему облику эти городища почти не отличались от более ранних. Они устраивались в укрепленных природою местах: на мысах или холмах, по берегам рек (чаще малых) и озер. Встречаются городища, которые устроены на холмах в поймах рек или среди болота. Форма зависела от конфигурации мысов или холмов, на которых они располагались. Мысовые городища чаще всего имели треугольную (с закругленными углами) или яйцевидную форму. Городища, устроенные на холмах, обычно имели овальные или круглые очертания. Размеры городищ были небольшие, их площадь колебалась в пределах от 0,5—0,6 до 2,5—3 тыс. $м^2$.

Новые поселения по сравнению с ранними имели более мощную систему укреплений. Валы насыпались по краю площадок на склонах и иногда вдоль основания. На ряде ранних городищ жизнь продолжалась и в первой половине I тысячелетия н. э. Культура их в то время достигла наивысшего расцвета. К таким городищам относится Лабенское.

Как показали раскопки, ранний период жизни на Лабенском поселении завершился большим пожаром (слой пожарища перекрывает

нижний горизонт). Новый этап жизни начался с перестройки площадки городища и сооружения на нем оборонительных укреплений. Остатки обгорелых бревен от построек, угли и зола были сброшены на склоны поселения. Этим была расширена площадка, ее края стали выше, склоны круче. На край площадки, кроме того, был насыпан принесенный со стороны слой супеси и суглинка, толщина которого равнялась: максимальная на южном краю площадки 0,5—0,55 м, на восточном 0,65—0,75 м, на северном 0,7—0,8 м, а минимальная соответственно 0,15; 0,2; 0,35 м. В насыпанном слое никаких вещей не встречено. В своей верхней части этот слой имел темновато-серую, а в нижней светло-желтую, местами с оранжевым оттенком окраску. Вдоль края площадки была построена оборонительная стена, остатки которой выступали в виде скопления углей и золы в слое супеси и суглинка. На южном краю площадки удалось проследить ямы от столбов, поддерживавших оборонительную стену. Всего выявлено семь столбовых ям, расположенных вдоль края площадки парами. Расстояние между ямами (в пределах одной пары) 1,2 м, а между парами— 1,3—1,5 м. В плане ямы круглые, их диаметр колеблется в пределах 0,3—0,35 м (рис. 7). Глубину ям определить не удалось, так как все они, прорезая супесь и суглинок, уходили в нижележащий слой пожарища, дно их не прослеживалось. В гумусированном заполнении ям встречены угли и иногда мелкие камни, а в промежутках между ямами — остатки сгоревших бревен (угли). Одновременно с юго-восточной (напольной) стороны было насыпано три вала, а между ними вырыто два рва. Два вала, перекрывающие мыс по линии юго-восток — северо-запад, имели сегментовидную, а третий — курганообразную форму. Вероятно, по гребню валов проходила оборонительная стена. С северной стороны на стрелке, где склоны относительно пологи, было насыпано еще два вала. В настоящее время они лежат на 2—2,5 м ниже площадки. Между валами — неглубокий ров. Размеры валов, расположенных на северном конце мыса, и первых двух с юго-восточной стороны поселения небольшие. Их высота не превышает 0,5—0,7 м, ширина в основании 6—8 м. Все они насыпаны из желтого песка, взятого здесь же на месте. Глубина рвов не превышала 1 м. Курганообразный вал в диаметре достигал 16,5 м, в высоту— 1,3 м.

Изучение профиля траншеи, прорезавшей северный склон поселения, показало, что склон состоит из светло-желтого песка, в составе которого встречено очень много углей. Следовательно, этот склон насыпан искусственно.

Культурный слой, образовавшийся в поздний период существования городища, на всей вскрытой площади в основном однородный, сильно гумусированный. В нижней части он местами имеет серый либо желтовато-коричневый оттенок. На большей части раскопа этот слой сменяется мелкозернистым (в ряде мест, наоборот, крупнозернистым с гравием) материковым песком желтого и светло-желтого цвета. На южном, северном и восточном участках раскопа ниже верхнего слоя гумуса лежит слой пожарища, а ниже его — ранний горизонт. Мощность позднего слоя не везде одинакова. На краях (здесь он перекрывает слой супеси и суглинка) и в центре площадки его толщина не превышает 0,15—0,25 м, но по мере удаления от центра к востоку и северу она увеличивается до 0,6—0,8 м, а к югу — до 1—1,3 м. Там, где культурный слой был наиболее мощным, располагались жилища. Удалось проследить границы лишь одного жилища 2, от остальных уцелели лишь очаги. Всего обнаружено пять очагов. Два залегали в нижнем горизонте и относи-

лись к первому периоду (описание см. на стр. 21, 22), три встречены в верхнем слое. Устройство ранних и поздних очагов одинаково.

Очаг 3 обнаружен в южной части раскопа на глубине 0,4 м от поверхности. Сохранился плохо, уцелел лишь под в виде скопления сильно перекаленного песка красновато-желтого цвета с углями и пережженными камнями. В плане он имел овальные очертания. Длина (по линии север — юг) 1,35 м, ширина 0,9 м. Рядом лежали две недогоревшие деревянные плахи. Ниже очага залегал слой гумуса, толщина которого достигала 0,5—0,7 м. Вокруг очага в радиусе 2—3 м на одном с ним уровне встречены железные серп, посоховидная булавка, долотообразное орудие для обработки дерева, бритва (нож с выпуклым лезвием), шилья, пряслица, льячка, бронзовая спиралька, бронзовый кусок проволоки, маленький сосуд, обломки штрихованной керамики и кости животных (рис. 20,*10, 16—32)*.

Очаг 4 залегал на глубине 0,25—0,3 м от дневной поверхности в однородном слое гумуса. Под состоял из красновато-желтого перекаленного песка, насыпанного слоем в 0,1—0,13 м и обложенного по краям небольшими камнями. Последние для прочности вмазаны в глину. Под перекрывал культурный слой в 0,1—0,15 м. В плане очаг 4 имел форму полуовала. Длина 1,4 м, ширина 1,1 м. К северу и западу от очага (в 0,7—1 м) встречено много кусков глиняной обмазки с отпечатками бревен и следами оттисков пальцев. Куски обмазки залегали в виде узкой полосы, имевшей Г-образную форму. После разборки культурного слоя на участке расположения очага 4 выяснилось, что он находился внутри жилища столбовой конструкции. Столбовые ямы располагались двумя рядами, идущими с запада на восток, и очерчивали собой постройку длиной 8,3 м, шириной 3,8—4 м. Около очага и вокруг него, т. е. внутри жилища, встречены два железных серпа, массивная пряжка, кольцо (вероятно, от збруи), три бронзовые бляхи, одна из них с ажурным орнаментом, кусок бронзовой проволоки, глиняное пряслице и буса, обломки штрихованных сосудов (рис. 25,*4, 7, 27, 13—15)*.

Очаг 5 расположен на восточном участке раскопа (рис. 7). Он обновлялся. Более ранний очаг 5а состоял из камней, уложенных в виде подковы. Длина его 1 м, ширина 0,9 м. Подом служил крупнозернистый красновато-желтый песок, насыпанный слоем 0,1—0,15 м. Поздний очаг состоял из камней и в плане имел ту же форму. Камни вмазаны в глину. Толщина пода, состоящего из крупнозернистого песка, равнялась 0,1—0,15 м. Длина 1,15 м, ширина 1,1 м. Вокруг очага в радиусе 3—4 м найдены железные серпы (девять штук), шилья (три штуки), посоховидные булавки (три штуки), обломок дротика, нож с изогнутой спинкой, бронзовые трапециевидные подвески, кольцо для ношения на пальцах рук, височное кольцо, очковидная подвеска из круглой проволоки, обломки тиглей, глиняные пряслица (48 штук), грузик дьякова типа, миниатюрные сосуды (две штуки), обломки штрихованных сосудов (рис. 25,*24, 25)*.

В составе культурного слоя на глубине 0,2—0,3 м в разных местах площадки встречено много мелких и средних по размерам камней. В местах максимальной концентрации камни образуют несколько площадок (рис. 7, 1, 3—5). Наибольшая по размерам каменная площадка обнаружена в северной части раскопа. В некоторых местах камни плотно прижаты друг к другу, лежат беспорядочно, в основном в один ряд. Многие камни расколоты и сильно обожжены. Форма площадки приближена к овалу. Размеры: по длинной оси 10 м, по короткой 6 м. Культурный слой,

в котором залегает площадка, имеет интенсивно черную окраску и содержит мелкие угли, местами зольные прослойки. Ниже лежит такой же по структуре, как и верхний, культурный слой, достигающий 0,2—0,3 м в толщину. При расчистке камней этой площадки найдено много обломков штрихованных сосудов, железные серпы (две штуки), посоховидная булавка, шило, вток, бронзовое кольцо, обломки тиглей, глиняные пряслица (четыре штуки) и буса.

Остальные каменные площадки имеют меньшие размеры. Камни мелкие и не обожжены. В плане они аморфны, лишь некоторые из них приближенно овальны или круглы. Максимальные размеры площадок 1,7х1,8 м, минимальные 0,6х0,6 м. Большие размеры имела каменная площадка, встреченная на южном краю поселения. Она залегала на глубине 0,2—0,26 м. Мелкие и необожженные камни лежали в основном в один ряд, местами они были плотно прижаты друг к другу. В самом центре камни лежали кучей. Форма овальная. Длина 2,8 м, ширина 2 м. На одном уровне с камнями в 2—3 м встречен развал сыродутного горна, криц и шлака (весом в 75 кг). Здесь же найдено пять кусков сильно обожженной глины с круглыми отверстиями, диаметром 3,5 см. Это, по-видимому, обломки нижней части домницы, где находились отверстия для сопел мехов. В 1 м восточнее камней встречена необожженная чистая глина, принесенная на городище для хозяйственных нужд: лепки сосудов, обмазывания стен жилищ и т. п.

Каменные площадки, как известно, характерны для поселений балтских культур. Они встречены на городищах днепродвинской культуры (Поддубники, Язно, Горовые, Кубличи[50], Подгай, Курово, Городок, Михайловское[51] и в других местах), в одновременных поселениях западнобалтских племен на территории Калининградской области (Грачевка, Логвиново) [52], в более поздних (V—VIII вв.) поселениях культуры типа верхнего слоя Банцеровщины (верхние слои городищ-убежищ — Банцеровщины [53], Тушемли [54], Городища) и в других местах. Большинство исследователей связывают их с жилищами. Л. Крживицкий, например, вскрытые на ряде литовских пилякальнисов каменные площадки рассматривал как остатки жилищ [55]. Такого же мнения придерживается и Ф. Д. Гуревич. Обнаруженные на городищах Грачевка и Логвиново площадки она связывает с жилищами и полагает, что для Калининградской области «вырисовывается характерный тип прямоугольного в плане жилища, нижняя часть которого представляет собой кладку типа завалинки» [56]. Я. В. Станкевич считала, что встреченные ею каменные площадки на городищах Подгай, Курово, Михайловское и других представляли собою «выброс использованных на очаге камней и служили для более прочного укрепления стен жилищ» [57].

Подобные мнения не вызывают особых возражений. Однако необходимо подчеркнуть, что характер каменных площадок (часто на одном поселении) неодинаков. В одних случаях они состоят из крупных и мелких, часто расколотых и обожженных камней и залегают в культурном слое, в других камни не обожжены и лежат прямо на материке. Нередко скопления обожженных камней находятся около очагов. Площадки из необожженных камней часто встречаются на краю поселений или около валов, где никаких следов жилищ вообще нет. Размеры каменных площадок также неодинаковы: их площадь колеблется в пределах от 1—2 до 40—50 $м^2$. Все это говорит о том, что связывать каменные площадки только с жилищами нельзя. Совершенно очевидно, что их функции более разнообразны.

П. Н. Третьяков видел в каменных площадках прежде всего развалы очагов и вместе с этим совершенно правильно полагал, что камни на городища приносились с оборонительными целями[58]. Наши исследования подтверждают это предположение. На Лабенском городище, например, обнаружены площадки из необожженных камней, одна из которых залегает на краю поселения, где остатки жилищ отсутствуют. Не исключено и иное назначение каменных площадок. На городищах в Вязынке и Збаровичах скопление сильно обожженных камней залегало около очагов. Может быть, эти камни нагревали в огне и таким путем сохраняли тепло в жилищах?

Как уже отмечалось, культурные отложения ранней поры на Лабенском городище были обнаружены лишь на южном и восточном участках площадки. По-видимому, в первый период существования городища только здесь и были сосредоточены жилые и хозяйственные постройки. Средняя часть и северный край площадки, вероятнее всего, были застроены в поздний период (рис. 5, *1*).

Все постройки имели столбовую конструкцию. Столбовых ям встречено свыше 80. Они относились к разным строительным периодам, поэтому проследить границы отдельных построек, за небольшим исключением, просто невозможно. В плане ямы круглые. Диаметр колебался в пределах от 0,15—0,2 до 0,5—0,6 м, глубина — от 0,2—0,25 до 1,1—1,2 м. Небольшие по диаметру ямы были заполнены однородным культурным слоем черного цвета, а большие имели двойное заполнение: в центре — песок черного цвета, по краям — темно-серой окраски. Какая-то часть построек, вероятно, являлась жилищами (жилище с очагом 4, например). Очаги 2 и 5 залегали в толще культурного слоя черного цвета, в составе которого проследить границы жилищ не представилось возможным.

Кроме столбовых ям, обнаружено несколько ям хозяйственного назначения. Две из них круглой (диаметр 2,3 м), одна овальной (по длинной оси 3 м, по короткой 1,6 м) и одна грушевидной формы. Глубина не превышала 0,5—0,6 м. В составе культурного слоя, заполнявшего ямы, встречены обломки острореберных сосудов и куски шлаков.

Исследования поселений культуры штрихованной керамики показали, что на рубеже и в начале I тысячелетия н. э., когда металлургия железа и производящие отрасли хозяйства — подсечное земледелие и скотоводство — в своем развитии достигли относительно высокого уровня (в период расцвета самой,культуры), возникало много новых городищ. К числу их относятся Збаровичское, Вязынковское и Малышкинское.

Збаровичское городище (Выспа) расположено в 0,5 км юго-восточнее д. Збаровичи Минского района. Устроено оно на вершине холма, на левом берегу р. Гуйки при впадении в нее р. Помовзы. Площадка овальная, вытянутая с северо-востока на юго-запад. Вдоль края площадки заметно небольшое возвышение. Длина 65 м, ширина 33 м. Склоны холма пологие, лишь на самой вершине довольно крутые (рис. 8, 1).

В 1952 и 1958 гг. на городище автором были произведены значительные раскопки. Культурный слой вскрыт на площади 868 м^2. Помимо этого, склоны были перерезаны траншеями.

Стратиграфия городища однородна и проста. Под дерном залегал перепаханный слой темно-серого цвета. В средней части площадки он достигал 0,3—0,35 м и сменялся желтым материковым песком, а ближе к ее краям — слоем интенсивно черного цвета. Мощность черного слоя

неодинакова: в раскопе I и II — 0,85—0,95 м, а в раскопе III — 0,65—0,75 м. На материковом слое светло-желтой супеси (в раскопе I и II) лежала тонкая (0,07—0,1 м) песчано-углистая прослойка. Следовательно, вдоль краев поселения находились корытообразные западины, своего рода террасы, на которых располагались жилища и другие, видимо, хозяйственные, постройки (рис. 8, *3).*

Первоначально это поселение укреплено не было. Лишь вдоль края площадки была построена деревянная стена, погибшая во время пожара. Ее остатки в виде углистой прослойки прослеживаются в профилях траншей (рис. *8,4,8).* Анализ структуры напластований на склонах свидетельствует о том, что после пожара обитателями поселения была проведена большая работа для усиления его оборонительных возможностей. Край площадки был подсыпан. По профилям видно, что подсыпка производилась не менее двух раз (рис. *8,4—8).* Первая подсыпка состояла из желтого песка с мелкими углями (юго-восточный склон, мощность до 0,6 м), желтого песка и суглинка с песчаными прослойками (северо-восточный склон, мощность 1,2—1,3 м) и светло-желтого суглинка и супеси с песчаными прослойками (юго-западный склон, мощность 0,4—0,5 м). Выше первой подсыпки (в траншеях на северо-и юго-восточных склонах) культурный слой черного цвета толщиной 0,2—0,25 м (юго-восточный склон) и 0,45—0,5 м (северо-восточный склон). Более поздняя подсыпка в двух траншеях — в северо-западной и юго-восточной — состояла из двух слоев, а в остальных — из одного. На северо-западе и юго-востоке первый слой поздней подсыпки состоял из крупнозернистого песка с мелкими камнями (толщина от 0,3 до 0,7 м), а второй — из светло-желтой супеси. В остальных траншеях поздняя подсыпка состояла только из светло-желтой супеси (толщина от 0,3—0,4 до 0,8—0,9 м). Верхний слой супеси по окраске и структуре идентичен со светло-желтым супесчаным материком, на котором лежали насыпанные напластования; Из этого видно, что супесь бралась на месте, в результате чего, как видно по профилям, вдоль основания поселения образовался ров, ширина которого колебалась от 3,2—3,4 до 4,8—5 м, глубина от 0,4—0,5 до 1,1—1,2 м. Супесь, суглинок и песок были насыпаны не только на склоны, но и на край площадки. Образовавшийся небольшой вал не только укреплял площадку, но одновременно являлся и стеной жилищ (рис. 8, *3, 4).*

Жилища столбовой конструкции располагались на краю площадки, на специально вырытой для этого корытообразной западине. Столбовых ям выявлено довольно много. По характеру расположения они разделяются на две группы: в средней части площадки ямы размещались беспорядочно, они разновременны и, вероятно, связаны с хозяйственными постройками, а по краям площадки в корытообразной западине ямы располагались правильными рядами и, вне всякого сомнения, имели отношение к жилищам. В раскопе I и II выявлено 66 столбовых ям от двух многокамерных домов, которые, если судить по их остаткам, дважды перестраивались. Все столбовые ямы и по вертикали (сверху вниз) и по горизонтали (слева направо) располагались рядами. Вертикальные ряды в обоих жилищах состояли из четырех, а горизонтальные — из пяти ям. В плане ямы круглые, их наибольший диаметр 0,6—0,7 м, наименьший 0,35—0,4 м. В каждом вертикальном ряду они располагались в шахматном порядке: вверху большая, за ней меньшая, еще ниже большая, внизу опять меньшая яма. Их глубина также неодинакова: ямы, относящиеся к первому строительному периоду, имели глубину

от 0,5—0,6 до 1,1—1,2 м, а меньшие, относящиеся ко второму периоду, от 0,2—0,3 до 0,45—0,5 м. Объясняется это тем, что меньшие ямы были вырыты в культурном слое, поэтому материк они затронули на сравнительно небольшую глубину. *Из* сказанного видно, что в каждом вертикальном ряду к жилищам одного строительного периода относились две столбовые ямы. Следовательно, столбы, от которых они сохранились, служили опорой стен жилищ и их перекрытия. В этом случае крыша каждого дома могла быть только односкатной. Есть все основания полагать, что один конец стропил, на которых покоилась крыша, закреплялся на столбах, а другой упирался в земляной вал, насыпанный на краю площадки. Стены, обращенные в сторону площадки, и боковые стены, вероятнее всего, строили из бревен, положенных друг на друга и концами закрепленных в пазах столбов, причем один конец бревна боковых стен, по-видимому, был вкопан в насыпь вала. Оборонительный вал выполнял функцию четвертой стены, обращенной к склонам поселения. Аналогом жилищ Збаровичского городища являются жилые постройки, обнаруженные на Тушемлянском городище: там, как и в Збаровичах, функцию задней стены выполнял земляной вал, насыпанный на край площадки. Правда, там крыша жилищ была не односкатной, а, по мнению П. Н. Третьякова, двускатной [59].

Судя по расположению ям, жилища каждого строительного периода были разделены на несколько помещений, площадь которых равнялась 20—25 м^2. От жилищ первого строительного периода очагов не сохранилось. Остатки очагов относятся к жилищам второго периода. Всего сохранилось четыре очага, по два в каждом жилище. Очаг 1 (рис. 8,2) имел форму овала. По длинной оси он достигал 1,3 м, по короткой — 0,9 м. Подом служил слой крупнозернистого песка толщиной до 0,1 м. По краям он был обложен валиком глины с вмазанными в нее камнями.

Очаг 2 (рис. 8, *2)* в плане почти круглый. Диаметр 0,75—0,8 м. Под очага состоял из слоя песка толщиной 0,1 м, обложен глиняным валиком, в который вмазаны камни. Глиняный валик обнаружен в западной части очага. Два других очага находились в другом помещении. Очаг 3 (рис. 8,2) сохранился плохо: от него уцелел только тонкий слой песка, служивший подом. В плане очаг круглый, диаметр 0,7—0,75 м. Очаг 4 (рис. 8,2) также плохой сохранности. От него остался слой (0,1 м) сильно перекаленного крупнозернистого песка.

На одном уровне с очагами в верхней части культурного слоя интенсивно черной окраски обнаружено несколько каменных площадок (рис. *9,2, 1)*. Каменная площадка 1 (рис. 8, 2) залегала около очага 1. Мелкие и разреженные камни сильно обожжены, среди них много углей и золы. Юго-восточнее очага 1 находилась каменная площадка 2 (рис. 8, 2). Необожженные камни лежали в один ряд узкой полосой длиною 2,2 м. Площадка 3 располагалась около очага 2. Плотно прижатые друг к другу камни лежали в один ряд. Среди камней много расколотых и обожженных. Длина площадки 3,1 м, ширина 0,6 м. Каменная площадка 4 залегала в 2 м юго-восточнее площадки 3. В отличие от площадки 3 камни не обожжены. Длина этой площадки 1,6 м, ширина 0,5 м. Площадка 5 наибольшая по размерам (рис. 8, 2). Она начинается в раскопе I у очага 4 и узкой полосой тянется через раскоп II. Ее общая длина 14 м, ширина 0,6—0,7 м. Около очага 4 камни обожжены, а остальные следов действия огня на себе не несут. Каменные площадки по характеру разделяются на две группы. В первую входят площадки, залегающие около очагов. Их камни расколоты и обожжены, среди

камней много углей и золы. По-видимому, камни в жилище приносились для обогрева помещения (камни раскалялись и обливались водой). Площадки второй группы состоят из цельных, мелких и необожженных камней. Возможно, они являются остатками вымостки пола жилищ.

В раскопе III на юго-восточном краю площадки столбовые ямы располагались не в четыре, а в два правильных ряда. Глубина ям не превышала 0,25—0,45 м. Почти все ямы по вертикали находились одна против другой. Расстояние между ними такое же, как и между ямами жилищ в раскопах I и П. Эта постройка, следовательно, относится к одному строительному периоду и сооружалась она по тем же архитектурным приемам, которые применялись при строительстве жилищ, расположенных в раскопе I и II. Очагов внутри помещений этой постройки не встречено. Возможно, она была построена не для жилья, а для каких-то хозяйственных целей — как помещение для скота, например. Предположение это подтверждается и тем, что вокруг и внутри постройки, кроме нескольких пряслиц и мелких обломков керамики, никаких вещей не найдено.

Внутри жилищ в средней части площадки и около постройки в раскопе III встречено несколько, по-видимому, разновременных ям-погребов. В плане они овальные и яйцевидные, в разрезе чашеобразные, длиной от 1,1 до 2—3 м, шириной от 0,6 до 2 м, глубиной от 0,3—0,4 до 1—1,1 м, есть круглые диаметром от 1 до 1,2 м, глубиной от 0,5 до 0,7 м. Заполнены черным культурным слоем, в составе которого встречены пряслица (по одной-две штуки в ямах 1, 2, 3, 5, рис. 9, *11, 17),* обломки штрихованных сосудов, кости животных и мелкие куски железных шлаков (ямы 1—3, 20). Одна яма сверху донизу была заполнена обломками сосудов (яма 2). Стены этой ямы были обмазаны глиной и вымощены мелкими камнями (последние вмазаны в глину). В яме 5 встречены обугленные зерна, по-видимому, пшеницы.

Збаровичское городище является однослойным памятником: в нижних и верхних горизонтах культурного слоя встречены одинаковые по форме и орнаменту глиняные сосуды — штрихованные ребристые и баночные, одинаковые пряслица. В верхнем (перепаханном) слое вещей, кроме мелких обломков керамики, встречено не было. Основная масса находок обнаружена в составе культурного слоя интенсивно черной окраски в пределах жилищ. Многочисленна керамика. Всего найдено свыше 7 тыс. обломков. Среди них около 740 венчиков, 410 днищ, остальные стенки. По форме сосуды ребристые и баночные. Последних значительно меньше. Сосудов, аналогичных по форме милоградским, встречено не было. Из других вещей найдено: два железных серпа, посоховидная булавка, обломок височного кольца в виде согнутой проволоки, трапециевидная и очковидная подвески, колечко, спиралька, наручный браслет, 89 пряслиц, кусок свинца (рис. 18, 1—*15,* рис. 23, 1—*21,* рис. 27,1—10).

Первоначально не было укреплено и Вязынковское городище[60] (рис. 9, 1), известное под именем «Замэчак». Расположено в 0,1 км восточнее хутора Вязынка (родина Янки Купалы), в 0,4 км восточнее д. Селедчики Молодечненского района. Устроено на холме (6—7 м от уровня воды) коренного берега р. Вязынка. В 1952 г. на городище было вскрыто 284 м^2 культурного слоя и в трех местах склоны прорезаны траншеями. Оборонительная система развивалась от деревянной стены по краю площадки и небольшого вала с деревянной стеной по его гребню (см. рис. 9, *5, 7—9)* до довольно мощной оборонительной стены и

валов в северо-западной части городища (рис. *9,4)*. Склоны поселения и край площадки неоднократно подсыпались (рис. *9,2—4,7—9)*. Культурный слой по своей окраске состоял из трех горизонтов — верхнего перепаханного темно-серого цвета (0,15—0,3 м), среднего черного цвета с углями и большим количеством глиняной обмазки от стен жилищ (мощность от 0,1—0,15 до 0,15—0,6 м) и нижнего темно-серого и серого с коричневатым оттенком (0,16—0,2 м). Встречено два яруса жилищ: один большой дом, разделенный на три жилые камеры, в верхней части второго горизонта черной окраски и два жилища непосредственно на материке (рис. 9, 5, 6). В материке обнаружено много разновременных столбовых ям, поэтому по ним границы построек проследить невозможно. Помимо столбовых, встречены три хозяйственные ямы (рис. *9,6)*. Вязынковское городище — однослойный памятник. Керамика и другие находки (пряслице, в частности) в верхних и нижних горизонтах совершенно одинаковы. Найденные обломки венчиков принадлежали ребристым и баночным сосудам. Есть фрагменты от лощеных и подлощенных мисок и горшков (рис. 24). Обломков сосудов, аналогичных по форме сосудам милоградской культуры, не встречено. Глиняных пряслиц найдено 132 штуки, грузиков дьякова типа два, железных серпов два, шильев два, нож с изогнутой спинкой один (рис. 23, *23—32)*.

Малышкинское городище расположено в 100 м западнее д. Малышки Вилейского района. Устроено на высоком (до 10 м от уровня воды) берегу р. Сервечи (правый приток р. Вилии). С восточной, северной и южной сторон площадка городища окружена мощным валом, достигающим с внешней стороны 5 м, с внутренней 3 м высоты. Максимальная длина площадки 52 м, ширина 45,5 м (рис. 10,7). Непосредственно за валом обнаружено небольшое понижение, вероятно, следы существовавшего ранее, а в настоящее время заплывшего рва. Впервые обследовано В. и Е. Голубовичами.

За время раскопок (1955—1957, 1969 гг.) вскрыта площадь 810 $м^2$. Городище имеет довольно простую стратиграфию. Под дерном залегает культурный слой, состоящий из крупнозернистого песка интенсивно черной окраски. Его мощность в среднем колебалась в пределах 0,7—0,8 м (рис. 10,3). На глубине 0,5—0,55 м встречены остатки больших наземных жилищ. Их границы удалось проследить по многочисленным кускам обмазки, упавшей со стен. Глиной заполнялись пазы между бревнами с внутренней стороны (куски обмазки несут на себе следы сильного закопчения) для сохранения тепла внутри помещения. На всех без исключения кусках отчетливо заметны оттиски довольно толстых бревен. Толщина их достигала 20—30 см. В поперечном сечении куски обмазки имеют треугольную форму. Две их стороны, соприкасавшиеся с бревнами, вогнуты, третья плоская. Она несет на себе следы оттисков пальцев. Каждое жилище было разделено на четыре жилых помещения. Все они были отделены друг от друга узкими коридорами и имели одно перекрытие, а в целом составляли один большой дом. По скоплению глиняной обмазки оказалось возможным определить ориентировку и размеры всех жилищ. По длинной оси они ориентированы по линиям северо-запад — юго-восток, по короткой — северо-восток — юго-запад. Внутри каждого помещения находились открытые очаги. Устройство их во всех жилищах одинаково. В качестве пода насыпался желтый, чаще крупнозернистый песок слоем от 0,05—0,1 до 0,2—0,25 м. По краям он окантовывался валиком глины в поперечном сечении полукруглой или полуовальной формы. Ширина валиков в основании 0,15—0,25 м, высота

от 0,1 до 0,2—0,3 м. В плане очаги круглые и овальные. Почти в каждом жилище они по мере накопления культурного слоя не менее двух раз обновлялись.

Жилище 1 (рис. 10,2) расположено в юго-западном углу раскопа (1955). Частично разрушено траншеей, поэтому первое и второе жилые помещения имеют меньшие размеры. Общая длина жилища 13,7 м, ширина 8 м. Размеры помещений: первого 5Х3,4 м, второго 4,5Х4 м, третьего 7Х4 м, четвертого 6,8Х4 м. Очаги сохранились во всех четырех помещениях. В первом очаг перестраивался дважды, поэтому более поздний (верхний) перекрывает собою восточную часть нижнего. В плане и тот и другой . круглые, диаметром 1,4—1,5 м. В северо-восточном углу в 1 м восточнее очага обнаружено основание печи-домницы. От нее уцелели сильно обожженная глина, положенная полуовалом, и неглубокая яма, заполненная перекаленным песком. Во втором помещении очаг в плане круглый, диаметром 1,5 м. Перестройке не подвергался, в третьем и четвертом помещениях очаги перестраивались два раза. Форма очага в третьем помещении круглая (1,4 м), в четвертом овальная (1,8Х1,3 м).

Жилище 2 (рис. 10, *2)* находилось в 3 м юго-восточнее предыдущего. На его месте сохранились следы более раннего жилища: скопление обмазки в пределах четвертого помещения залегало в два яруса, отделенных друг от друга песчано-углистой прослойкой 0,1—0,15 м. По-видимому, к раннему жилищу относится ряд столбовых ям, расположенных в 0,8—0,9 м от стены позднего дома. Границы раннего дома проследить не удалось, длина позднего 17,3 м. Длина всех четырех жилых помещений 8—8,2 м, ширина 3,5—3,7 м. Очаги обновлялись неоднократно: в первом и втором помещениях не менее трех, в третьем и четвертом — четырех раз. Ранние очаги в первых двух помещениях лежали на культурном слое (0,1—0,15 м), а в третьем и четвертом — на материке. Скорее всего, эти два очага относились к первому строительному периоду. В плане очаги круглые (первое и третье помещения, диаметр 1,4—1,5 м), овальные и яйцевидные (длина от 1,5 до 1,9 м, ширина от 1,2 до 1,6 м). Внутри первого, второго и четвертого помещений обнаружена необожженная глина. Она, видимо, использовалась как сырье для лепки сосудов и как материал для обмазывания стен.

Жилище 3 (рис. 10, *2)* сохранилось хуже остальных, поэтому границы первого и второго помещений условны. Длина 16,75 м, ширина 7,3 м. Все четыре помещения в основном одинаковы: их длина 8,3—8,4 м, ширина 3,4—3,6 м. Очаги сохранились во всех помещениях. Все они обновлялись: в первом помещении два раза, в третьем и четвертом не менее трех раз. В плане они круглые и овальные. Диаметр круглого очага (второе помещение) 0,9—1 м, длина овальных от 1,7 до 1,8 м, ширина 0,95—1,5м.

Жилище 4 (рис. 10, *2)* располагалось в 2—3 м северо-восточнее предыдущего. Сохранилось хуже всех остальных. Очаги и скопление глиняной обмазки залегают в два яруса. Это обстоятельство говорит с том, что остатки жилищ относятся не менее чем к двум строительным периодам. Определить границы раннего жилища нельзя, так как от него сохранились лишь лежащие на материке очаги и небольшое количество обмазки. От более позднего жилища также остатков немного, поэтому его границы с учетом границ других жилищ очерчены условно. Приблизительная длина жилища 17,5—17,8 м, ширина 7,5—7,8 м. Жи-

лые помещения по размерам, видимо, одинаковы. Их длина 8,2—8,3 м, ширина 3,3—3,5 м. Внутри каждого помещения находились очаги, относящиеся к двум строительным периодам. Ранние очаги лежали на материке, поздние перекрывали культурный слой не менее чем на 0,25—0,3 м. Они устроены одинаково, по форме круглые и овальные. Поздние очаги неоднократно обновлялись. Глиняные валики ранних очагов сильно обожжены. Диаметр круглых очагов 1,75 м, длина овальных от 1,4 до 1,7 м, ширина от 0,1 до 1,3 м. Два очага (второе и третье помещения) имеют подковообразную форму. Один из них относится к первому, другой ко второму периодам. Их размеры: длина 1,25 и 1,75 м, ширина между концами подковы 1,25 и 1,3 м.

Малышкинское городище является однослойным поселением. Керамика и глиняные пряслица из нижних и верхних горизонтов культурного слоя совершенно одинаковы. Правда, в верхнем горизонте, как и на других городищах, наряду со штрихованными встречено довольно много обломков от гладкостенных сосудов. В третьем помещении жилища 4 около очага второго строительного периода найдено три целых сосуда с подлощением. По форме они аналогичны ребристым штрихованным сосудам (рис. 32, *2, 3, 4*). Всего в жилищах обнаружено: в жилище 1 — глиняных пряслиц 12 штук (рис. 30, 1—*3;* рис. 29, *1—10),* обломок железного ножа (рис. 22, 7); в жилище 2 — глиняных пряслиц 21 штука (рис. 30, *4—12;* рис. 29, *11—19);* миниатюрный сосуд (рис. 31, *6),* пряжка железная (рис. 22, *22);* в жилище 3 — глиняных пряслиц 13 штук (рис. 31, *5, 10;* рис. 30, *13—18;* рис. 29, *20—24),* железный топор (рис. 22,5), железное копье (рис. 22, 1), шило железное 2 штуки (рис. 22, *13, 14),* обломок железного дротика (рис. 22, *10),* серпы 2 штуки (рис. 22, *4, 5),* заготовка ножа (рис. 22, *9),* глиняные грузила 34 штуки (рис. 31, *13—20),* тигли для плавки бронзы (рис. 22, *17, 18),* посоховидная булавка (рис. 22, *15),* фибула позднелатенская (рис. 22, *16);* в жилище 4 — глиняные пряслица (рис. 29, *25—28),* сосуды с подлощением 3 штуки (рис. 31, *2, 3, 4),* железный дротик (рис. 22, *2),* грузик дьякова типа 2 штуки (рис. 22, *25, 27).* Вне жилищ встречена бронзовая подковообразная фибула с эмалью (рис. 22, *23),* изделие из кости неопределенного назначения (рис. 22, *21),* клык кабана (рис. 22, *20),* шило железное с костяной рукоятью (рис. 22, *12).*

Из всех поселений культуры штрихованной керамики Васильковское городище, известное в народе под названием «Замок», является наиболее поздним. Расположено в 1,5—2 км юго-восточнее д. Васильковка Логойского района. Устроено на стрелке длинного холма, на коренном правом берегу р. Цны. Возле западной стороны протекает безымянный ручей. К северу, северо-востоку и северо-западу от городища раскинулась обширная пойма реки. Укреплено двумя кольцевыми валами и рвом, проходящим между ними. Внешний вал лежит на склоне холма в 3,5—4 м ниже основания внутреннего вала, насыпанного на краю площадки. Размеры валов и рвов не во всех своих частях одинаковы: ширина валов у основания колеблется в пределах от 7 до 9—10 м, глубина рва от гребня внешнего вала 1,5 м, ширина от гребня этого же вала до склона холма 9—10 м.

Площадка городища в плане почти круглая, ее диаметр 57—59 м. Она выпукла, в сторону валов понижается до 0,5—0,6 м. Культурный слой в центре не превышает 0,2—0,25 м толщины. Такое явление обычно для городищ культуры штрихованной керамики и днепродвинской культуры. Однако причины, обусловившие это явление, были различны-

ми. Применительно к большинству городищ центральной и северной Белоруссии большая мощность культурного слоя на краю поселения объясняется тем, что здесь располагались жилища, причем часто на искусственно вырытых террасах (Збаровичское, Лабенское городища и др.). Иная картина наблюдалась на этом городище: жилища здесь располагались не на краю площадки, а в ее середине, что характерно для поздних городищ изучаемой культуры (Малышки и др.). Понижение площадки образовалось вследствие того, что здесь брали землю для насыпания внутреннего вала. В результате этого вдоль вала образовался ров, который с течением времени заплыл.

Раскопки велись в 1964, 1966 и 1967 гг. Вскрыта площадь в 402 м^2. Стратиграфия культурного слоя следующая. Под дерном залегал рыхлый культурный слой темно-серой окраски мощностью от 0,1—0,15 до 0,3—0,4 м. В нижней части он значительно темнее и плотнее. Этот слой характерен для всего городища. Выше линии квадратов В/3 он лежал непосредственно на материковом светло-желтом песке, а вдоль внутреннего вала сменился темно-серым (с коричневатым оттенком), более плотным, насыщенным керамикой слоем. Мощность его колебалась от 0,1—0,15 до 0,4—0,5 м. Ниже, в заполнении рва, залегал культурный слой интенсивно черной окраски, мощность которого местами достигала 0,65—0,7 м. Ров проходил через весь раскоп и полностью захватывал ряд квадратов Б/12—13. Он углублялся в материк на 1,1—1,2 м, его ширина в верхней части колебалась в пределах 2,8—4 м.

На площади раскопов 1966—1967 гг. обнаружены следы жилых и хозяйственных построек столбовой конструкции. Ямы от столбов располагались двумя группами. Первая группа ям находилась в юго-восточной части раскопа II (квадраты В/8 и Г/8), вторая — в северо-западной его половине (квадраты Ж/7, И/7 и К/7). Между этими группами и рядом с ними, в составе которых ямы располагались правильными рядами, обнаружены беспорядочно расположенные ямы. Столбовые ямы имелись и в раскопе III, т. е. в южной части вскрытого участка. Столбовые ямы первой группы располагались тремя горизонтальными рядами и очерчивали постройку, разделенную на четыре помещения. Три помещения в плане были четырехугольными и имели одинаковые размеры — 3,8X2,4 м. Четвертая, меньшая по размерам, была трапециевидная. Внутри помещений ни очагов, ни очажного слоя встречено не было. Вероятнее всего, постройка имела какое-то хозяйственное назначение, может быть, являлась стойловым помещением для скота. Столбовые ямы другой группы очерчивали, несомненно, жилую постройку, разделенную на два помещения. Размеры помещений почти одинаковы: 4,3—4,6X2,8 м. Внутри одного помещения находился обычный для поселений изучаемой культуры очаг 1. Он располагался в 0,5—0,6 м от внутренней стены. Форма подковообразная. Камни, уложенные в виде подковы, были вкопаны в материк. Размеры очага: длина 1,4, ширина 1,1 м (рис. 11).

В 0,8 м юго-восточнее жилища (в квадратах Ж/1 и И/1) встречено девять столбовых ям, расположенных в беспорядке. Здесь же обнаружена вымостка из мелких камней, залегавших в слое интенсивно черного цвета, насыщенного массой мелких углей. Назначение столбовых ям и каменной вымостки осталось невыясненным. Возможно, к жилищу примыкала какая-то постройка столбовой конструкции. Рядом с ней (квадраты Ж/1, Ж1/2 и И1/1, и И1/2) располагалась яма больших размеров, видимо, хозяйственного назначения. В плане она имела овальную фор-

му, вытянутую с северо-востока на юго-запад. О ее глубине говорить трудно, так как она была врезана в склон площадки, благодаря чему с северо-западной стороны ее глубина достигала 0,4—0,45 м, а с юго-восточной сходила на нет. Размеры ямы: по длинной оси 3,2 м, по короткой 1,95 м. Над ямой, по-видимому, имелось какое-то перекрытие, опиравшееся на столбы. Столбовые ямы встречены у восточной и юго-восточной стен. Заполнение ямы состояло из культурного слоя черного цвета с коричневым оттенком. В составе этого слоя встречены черепки, несколько кусков шлака, точильный камень и камни со следами действия огня.

В юго-западной части вскрытого участка (раскоп III), как и в других его местах, встречены следы жилищ в виде столбовых ям и очагов. Границы жилищ определить не удалось, так как столбовые ямы разновременны и располагались беспорядочно (рис. 11). Обнаруженные очаги относились к двум строительным периодам. Их найдено три. Очаг 2 залегал на глубине 0,2 м. От него сохранился слой (0,1—0,15 м) пережженного песка с углями и золой и несколько обожженных камней. В плане он овальный, по длинной оси равнялся 1,4, по короткой 1 м. Очаги 3 и 4 лежали на материке (0,4 м от дневной поверхности). От очага 3 сохранился песок, служивший подом (0,15—0,2 м толщины), и валик глины, которым он был обложен. В плане он овальный. Размеры: длина 1,8 м, ширина 1,4 м. От очага 4 уцелела лишь небольшая часть глиняного валика высотой 0,15 м, шириной в основании 0,2 м. В квадратах Ж, И/8 и Ж/9 обнаружена хозяйственная яма яйцевидной формы, стены которой были обложены мелкими камнями. Длина ямы 1,2 м, ширина 0,8 м, глубина 0,4 м. Заполнена культурным слоем черного цвета, в составе которого найдены обломки сосудов и куски глиняной обмазки от стен жилищ. Глиняная обмазка встречалась и в других местах раскопов I—III. Она залегала беспорядочно.

За три года раскопок обнаружено четыре железных серпа, два шила, обломок подковообразной фибулы, обломок топора, глиняные пряслица (72 штуки), обломок грузика дьякова типа, обломок нижнего камня зернотерки (рис. 13, /—*20)*. Много обломков глиняных сосудов: всего 4299 штук, из которых 380 венчиков и 175 днищ. Все они лепные и довольно грубые: в глиняном тесте много примеси дресвы, обжиг костровой, неравномерный (пятнистость, наличие темно-серых или черных прослоек в изломе черепков и т. п.). Обломки сосудов отличаются от керамики других поселений изучаемой культуры тем, что среди них значительно преобладают не штрихованные, а гладкостенные сосуды. Так, в 1964 г. выявлено штрихованных обломков 360 (37%), гладкостенных 613, в 1966 г.— штрихованных 329 (25,9%), гладкостенных 839, в 1967 г.— штрихованных 563 (27,7%), гладкостенных 1495. Из всего сказанного следует, что Васильковское городище относится к тому времени, когда прием покрывать сосуды штрихами стал исчезать, а место штрихованной керамики стала занимать гладкостенная. Отличия наблюдаются и в формах сосудов. Остroреберных сосудов, столь характерных для керамики других городищ, здесь встречено мало. Наиболее характерными формами являются сосуды с прямым или чуть отогнутым венчиком, выраженным плечиком, сравнительно плавно переходящим в тулово. Последнее, как правило, имеет некоторую выпуклость. Наибольший диаметр тулова всех сосудов в их верхней части. Характерной особенностью этих сосудов является также и то, что они снабжены днищем сравнительно большого диаметра. Многие днища в месте перехода в стенки

имеют отчетливо выраженный выступ. Аналогичные по форме глиняные сосуды в других городищах (Лабенщина, Малышки и др.) встречены только в верхних горизонтах и в небольшом количестве. Найдены также обломки баночных сосудов. Их немного. Значительно меньше, чем на других городищах, встречено орнаментированных сосудов (не более 70—80 обломков). В целом глиняные сосуды Васильковского городища можно рассматривать как переходные от сосудов культуры штрихованной керамики к более поздним сосудам культуры типа верхнего слоя Банцеровского городища.

Перед нами прошло довольно много разновременных поселений культуры штрихованной керамики. Их изучение позволило установить, что в их развитии было несколько этапов. Первоначально они не укреплялись и представляли собой открытые селища (Гатовичи, Студенец и др.). С развитием производительных сил в земледелии и скотоводстве, возникновением прибавочного продукта и усилением противоречий между родами и племенами появляются укрепленные поселения-городища. На первой стадии развития они укреплялись лишь оборонительной стеной по краю площадки (Августово). В дальнейшем с углублением противоречий и учащением военных столкновений между родами и племенами оборонительные укрепления на поселениях усиливаются и усложняются: насыпаются земляные валы, вначале с одной, напольной, стороны (Оздятичи, Новоселки и др.), а затем кольцевые валы со всех сторон, чаще по краю площадок и по склонам (Малышки, Васильковка). Для племен культуры штрихованной керамики характерны общинные жилища столбовой конструкции, разделенные на несколько жилых помещений. На ранних поселениях (Лабенщина, Збаровичи и др.) они располагались вдоль края площадки, на специально подготовленных для этого террасах, а на поздних занимали всю площадку (Малышки, Васильковка). Перекрытия жилищ, вероятнее всего, были односкатные (Збаровичи) и двускатные (Лабенщина, Вязынка и др.). Внутри жилищ в пределах всего ареала культуры размещались открытые очаги. По своему устройству они одинаковы: подом служил песок, насыпанный слоем от 0,1 до 0,2 м и обложенный по краям либо валиком глины, либо камнями. Иногда камни вмазывались в глину. Очаги, которые обкладывались глиной, в плане имели круглую или овальную форму, а камнями — подковообразную. Они встречены на городищах Подгай, Михайловское, Горовые, Макрядино и в других местах.

Глава II

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ВОПРОСЫ ДАТИРОВКИ

Культура штрихованной керамики получила свое название по наличию в ее составе наиболее характерной черты — штрихованной керамики. Обломки сосудов являются массовой находкой. Трудно сказать, чем был вызван прием покрывать сосуды штрихами и для какой цели это делалось. Первоначально штрихи на сосудах, по-видимому, появились в результате обработки (обтирания) их стенок, а затем они по какой-то причине превратились в своего рода орнамент. Не исключено, что штрихи наносились на внешнюю (иногда и на внутреннюю) сторону стенок сосудов с какими-то практическими целями: например, чтобы придать

им большую прочность, сделать водонепроницаемыми, скрыть выступающие наружу крупные зерна дресвы и т. п. Возможно, что этот прием был связан и с магическими представлениями: сосуды покрывали штрихами, чтобы уберечь их содержимое от злых духов. Беспорядочные штрихи, чаще вертикальные, наносились на сосуд, скорее всего, при помощи смоченного в разжиженной глине пучка соломы и сухой травы, возможно, каким-то штампом — пучком тонких прутьев, сломанной щепкой и т. п.

Различаясь по форме, орнаменту, размерам и назначению, штрихованная керамика по технологии изготовления и некоторым другим показателям однородна. Вся она леплена от руки.

При формовке сосудов применялся обычный для того времени способ— ленточно-кольцевой налеп. Фрагментов со следами распада лент встречено много. Показательным в этом отношении является сосуд из городища Лабенщины (рис. 15, 1). Он распался по местам слепов, и поэтому отчетливо прослеживается ленточно-кольцевая техника его изготовления. Ширина лент, как правило, не превышала 5—5,5 см. Почти все сосуды плоскодонны. Лишь отдельные экземпляры днищ, встреченные в нижнем слое Лабенщины (около очага 1), округлы.

Толщина днищ чаще превышает толщину стенок, реже равна им. Есть единичные днища тоньше стенок. Судя по отпечаткам на днищах, глиняные сосуды формовались на плоской и твердой подставке. Чтобы слепленный сосуд в необожженном виде свободно отделялся от подставки, под него иногда подкладывали солому или траву, плетенку типа рогожи и куски грубой ткани. Но обычно на подставку насыпали дресву или песок. В качестве отощающей примеси употреблялись толченый гранит (дресва) и крупнозернистый песок. На Лабенщине найдены четыре черепка с примесью шамота. Толщина стенок сосуда зависела от размера сосуда и его назначения. В среднем (не менее 75%) она не превышала 0,6—0,8 см. При раскопках встречено очень много обломков штрихованных сосудов. На Лабенском городище, например, найдено более 19 тыс. обломков, не менее 90% которых покрыто штрихами, а остальные их не имели. Очень много керамики найдено и на других городищах. Всего в наших коллекциях насчитывается свыше 45 тыс. обломков, в том числе несколько десятков от черных и желтых лощеных сосудов.

Весь керамический материал можно разделить на две хронологические группы — раннюю и позднюю. Керамика ранней группы встречена на открытых поселениях: в Гатовичах, Студенце, Ясилевичах и на городищах Лабенщина, Банцеровщина [61], Старая Рудица, Городище (нижние слои), Кимия, Новоселки, Оздятичи, Кистени, Рогачев (рис. 12; рис. 14). Сосуды делятся на два вида — банки и горшки. Баночные сосуды в свою очередь разделяются на три разновидности — с прямым, вогнутым и слегка отогнутым венчиком (рис. 2, *2, 10, 13, 11).* У одних сосудов этого вида стенки отвесны, у других — конусовидны, у третьих — выпуклы. Они распространены по преимуществу в западной части ареала культуры штрихованной керамики. Бытовали на протяжении всего периода существования культуры, но в конце I тысячелетия до н. э. их число резко сократилось, а вместо них распространились острореберные сосуды. Орнаментированные сосуды встречаются как исключение (рис. 2, *2).* Горшки распространены главным образом в восточной половине ареала культуры. Там их насчитывается 85—90% от всего количества венчиков. Однако они встречаются и на западе (селища Гатовичи, Студенец, го-

родище близ д. Городище). На селище в Гатовичах и в нижних горизонтах ранних городищ (Кимия, Кистени и др.) сосуды этого вида гладкостенны (рис. 14, *4, 8, 15, 21, 24, 34—37, 44, 48),* а в вышележащих слоях: покрыты штрихами. Их форма и орнамент находят аналогии в керамических комплексах VI—IV вв. до н. э. и III—II вв. до н. э. милоградской культуры. У них прямой или отогнутый (воронкообразный) венчик, короткая шейка, опущенное или, наоборот, приподнятое плечико, выпуклое тулово. Судя по крупным обломкам, высота горшков превышала диаметр устья. Наибольшее расширение тулова находится посередине или в третьей четверти сосуда, его диаметр равняется либо несколько-превышает диаметр горла. Мы не можем с уверенностью сказать, какое количество горшков имело плоское и какое округлое дно. У большинства, по-видимому, оно было плоским, хотя бытовали горшки и с округлым дном: их обломки найдены на селище в Гатовичах и в нижних слоях городища Лабенщины. Необходимо еще учитывать, что обломки от круглого дна не всегда можно отличить от обломков стенок сосудов, имевших выпуклое тулово.

Сосуды этого вида несут на себе однообразный орнамент в виде различных по диаметру округлых или овальных ямочных вдавлений, помещенных на шейке (редко на плечике) с внешней стороны. Ямки чаще располагались по одной (редко по две) в ряд с одинаковыми промежутками (рис. 14, *1, 4, 10, 36, 53;* рис. 12, *2, 5, 10)* либо группами по две-три в каждой из них (рис. 14, *4, 8, 42, 48),* иногда в виде треугольников (рис. 14, *3, 12, 13).* Край венчика некоторых сосудов тоньше стенок. Как уже отмечалось, горшки этого вида весьма сходны по форме и орнаменту с сосудами ранних — VI—IV вв. до н. э.— и средних комплексов — III—II вв. до н. э. (по О. Н. Мельниковской) милоградской культуры. Сходная по форме и орнаменту посуда встречена также в ранних (VI—I вв. до н. э.) поселениях Литвы[62]. Все эти факты важны в том отношении, что они свидетельствуют, во-первых, о том, что племена — носители милоградской культуры обитали на значительна более широкой территории, чем это представлялось исследователям ранее, во-вторых, о том, что эти племена и племена культуры штрихованной керамики в этническом отношении были родственны. К варианту этого типа можно отнести обломки сосудов, найденные в нижних слоях городища близ д. Городище (рис. 14, *3, 4, 6, 10—12).* Их венчик, как и у большинства сосудов этого типа, отогнут наружу, но плечико выражено слабо, тулово имеет незначительную выпуклость. Орнамент состоит из ямок (рис. 14, *3,4, 6, 11, 12).*

По размерам сосуды обоих видов различны. Большинство из них имеет средние размеры. Диаметр по краю венчика колеблется в пределах 18—30 см. Сосудов, диаметр шейки которых превышает 30 см и иногда достигает 35—40 см, немного. В небольшом количестве есть и сосуды малых размеров. Их диаметр по краю венчика не превышает 10—13 см. Большие сосуды отличаются грубым тестом, толстыми стенками, достигающими иногда 1,1—1,2 см, и полным отсутствием следов нагара — нижние слои городища близ д. Городище. Они предназначались для хранения хозяйственных запасов и в первую очередь зерна. В сосудах средних размеров, несущих на себе следы нагара, приготавливалась пища. Обжиг сосудов неравномерный, костровой, но в целом обломки имеют сравнительно большую механическую прочность.

Поздняя группа керамики представлена очень большим количеством обломков глиняных сосудов. Она встречена на всех городищах, подвер-

гавшихся раскопкам, но особенно много ее в поселениях, расположенных в западной половине ареала культуры штрихованной керамики: в верхних слоях городищ Лабенщины, Городища, Старой Рудицы, в средних слоях Банцеровщины, в однослойных городищах, возникших на рубеже и в начале н. э.,— в Вязынке, Збаровичах, Малышках, Качановичах и на других поселениях. По составу глиняного теста, технологии изготовления, обработке поверхности она однородна. Как и в предшествующее время, в глину примешивалась дресва (иногда в крупных зернах), сосуды лепились ленточно-кольцевым способом, на подставку подсыпались песок или дресва, иногда под сосуд подкладывали солому, куски ткани или рогожи, поверхность сосудов покрывалась штрихами. Штрихи, как правило, наносились на тулово сосудов, а венчик оставался гладким. Наряду со штрихованной в верхних горизонтах почти всех городищ встречена керамика без штрихов. В целом сосуды обожжены довольно хорошо: глина плотная, механическая прочность черепков довольно высокая. Лишь единичные обломки от больших и толстостенных сосудов худшего качества и обжига. Все сосуды разделяются на три вида: ребристые и слабопрофилированные горшки, сосуды баночной формы.

Ребристые горшки, относящиеся к первому виду, основные и самые многочисленные, их встречено не менее 85—90% от всей керамики. Венчик этих сосудов от ребра и выше вогнут внутрь, он либо поставлен прямо, либо самый его край слегка отогнут наружу. Шейка короткая, у некоторых сосудов она отсутствует, при переходе плечика в тулово у всех сосудов в большей или меньшей степени выражено ребро. Тулово; имеет вид усеченного конуса, основанием перевернутого вверх, у некоторых сосудов оно слегка выпукло. Дно плоское. У многих сосудов на дне характерный выступ. Наибольший диаметр находится в верхней (четвертой) четверти сосудов, он проходит по их ребру. По пропорциям их: можно разделить на два типа — А и Б. Высота горшков типа А, как правило, превышает максимальный диаметр, редко равняется ему. Диаметр дна меньше диаметра горла, но есть и такие, у которых они равны. Стенки у многих сосудов слегка выпуклые (рис. 15, 1). В количественном отношении таких горшков больше. Ребристые горшки типа Б отличаются иными пропорциями: их высота чаще превышала диаметр горла, реже равнялась ему. Дно узкое, стенки прямые и сильно расширяются кверху (рис. 15, *2)*. Следовательно, горшки типа Б мисковидны.

Размеры ребристых горшков разнообразные: диаметр по краю венчика колеблется в пределах от 10—15 до 35—40 см, диаметр дна — от 7—10 до 15—17 см, высота — от 10—12 до 30—35 см. Однако подавляющее их большинство имеет средние размеры, диаметр венчика которых не превышает 20—25 см. Черепки от таких сосудов несут на себе следы нагара. Следовательно, в них готовили пищу. Немногочисленные толстостенные сосуды с диаметром верхней части 35—40 см предназначались для хранения хозяйственных запасов. Среди ребристых сосудов имеются и такие, диаметр верхней части которых не превышает 10—12 см. Их немного. Они тонкостенные, следов нагара и закопчения не имеют. По-видимому, эти сосуды имели какое-то специальное назначение, например предназначались для хранения жира, молока и молочных продуктов.

Ребристые сосуды находят себе полную аналогию в керамике одновременных поселений Литвы[63]. Но в восточной части ареала культуры они встречаются в меньшем количестве: на городище Кимия не более

10%, в Новоселках 5—7% от общего количества, а в Оздятичах выявлены единичные обломки. На этих поселениях ребристые горшки залегали только в верхних горизонтах. Буквально единицами они представлены в нижних горизонтах Лабенского и Банцеровского городищ. Следовательно, их появление относится к концу I тысячелетия до н. э. А. Данилайте полагает, что форма ребристых горшков возникла из баночных сосудов [64]. С этим нельзя не согласиться. Вероятнее всего, исходными были сосуды с вогнутым внутрь краем венчика. Предположение это подтверждает керамика, найденная на селище в Ясилевичах: там встречены обломки от сосудов переходной — от баночных к ребристым — формы (рис. 2, *7, 9—11)*. На рубеже и в первых веках нашей эры сосуды этого вида становятся ведущей формой. Наиболее выразительные их формы бытовали в период расцвета культуры штрихованной керамики, т. е. в I—III вв. н. э. С течением времени они претерпевали существенные изменения: утрачивалась наиболее характерная их черта — ребристость. Ребро постепенно сглаживалось, а затем и полностью исчезло. В результате одни сосуды приобрели форму баночных, другие — слабопрофилированных. Эти формы почти не отличаются друг от друга. Исходными для баночной формы были сосуды, у которых верхняя часть вогнута внутрь, но самый край венчика не отогнут наружу, а для слабопрофилированных — сосуды с отогнутым краем венчика. Эта закономерность довольно хорошо прослеживается на обломках сосудов переходных форм (рис. 15, *4, 8, 9, 18;* рис. 17, *2, 3, 17). Судя* по наличию крупных обломков, сосуды баночных форм своими пропорциями почти не отличались от ребристых. Их высота несколько превышала максимальный диаметр или равнялась ему. Многие сосуды при переходе дна в стенки имеют выступ. Максимальный диаметр тулова у всех сосудов в верхней части. Венчик чаще вогнут внутрь, реже поставлен прямо. Размеры баночных сосудов разные: максимальный диаметр горла колеблется в пределах от 10—12 до 20—25 см, высота — от 10—12 до 25—27 см, диаметр дна — от 7—10 до 13—15 см. Сосуды баночных форм встречаются в большем или меньшем количестве в поселениях всего ареала культуры. В IV в. н. э. количество баночных сосудов несколько увеличилось, а ребристых уменьшилось, хотя они полностью и не исчезли. Процесс изменения керамических форм протекал медленно. К концу существования культуры штрихованной керамики бытовали три типа сосудов: ребристые, баночные и слабопрофилированные. Форма слабопрофилированных сосудов, как и баночных, возникла из ребристых горшков, поэтому первоначально пропорции и тех, и других были одинаковы. Край венчика слабопрофилированных сосудов слегка отогнут наружу, шейка относительно высокая, плечико выражено слабо, тулово имеет небольшую выпуклость. Дно плоское. При переходе дна в стенки многие сосуды имеют характерный выступ. Сосуды этого типа встречены в верхних слоях городищ. Их не более 5% от общего числа венчиков. Значительно больше обломков слабопрофилированных сосудов найдено на городище Васильковка. Важно то, что почти все встреченные там слабопрофилированные сосуды гладкостенны, без штрихов, типологически сходны с более поздними гладкостенными сосудами, встреченными на поселениях третьей четверти I тысячелетия н. э.

Поздняя группа штрихованной керамики характеризуется своеобразным орнаментом. Наносился он на верхнюю часть — на ребро и выше. Орнаментировались по преимуществу ребристые сосуды. На Лабенском и других городищах максимальное количество орнаментированных сосу-

дов приходится на нижнюю и среднюю части верхнего культурного слоя. Виды орнамента довольно разнообразные: защипы, ямочные вдавления, насечки, нарезы, ногтевые вдавления. Наиболее характерными были защипы. Они наносились двумя пальцами по сырой глине. Чаще защипы располагались по ребру сосудов либо в один ряд (очень редко в два), либо группами по 2—3—4 защипа в группе. Нередко защипами образовывались треугольники. Защипы встречаются горизонтальные (их значительно больше), вертикальные и с наклоном в правую сторону (рис. 15, *11;* рис. 16, 1). Этот вид орнамента преобладал на всем протяжении существования ребристых сосудов: от рубежа до середины I тысячелетия н. э. Но с течением времени он деградировал: на поздних сосудах защипы небрежны, нанесены только ногтями, появились вдавления, сделанные одним пальцем (рис. 15, *12, 19, 21).*

Вторым видом был ямочный орнамент. Он не менее характерен, чем защипы. Ямки наносились по ребру сосудов, но в отличие от защипов почти всегда сплошным рядом. Единичные сосуды украшены ямками по шейке ниже края венчика. В одних случаях они расположены в один ряд, в других из них образовывались треугольники. Судя по форме, ямки наносились тонкой палочкой, самый конец которой имел различную в сечении форму — круглую, овальную, треугольную, квадратную и ромбическую (рис. 16—19). Поэтому и ямки приобретали аналогичные очертания. В вертикальном разрезе они цилиндрические, конусовидные, полушаровидные. Несколько сосудов было украшено ямками, сделанными концом палочки, поставленной под углом, т. е. тычками. Сравнительно много сосудов орнаментировано насечками. Они наносились только на ребро сосудов. Несколько отличающиеся друг от друга насечки располагались по ребру сосудов, как и защипы, либо в один ряд, либо группами по 3—4—5 в каждой (рис. 15, *17, 23, 32;* рис. 16, *22).* Сосудов, орнаментированных нарезными линиями, встречено мало. Чаще всего нарезные линии встречаются в комбинации с другими видами орнамента (рис. 15, *1;* рис. 16, *1;* рис. 18, *4, 5).*

Как уже отмечалось, орнамент наносился главным образом на ребристые горшки. Баночные и слабопрофилированные сосуды почти не орнаментировались. Единичные обломки сосудов этих видов несут на себе тот же орнамент— защипы и ямки.

Появление орнамента относится к концу I тысячелетия до н. э. и рубежу нашей эры. Максимальное количество орнаментированных сосудов, несущих на себе разнообразные узоры, падает на период расцвета культуры штрихованной керамики, т. е. на I—III вв. н. э. На последнем этапе существования этой культуры (IV—V вв. н. э.) происходит сначала упрощение орнамента, а затем и полное его исчезновение.

Важно отметить, что все разновидности орнамента, встреченные на сосудах из поселений Белоруссии, бытовали и в Литве. Однако орнаментальные мотивы, обнаруженные на штрихованных сосудах в литовских пилякальнисах, более сложны и разнообразны, там были распространены такие узоры орнамента, которых в Белоруссии нет. Так, белорусские сосуды не знали орнаментов в виде оттисков разнообразных штампов. В пилякальнисах Среднего Понеманья и Занеманья бытовали сосуды, покрытые от дна до венчика пальцевыми вдавлениями. В Литве некоторые виды орнамента (защипы, ямки) бытовали значительно дольше, чем в Белоруссии [65]. Эти различия, возникшие еще в пору существования культуры штрихованной керамики, свидетельствуют, что уже в первой половине I тысячелетия н. э. стали намечаться особые пути разви-

тия племен, заселявших среднюю Белоруссию и восточную Литву. Начиная с середины I тысячелетия н. э. развитие культуры этих племен пошло различными путями.

Наряду со штрихованной керамикой на городищах встречена лощеная и подлощенная керамика. Ее очень мало. Лощеные сосуды характеризуются высокой техникой изготовления, очень хорошим обжигом, чистой глиняной массой. Внешняя и внутренняя поверхность стенок хорошо заглажена, иногда до блеска. Цвет сосудов черный и желтый, иногда матово-серый. Среди встреченных обломков выделяются два вида сосудов — ребристые горшки и миски. Есть миски с вогнутым венчиком. Венчик от ребра и выше у тех и у других вогнут внутрь. У всех сосудов максимальный диаметр тулова находится в верхней части, на месте расположения ребра. При переходе дна в стенки почти все сосуды имеют выступ. Размеры лощеных сосудов небольшие, диаметр по их ребру не превышает 12—15 см. Подлощенные сосуды представлены ребристыми горшками. Они найдены в Вязынке и Малышках (рис. 24, *1;* рис. 31, *2, 3, 4).* По внешнему облику и пропорциям не отличаются от лощеных. Но обожжены хуже, в изломе, как правило, имеется темно-серая прослойка, в глиняном тесте есть примесь крупнозернистого песка или мелких зерен дресвы. Внутренняя поверхность стенок лощению не подвергалась. Довольно много встречено миниатюрных сосудов. Они изготовлены из обычной глины, содержащей небольшую примесь дресвы или песка. Форма большинства сосудов баночная (рис. 23, *10—12;* рис. 31, *6;* рис. 32, *1,5,*7), но есть и мисковидная (рис. 32, *2,3).* О назначении этих сосудов судить трудно. Вряд ли эти сосуды предназначались для каких-либо практических целей. Не исключено их культовое назначение. С этой точки зрения интересен миниатюрный сосуд, обнаруженный под камнем очага 2. Он изготовлен очень небрежно: в комке глины большим пальцем сделано углубление 1,5 см глубиной (рис. *32,4).*

Комплекс металлических изделий, встреченных при раскопках поселений культуры штрихованной керамики, большой и разнообразный. Много железных вещей. Среди них есть вещи, имеющие большое значение для определения хронологии. К ним относятся прежде всего узколезвийные топоры. Целых найдено два экземпляра — по одному на Августовском и Малышкинском городищах. Обломков встречено много. Все они относятся к типу южноприбалтийских топоров. Типологически они ближе всего стоят к топорам второй группы (по классификации Х. А. Моора [66]), которые датируются I—III вв. н. э. К обычным топорам южноприбалтийского типа относится целый экземпляр, найденный на городище в Малышках (жилище 3). Отверстие для топорища у него круглое. Длина топора 16,2 см, ширина лезвия 6,1 см, диаметр круглого отверстия для топорища 2—2,1 см (рис. 22,5). Весьма своеобразен целый топор, найденный на Августовском городище. Он отличается архаичной формой, напоминающей топоры эпохи бронзы. Сильно изогнут. Передняя часть выпуклая, задняя вогнута. Длина 18,3 см, ширина лезвия 6 см, диаметр круглого отверстия 3 см. Аналогий ему мы не знаем. Он, несомненно, древнее всех других топоров[67].

Железных ножей найдено 14 штук. В верхнем слое Лабенского городища их найдено 9 штук — 3 целых и 6 обломков (рис. 20, *19—23),* в Малышках — два обломка и заготовка (рис. 22,7,5), по одному ножу найдено на Августовском, Качановичском (рис. 23, *37)* и Кимийском городищах (рис. 19, *28).* Все ножи разделяются на два типа: с изогнутой спинкой и с прямой. Ножи с изогнутой спинкой, вероятнее всего, появи-

лись в I в. до н. э., но бытовали довольно долго. Возникновение второго типа относится к более поздней поре, бытовали они, как и первые, длительное время. Целые ножи по размерам различны. Самый крупный достигает 13 см в длину, длина черенка 4,5 см, ширина лезвия 1,7 см. Длина самого малого ножа 7,5 см, длина черенка 3 см, ширина лезвия 0,9 см. Размеры остальных ножей варьируют в таких же пределах.

В верхнем слое Лабенщины найдена железная бритва с выпуклым лезвием, вогнутой спинкой и прямым черенком (рис. *20,24).* Аналогичное изделие встречено на Банцеровском городище, но черенок у него кольцевидный [68]. Такие бритвы в I—IV вв. н. э. были распространены в Центральной Европе[69] и в Прибалтике[70].

На Лабенском городище около очага 1 обнаружено весьма своеобразное железное орудие, напоминающее долото. Оно довольно массивно и снабжено толстым, круглым в поперечном сечении, книзу утолщающимся черенком. Нижняя рабочая часть орудия, похожая на лезвие топора, несколько изогнута (рис. 20, *16).* Эта черта сближает его с теслом. X. А, Моора рассматривал это орудие как инструмент для обработки дерева. Его размеры: длина вместе с черенком 17,1 см, длина черенка 9,8 см, диаметр (максимальный) черенка 2,2 см, длина рабочей части 6,3 см, ширина лезвия 3,4 см. Аналогичное орудие найдено на городищах Девички под Полоцком, Дедиловичи в Борисовском районе. Ареал этих орудий довольно ограничен: они встречены только в памятниках, расположенных на территории Прибалтики — в Литве, Латвии, Эстонии и Калининградской области[71]. Следовательно, их с полным основанием можно рассматривать как орудия, характерные для балтского круга памятников. В. Герте и X. А. Моора датируют эти орудия I—IV вв. н. э.[72] К этому времени, надо полагать, относятся и орудия из Белоруссии.

К орудиям уборки урожая относятся железные жатвенные ножи и серпы. При раскопках они встречаются часто. Жатвенных ножей найдено: на городищах Лабенщина 18 штук— 10 целых и 8 обломков (рис. 20,6—*8),* Банцеровщина 7 штук (не сохранились), Новоселки 4 штуки — обломки (рис. 19, *5—8),* Августово — целый, Качановичи — целый. Они характеризуются прямым или чуть изогнутым лезвием, изогнутой спинкой и в большей или меньшей степени отогнутым в сторону лезвия черенком. Линия спинки переходит в линию черенка без уступа, а линия лезвия, как правило, с небольшим и плавным уступом. Размеры целых жатвенных ножей разные: длина лезвия от начала черенка до рабочего конца колеблется от 7,5—8 до 13—15 см, длина черенка — от 3—4 до 7—8 см, ширина клинка — от 1,4—1,5 до 2—2,5 см.

Железные серпы от жатвенных ножей отличаются тем, что у них лезвие более изогнуто. Методика изучения серпов разработана В. П. Левашовой[73]. Она позволяет сравнивать различные типы серпов и определять их рабочие качества. При изучении серпов, относящихся к эпохам неолита, бронзы и к железному веку, эту методику применил Ю. А. Краснов[74]. По способу крепления рукояти с черенком серпы железного века он разделил на отделы: 1) серпы с отогнутым крючком или шпеньком, 2) с кольцом или загнутой в виде кольца петлей, 3) серпы черешковые. По характеру изгиба лезвия серпы делятся на симметричные и асимметричные. Серпы первого и второго отделов бытовали у племен милоградской и зарубинецкой культур. Племена культуры штрихованной керамики таких серпов не знали, у них были только серпы третьего отдела — черешковые (IV и V типы по Ю. А. Краснову). Всего

таких серпов найдено 37 штук: на городищах Лабенщина 18 — 10 целых и 8 обломков (рис. *21,7—11, 13, 15, 17),* Вязынка 4 —2 с отломанными концами и 2 обломка (рис. *23,23—25),* Збаровичи 2 — целый и с отломанным концом (рис. 23, *1, 2),* Новоселки 1 с отломанным концом (рис. 19, 5), Малышки 7 — 3 целых и 4 обломка (рис. 22, *4—6),* Васильковка 5 — у всех отломаны концы (рис. 13,2—5). Обращают на себя внимание небольшие размеры серпов. Из 22 целых или легко поддающихся реконструкции серпов у 13 длина основания (по прямой от начала черенка до рабочего конца) колеблется от 6,5—7 до 8,5 см, у четырех — от 9 до 10 см, а у остальных она равна 11,5, 12,9, 14,3 и 15 см. При переходе линии спинки и лезвия в черенок два серпа имеют плавные уступы, три их не имеют совсем, а остальные плавные уступы имеют только со стороны лезвия. Прямоугольный в сечении черенок всех серпов отогнут в сторону лезвия. Длина черенка колеблется от 3,2—4 до 7,8 см. Максимальная ширина клинка также неодинакова: от 1 до 2,5 см. У большинства она находится в области изгиба. Лезвия некоторых серпов изношены. Двадцать серпов относятся к IV типу (по Ю. А. Краснову). Это симметричные серпы с высотой дуги посередине (или около этого) длины основания (линия АВ). Высота дуги (линия СД) от середины основания (С) до ее вершины (Д) у пяти серпов составляет 1/5—1/7 и у пятнадцати 1/9—1/10 длины основания. Ю. А. Краснов[75] обратил внимание на то, что серпы IV типа распространены только в лесной полосе Восточной Европы, а это «позволяет говорить о их местном происхождении». Он связывает их с балтскими племенами [76]. Два серпа (из числа целых) принадлежат к V типу, т. е. к числу асимметричных серпов, у которых вершина дуги смещена в сторону черенка (линия АС составляет 1/3 линии АВ).

Для датировки культуры большое значение имеют железные фибулы. Их найдено три штуки — по одной на Банцеровском[77], Новоселковском и Малышкинском городищах (рис. 19,9; рис. *22,16).* Первые две относятся к типу слабопрофилированных фибул с подвязанной ножкой. Изготовлены из круглой в сечении проволоки. У них пружины короткие, тетивы нижние. Длина 8,2—8,5 см. Ближайшие аналогии этим фибулам имеются в зарубинецкой культуре[78]. Ю. В. Кухаренко и А. К. Амброз [79] датируют эти фибулы рубежом I в. н. э. Фибула из Малышек относится к типу позднелатенских. У нее пружина короткая, тетива нижняя, спинка изогнута слабо, она расплющена, ножка и приемник пластинчатые, игла в сечении круглая. Как известно, этот тип фибул бытовал одновременно с подвязными фибулами и, как и последние, датируется I в. до н. э.— I в. н. э. Их иногда находят вместе в одном погребении (погребение № 25 могильника в Чаплине) [80].

К числу редких изделий относятся подковообразные фибулы. Всего их найдено три экземпляра: два в обломках на городище близ д. Васильковка (рис. 13,5) и один на городище в Малышках. Первые две фибулы железные, а третья бронзовая. Железные изготовлены из круглого в сечении стержня. Аналогичные встречены в Чаплинском могильнике[81]. Фибула из Малышек весьма своеобразна (рис. *22,23).* Она отлита в форме, дуга в поперечном сечении треугольная. На середине дуги имеется рельефный выступ. Концы оканчиваются двумя дисками. На каждом из них в центре вырезаны кружок и ямка. Они заполнены красной эмалью. В памятниках культуры штрихованной керамики это пока единственная вещь с выемчатой эмалью. Качество металла высокое, поверхность фибулы покрыта яркой изумрудной патиной. Она, не-

сомненно, привозная. Аналогии ей имеются в Литве. Там они датируются серединой II в. н. э.[82]

Весьма характерными для культуры штрихованной керамики были железные посоховидные булавки. На Лабенском городище их найдено 18 штук (рис. 21, *20—29),* на Банцеровщине — 2, в Новоселках—1 (рис. 19, *10),* Кимии — 2 (рис. 19, *26),* в Збаровичах— 1 (рис. 23, *4),* в Августово— 1, Малышках — 3 (рис. 22,*15).* Бытовали они очень длительное время. Появились в эпоху бронзы [83]. В эпоху железа эти изделия были распространены в Литве[84], Латвии[85], Эстонии [86], в Калининградской области[87]. Их много в поселениях и могильниках милоградской, юхновской и зарубинецкой культур[88]. О. Н. Мельниковская обратила внимание на то, что много этих изделий встречено в памятниках Среднего Поднепровья, время существования которых относится к IV—III вв. до н. э. Она считает, что посоховидные булавки «бытовали в продолжение всего времени существования милоградских памятников в Белоруссии»[89]. Специальную работу булавкам этого типа посвятил В. В. Седов. Он доказывает, что эти изделия являются характерными только для восточнобалтских племен[90]. Это предположение вызвало возражение со стороны О. Н. Мельниковской, которая считает, что булавки были распространены на более широкой территории, чем та, которую заселяли восточнобалтские племена [91]. Не касаясь существа спора, заметим, что в памятниках восточных балтов посоховидные булавки действительно имели широкое распространение. В бассейнах Верхнего Поднепровья, Подвинья и Понеманья они встречены почти на каждом поселении культуры штрихованной керамики, днепродвинской и юхновской культур. Их много найдено на территории Латвии. Более того, как известно, такие булавки (правда, с несколько иной конфигурацией головки) бытовали на территории расселения восточных балтов вплоть до конца I тысячелетия н. э. Таким образом, их можно считать одной из характерных черт культур, принадлежащих восточнобалтским племенам. Вместе с этим нельзя игнорировать и совершенно очевидные факты, свидетельствующие о бытовании этих изделий не только у восточных, но и у западных балтов [92]. Постоянно встречаются такие булавки в памятниках западных финнов. М. Х. Шмидехельм относит этот тип булавок к руководящему инвентарю финских погребений и не без основания полагает, что «они являются изделиями местного производства, которые выделывались, должно быть, в каждой хозяйственной единице, т. е. в каждой семейной общине»[93]. С точкой зрения В. В. Седова можно согласиться только с этой оговоркой.

Предметов вооружения и снаряжения воинов встречено мало. Всего найдено: наконечников копий — 4 штуки, по одному на Лабенском (рис. 20,2), Малышкинском (рис. 22, *1),* Оздятичском (рис. *19,1)* и на городище Свидно Логойского района (не сохранился); наконечников дротиков— 6 штук, по одному на Августовском[94], Лабенском и по два на Банцеровском [95] и Малышкинском (рис. 22, *2, 10)* городищах; втоков — 2 штуки, по одному на Оздятичском (рис. 19,2) и Лабенском (рис. 20, *3)* городищах. Судя по поперечному сечению, обломок копья из нижнего слоя Лабенщины относится к эпохе среднего латена. Остальные наконечники копий по своим пропорциям (отношение длины пера к длине втулки как 2 : 1) относятся к группе А (по Х. А. Моора) и датируются не позднее I—IV вв. н. э.[96] Наконечники дротиков более ранние. Перо у них треугольное, в его нижней части два шипа. Один дротик (Малышки) короткий, его длина 15,7 см, диаметр раструба втулки не

превышает 1,6—1,7 см. Аналогичные дротики с короткой втулкой встречены на Чаплинском могильнике (II—I вв. до н. э.)[97]. Остальные наконечники дротиков значительно длиннее. Их длина колеблется от 27 до 29 см. Такие дротики известны на широкой территории: найдены в Польше (II в. до н. э.), в скифских памятниках (Мастюгинские курганы, III в. до н. э.), в Калининградской области[98]. В Латвии и Эстонии этих дротиков нет. В Литве известны два дротика, найденных Ф. В. Покровским в пилякальнисах Багуцишки и Офяришки[99]. Есть они и в Чаплинском могильнике[100].

Довольно много встречено железных шильев. В верхнем слое Лабенщины их найдено 17 (10 целых и 7 обломков), в Малышках — 6 (одно шило с костяной рукояткой), Збаровичах— 1, Вязынке — 5 штук. Они изготовлены из круглого в сечении стержня толщиной в 3—4 мм. Рабочий конец шильев заострен, а противоположный снабжен прямоугольным в поперечном сечении черенком. Одно шило имело черенок ромбического сечения. Размеры шильев: максимальная длина 18—20 см (на черенок приходится 5—7 см), минимальная 7—8 см (в том числе длина черенка 3—4 см). Длина большинства шильев не превышает 10—12 см (рис. 20, *25—27;* рис. 22,*11—14;* рис. 23, *7—9).*

На Лабенском городище в 3—4 м от очага 3 найдены две железные пряжки. Они четырехугольны. Меньшая по размерам асимметрична. Сама пряжка и язычок изготовлены из прямоугольного в сечении стержня, свободная от язычка сторона пряжки орнаментирована крупными насечками (рис. 20, *18).* Вторая пряжка довольно своеобразна. Три стороны ее изготовлены из целого, прямоугольного в сечении стержня, согнутого в П-образную скобу, а четвертая, противоположная той, на которой находится язычок,— из круглого стержня. Язычок в сечении прямоугольный. Концы двух боковых сторон расплющены, свернуты в кольцо и искусно сварены с круглым стержнем (рис. 20,*17).* Боковые стороны пряжки орнаментированы двумя поперечными выемками и крестиками, заключенными между ними. Третья пряжка найдена в Малышках. Она изготовлена из железного стержня овального поперечного сечения (рис. 22, 22).

Железные иглы известны в четырех экземплярах. Две найдены на Лабенщине и по одной в Новоселках и Кимии (рис. 19,*11, 12).* На Лабенщине одна игла обнаружена в нижнем, а другая в верхнем горизонте. Первая изготовлена из четырехугольного, вторая из круглого в сечении стержня толщиной в 2—2,5 мм. Длина целых игл 9,9 и 10 см (рис. 20, *28, 29).*

На городищах культуры штрихованной керамики встречено много изделий из бронзы, главным образом украшений: разнообразных колец, подвесок, блях и бляшек, браслетов, спиралек и т. п. Колец для ношения на пальцах рук найдено четыре штуки: два на Лабенском и по одному на Банцеровском и Новоселковском городищах. Два кольца изготовлены из плоско-выпуклой ленты. Их диаметр 2,9 и 3,4 см (рис. 25, *20;* рис. 19, *13)* и два из проволоки. Последние интересны по манере исполнения: кусок бронзовой проволоки путем скручивания одного конца по спирали превращался в щиток удлиненно-овальной формы, после чего сгибался в кольцо. Концы разомкнуты. Диаметр кольца из Лабенщины 1,5 см (рис. 25, *21),* из Банцеровщины 1,8 см. Большой интерес вызывают бронзовые височные кольца, найденные на Банцеровском и Лабенском (два) городищах (рис. 25, *16).* Изготовлены они из круглой в сечении проволоки толщиною в 2 мм. Способ изготовления до-

вольно прост: один конец проволоки (длинный) свернут спирально в 1,5 оборота, а другой (короткий) повернут на 180° в противоположное направление. Диаметр колец 3 см. Близкие по способу изготовления височные кольца в количестве 6 экземпляров найдены на Милоградском городище. Они более совершенны: один конец всех пяти колец расплющен и превращен в ленту, на которую нанесен довольно сложный точечный орнамент. Помимо этого, в нижней части колец из Милоград сделано два петлевидных поворота, а у кольца из Лабенщины и Банцеровщины один. О. Н. Мельниковская датирует, кольца из Милоград I в. до н. э.— I в. н. э. [101] Одно кольцо, как можно предположить, от узды либо сбруи, найдено на Лабенском городище (рис. 25, 9). Оно сделано из овальной в сечении бронзовой проволоки толщиной по длинной оси 3,5 мм, по короткой — 2 мм. Его концы тщательно спаяны. Простые формы таких колец распространены повсеместно начиная от эпохи бронзы и кончая поздним железным веком. Найдены также миниатюрные кольца. Их диаметр не превышает 0,6—0,8 см. Одна часть колец изготовлена из круглой в сечении проволоки толщиною в 1,3—1,5 мм, другая — из узкой ленты. Назначение колец неясно. Может быть, с их помощью подвешивались украшения.

Большой интерес представляют найденные в нижнем слое Лабенщины две выпуклые бронзовые бляшки так называемого позднеананьинского типа. В плане бляшки круглые, одна из них имеет диаметр 1,8 см, другая 2 см (рис. 25, *14, 15).* С внутренней стороны обеих бляшек припаяны петельки. Датируются они временем от эпохи бронзы (лужицкая культура, начало I тыс. до н. э. [102]) до раннего железа (скифская культура, IV—III вв. до н. э. [103], ананьинская культура, II в. до н. э.— I—II вв. н. э. [104]). Трапециевидные подвески обычны для поселений культуры штрихованной керамики, но встречены в единичных экземплярах (по одной в Збаровичах, Лабенщине, Малышках). Подвеска из Лабенщины орнаментирована по краю выпуклыми точками, выдавленными с обратной стороны (рис. 25, *22).* Аналогичные подвески встречаются в памятниках милоградской, зарубинецкой, днепродвинской, верхнеокской и других культур. Они бытовали длительное время, но наибольшее их количество приходится на I—IV вв. н. э. Более поздние трапециевидные подвески (V—VIII вв. н. э.) имеют несколько иную форму: они уже и длиннее ранних подвесок, пропорции их другие. Очковидные подвески относятся к числу редких находок. В настоящее время их известно лишь два экземпляра: одна найдена в верхнем слое Лабенщины (рис. 25, *24),* другая — на Збаровичском городище (рис. 23, *15).* Изготовлены они из круглой в сечении бронзовой проволоки толщиной 1,5—2 мм. В памятниках соседних культур они не встречаются. Сама форма подвесок возникла еще в эпоху бронзы. Они, например, были характерны для абашевской культуры[105]. Известны такие подвески в памятниках эпохи бронзы на западе[106]. На городище Збаровичи найдено своеобразное украшение (рис. 23, *13).* Оно изготовлено из тонкой бронзовой пластины, оба разомкнутых конца которой сильно сужены. Толщина пластины 0,1 см, максимальная ширина 1,6 см. Пластина превращена в кольцо диаметром 10 см. Один конец украшения отогнут наружу и образует крючок, другой конец отломан. По краям пластина украшена точками, расположенными в ряд. Аналогий данной вещи нам неизвестно.

Весьма интересны три бронзовые бляхи, обнаруженные на Лабенском городище в 2—3 м от очага 4. Форма их неодинаковая. Одна из них

имеет вид лопаточки с небольшой ручкой, заканчивающейся шарообразным утолщением. Размеры бляхи: длина 8 см (в том числе длина ручки 3,5 см), ширина 2,1—2,3 см, толщина 0,25 см. На наружной поверхности по длинной оси выгравирован орнамент в виде прямых линий (рис. 25, *11),* пять поперечных поясков выгравировано и на ручке. Вторая бляха имеет сердцевидную форму. Ее верхняя часть заканчивается круглым расширением (рис. 25,*12).* Размеры: длина 3,2 см, максимальная ширина 2,6 см, толщина 0,25 см. Описать внешний вид третьей бляхи трудно. Она крупнее и массивнее двух предыдущих. Говоря весьма приближенно, бляха имеет треугольную форму и несет на себе довольно красивый ажурный орнамент, ее ширина 6 см, высота 5,6 см. В элементах сложного ажурного узора есть стилизованное изображение двух симметрично расположенных головок орла (рис. 25,*13).* По стилю и манере изображения головы хищной птицы эту бляху можно поставить в ряд так называемых «готских» вещей Среднего Поднепровья, относящихся ко второй четверти I тысячелетия н. э. [107] Это вполне согласуется с датой верхнего слоя Лабенщины. Есть основания полагать, что бляхами украшалась конская сбруя. По краям всех блях были сделаны отверстия, в одной бляхе в отверстиях сохранились миниатюрные заклепки, при помощи которых она прикреплялась к какому-то материалу. Заклепки короткие и тонкие (длина 0,3 см, диаметр 0,35 см), пригодные только для того, чтобы скрепить бляху с кожей, возможно, уздечкой. Для скрепления бляхи с другими материалами (например, деревом, железом и т. п.) они непригодны. Все три бляхи, несомненно, импортные. Об этом говорят сложный и чуждый для бронзовых украшений Лабенщины орнамент и высокое качество металла, из которого они изготовлены.

Для культуры штрихованной керамики весьма характерны глиняные пряслица. Форма и орнамент пряслиц настолько своеобразны, что их с полным основанием можно отнести к специфике самой культуры и рассматривать как одну из важных ее черт. На Лабенском городище найдено 206 штук, Збаровичском — 77, Вязынковском— 132, Малышкинском—157, Кимийском — 7, Новоселковском — 23, Оздятичском — 5, Августовском — 6 штук. Все они, за небольшим исключением, имеют вид уплощенного глиняного кружка со сквозным отверстием в центре. Диаметр пряслиц всегда превышает их высоту. Максимальный диаметр пряслиц 3,5—3,8 см, минимальный 2—2,5 см, высота не более 1,7—2 см и не менее 1 —1,2 см. Все пряслица разделяются на пять типов. К первому относятся пряслица, имеющие форму шляпки небольшого гриба (рис. 13, *7;* рис. 26, *9—14, 37—40).* Одна их сторона вогнута, другая, наоборот, выпукла. Этот тип пряслиц особенно характерен для нижнего горизонта верхнего культурного слоя Лабенщины. В верхнем горизонте пряслица этого типа встречены единицами. Они, следовательно, относятся к более ранней поре. Второй тип пряслиц представляет глиняные кружки с плоской и вогнутой сторонами (рис. 26, *19—22, 42—44;* рис. 30,23, *25).* Эти пряслица, как и предыдущие, встречены главным образом в нижней части верхнего культурного слоя. В верхнем горизонте их меньше. Третий тип составляют пряслица с плоскими верхними и выпуклыми нижними сторонами (рис. 26,4—*8, 15, 33, 35, 36).* Весьма распространены пряслица четвертого типа (рис. 13,*10—12, 14—16, 18;* рис. 26, */—3, 31. 32;* рис. 27, *4—6, 8—10, 14—17;* рис. 28, *3—7, 9—11, 13—16, 18, 21, 24—29;* рис. 29, *7—9, 26;* рис. 30,*1—22).* Они представляют собой кружки с плоскими верхней и нижней сторонами. К пятому типу относятся те, у

которых верхняя и нижняя стороны вогнуты (рис. 13, *20;* рис. 26, *17, 24-* рис. 27, *1—3, 11—13;* рис. 28, *8, 32, 34, 37;* рис. 29, *1—5, 11—31).*

Следует отметить, что эта весьма характерная черта — вогнутость с одной или обеих сторон — сохраняется долго и переходит на пряслица более позднего времени. Иногда пряслица, встреченные на селищах V—VIII вв. н. э. (в общем-то они имеют иную, чем ранние, форму), вогнуты с одной или двух сторон. Боковые стороны первых двух типов пряслиц, как правило, округлые. Пряслица остальных типов имеют округлые (их значительно больше), отвесные и биконические боковые стороны.

Не менее половины пряслиц орнаментированы. Они украшались с одной или двух сторон, иногда орнамент наносился только на боковые стороны, есть пряслица, покрытые орнаментом со всех сторон. По приемам нанесения орнамент можно разделить на два типа: нарезной (рис. 13, *7, 8, 11—13;* рис. 26, *1—15* и др.; рис. 27, *1—3* и др.) и точечный (рис. 13, *14, 17;* рис. 26, *22, 25, 27;* рис. 28, 1, *11, 14).* Часто они применялись в сочетании друг с другом. Нарезной орнамент, как правило, наносился на верхнюю плоскость пряслиц, реже — на нижнюю, совсем редко — на боковые, а точечный чаще наносился на боковые плоскости. Узоры, наносимые на пряслица, просты, но вместе с тем довольно красивы. Наиболее распространенным был узор, состоящий из коротких нарезных линий, лучеобразно расходящихся от центрального отверстия. В порядке размещения линий можно проследить определенную последовательность: они располагались группами (пучками) по 2—3—4 линии в группе. Встречается от трех до шести групп (рис. 27—31). Последние состоят либо из трех (лишь в одном случае из двух) линий, либо чередуются по 2—3—2—3 и т. д. (или 2—3—4 и т. д.) линии. Есть отдельные пряслица, на которых линии расположены в таком порядке: 2—2—2—3—2—3. Иногда основные линии (1—2 или 3) дополнительно снабжались поставленными под углом насечками, в результате чего получались небольшие флажки (рис. 26,36; рис. 28,32, *30).* Есть пряслица, на которых линии нанесены без какого-либо порядка (рис. 26, *3, 14, 15, 19),* их мало. В коллекциях имеются и такие пряслица, которые орнаментированы нарезными линиями со всех сторон. В этом случае линии на верхних и боковых сторонах расположены группами по три в каждой (рис. 27,3). Некоторые пряслица украшены линиями только с боковых сторон: из линии образован ряд углов, поочередно обращенных к верхней и нижней плоскостям пряслиц (рис. 13, *13).* В целом получался вид ломаной линии. Точечный орнамент наносился, как правило, на боковые стороны пряслиц. Иногда точки наносились и на другие стороны, но в этом случае как дополнение к нарезному. Из точек образовывались главным образом геометрические фигуры: треугольники, ромбы и трапеции (рис. 26, *22, 28;* рис. 27, *11, 14;* рис. 28, 32; рис. *29,12;* рис. *30,13, 14, 20, 27).* Треугольники обычно располагались в шахматном порядке. На некоторых пряслицах точки комбинировались с нарезными линиями. В ряде случаев верхняя сторона пряслиц орнаментирована небольшими углублениями, расположенными беспорядочно (рис. 26, 7; рис. 30,*12, 23).*

Аналогии пряслицам (по формам и орнаментике) можно найти только в древностях литовских пилякальнисов. Важно при этом отметить, что сходные пряслица встречены лишь в тех пилякальнисах, которые расположены непосредственно около границ Белоруссии (Неменчине, Межуляны и др.). В поселениях, удаленных от Белоруссии (хотя они и

входят в ареал культуры), аналогичные пряслица встречаются как исключение. Там пряслица имеют большие размеры и такие формы, которых в Белоруссии нет. В частности, в Литве распространены блоковидные пряслица, орнаментированные по боковым сторонам несколькими (двумя, тремя и более) глубокими бороздками. На Лабенском городище найдено лишь одно небольшое пряслице с орнаментом в виде одной бороздки. На других поселениях их совсем нет.

Наряду с пряслицами встречены глиняные изделия, получившие в науке название «грузики дьякова типа». Всего их найдено: на Лабенском городище 15 штук, Збаровичском — 3, Малышкинском — 4, Вязынковском — 3 штуки. По внешнему виду они не отличаются от грузиков, встреченных в поселениях Волго-Окского междуречья. Большинство грузиков, помимо насечек по краю, несет на себе простые узоры, аналогичные узорам на пряслицах: нарезные линии, лучеобразно расходящиеся от выступа в сторону нижней расширенной части (рис. 22, *26;* рис. 23, *20, 22, 29;* рис. 32, *10, 13),* и небольшие ямочные вдавления, из которых образованы треугольники (рис. 32,5). Нарезные линии, как и на пряслицах, объединены в группы по две-три-четыре линии в каждой из них. До недавнего времени грузики дьякова типа рассматривались как неотъемлемая часть дьяковской культуры, финноязычная принадлежность которой не вызывает возражений. А. В. Арциховский, например, писал, что «понятие о дьяковской культуре связано для каждого археолога прежде всего с понятием о грузике дьякова типа» [108]. Совершенно иную точку зрения о принадлежности грузиков высказал П. Н. Третьяков. Он считал, что эти изделия являются частью культуры не финноязычных, а балтских племен и называл их «грузиками балтского (дьякова) типа». Мнение П. Н. Третьякова, на наш взгляд, ближе к истине: не случайно в восточной части ареала дьяковской культуры, куда не проникало влияние восточнобалтских племен, грузики, как правило, не встречаются.

Камень как сырье использовался только для изготовления зернотерок. Их находят на каждом городище. Состоят они из двух камней — нижнего и верхнего. Верхняя сторона нижних камней плоская или вогнутая. У верхних плоскими были нижние стороны. Размеры зернотерок различны. Например, зернотерка из Лабенщины (нижний камень) в длину достигала 33 см, в ширину 29 см, толщина ее 10 см.

Таким образом, на поселениях культуры штрихованной керамики встречен большой комплекс вещей, относящихся к различным периодам их существования. Глиняные горшки первого вида находят себе аналогии в керамике милоградской культуры. Наряду с ними бытовали баночные сосуды. Ранние поселения предположительно можно датировать VI—I вв. до н. э. На новых городищах (Збаровичи, Вязынка, Малышки) и на тех поселениях, на которых жизнь продолжалась на рубеже и в первых веках нашей эры, получили распространение ребристые горшки. Их форма происходит от баночных сосудов. Металлических вещей в ранних поселениях встречено мало, но зато много найдено изделий из кости и рога: рукояти ножей, серпов, шильев, топор, булавки, проколки, гребень. Ассортимент более поздних вещей довольно большой. В начале IV в. н. э. в культуре штрихованной керамики появились новые, ранее ей не свойственные черты: стал исчезать прием покрывать сосуды штрихами и как следствие этого распространялась гладкостенная керамика. В результате эволюции ребристых сосудов появились слабопрофилированные горшки без орнамента, увеличилось число баночных сосудов.

Глава III

ХОЗЯЙСТВО И ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ

Рассмотренные материалы дают право утверждать, что племена культуры штрихованной керамики занимались земледелием, скотоводством, охотой, рыболовством, собирательством дикорастущих орехов, ягод, грибов и т. п. С развитием производительных сил все большее значение приобретали земледелие и скотоводство. На поселениях были развиты разнообразные домашние ремесла — металлургия железа и бронзы, гончарное дело, обработка дерева и кости, прядение, ткачество и плетение.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

В археологической науке до недавнего времени было распространено мнение, будто земледелие в Белоруссии появилось не ранее VI в. н. э. Основывалось оно на неправильной датировке Банцеровского городища, на котором впервые были найдены зерна культурных растений. Как известно, С. А. Дубинский вслед за А. А. Спицыным датировал это городище VI—VIII вв. н. э. И эта датировка вошла в историческую литературу. Б. Д. Греков зерна, найденные на Банцеровщине, относил к VI—VIII вв. н. э.[109] П. Н. Третьяков также полагал, что зерна на Банцеровщине найдены только в верхнем слое, датируемом VI—VIII вв. н. э.[110] В действительности они обнаружены там не только в верхних, но и в нижних слоях [111].

Нижний и средний слои этого поселения содержат в себе наряду с зернами штрихованную керамику, серпы и ранней керамикой датируются IV—II вв. до н. э.— III—IV вв. н. э.

Таким образом, существование уже сравнительно развитого земледелия на Банцеровском городище (разумеется, и на других поселениях) следует относить ко второй половине I тысячелетия до н. э.

Исследованиями ряда археологов, и в первую очередь П. Н. Третьякова, на большом материале установлено, что земледелие в лесной полосе Восточной Европы, в том числе и в Белоруссии, по меньшей мере до середины I тысячелетия н. э. имело подсечный характер[112]. При этой системе важнейшим средством освобождения участков земли из-под леса являлся огонь. Зола служила хорошим удобрением, благодаря чему в первые 2—3 года собирались довольно высокие урожаи. При подсечном земледелии подготовка и обработка участков земли под посевы (рубка леса, кустарников, выкорчевка корней деревьев, взрыхление почвы и т. п.) требовали очень больших трудовых затрат. П. Н. Третьяков совершенно правильно подчеркивает, что «подсечное земледелие всегда выступало как коллективное, общинное производство... Подсечное земледелие — это отрасль производства, неразрывно связанная еще с первобытнообщинным строем» [113].

На основании находок, сделанных на городищах Банцеровщина и Збаровичи, мы можем составить отчетливое представление о составе культивируемых растений. По определению К. Фляксбергера, жители Банцеровщины высевали горох (Pisum), конские (полевые) бобы (Vicia Faba), вику (Vicia satira), просо (Panicum miliaceura), пшеницу (Triticum vulgäre). Обитатели городища в Збаровичах культивировали пшеницу. Помимо зерен культурных растений, на Банцеровщине встре-

Таблица 1

Наименование видов	Лабенщина						Новоселки						Кимия					
	кости			особи			кости			особи			кости			особи		
	количество	% к числу всех животных	% к числу домашних животных	количество	% к числу всех животных	% к числу домашних животных	количество	% к числу всех животных	% к числу домашних животных	количество	% к числу всех животных	% к числу домашних животных	количество	% к числу всех животных	% к числу домашних животных	количество	% к числу всех животных	% к числу домашних животных
Бык	39	18,32	33,34	4	10,52	28,58	71	43,55	72,56	6	20,00	37,50	34	30	50,74	2	10	22,22
Свинья	40	38,81	34,1	3	7,90	21,42	11	6,75	11,20	2	6,67	12,50	19	16,90	28,36	3	15	33,33
Лошадь	28	13,10	24,00	3	7,90	21,42	9	5,53	9,10	3	10,00	18,75	12	10,62	17,90	2	10	22,22
Овца	7	3,28	5,99	2	5,26	14,29	7	4,29	7,1	5	16,67	31,25	2	1,76	3,00	2	10	22,22
Собака	3	1,42	2,59	2	5,26	14,29	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего	117	54,93	100	14	36,84	100	98	60,12	100	16	53,34	100	67	59,3	100	9	45	100

Таблица 2

Наименование видов	Лабенщина						Новоселки						Кимия					
	кости			особи			кости			особи			кости			особи		
	количество	% к числу диких животных	% к числу всех животных	количество	% к числу диких животных	% к числу всех животных	количество	% к числу диких животных	% к числу всех животных	количество	% к числу диких животных	% к числу всех животных	количество	% к числу диких животных	% к числу всех животных	количество	% к числу диких животных	% к числу всех животных
Лось	17	17,71	7,98	2	8,33	5,26	20	30,77	12,33	2	14,28	6,66	14	30,43	12,39	2	18,2	10,0
Кабан	27	28,13	12,68	2	8,33	5,26	7	10,77	4,29	1	7,15	3,34	13	28,2	11,6	3	27,2	15
Олень	10	10,42	4,69	4	16,67	10,52	15	23,08	9,20	3	21,43	10,0	12	26,16	10,64	3	27,2	15,0
Медведь	6	6,25	1,38	2	8,33	5,26	4	6,15	2,45	1	7,15	3,34	2	4,35	1,76	1	9,1	5,0
Бобр	11	11,46	5,16	3	12,5	7,9	13	20,0	3,0	4	28,56	13,32	1	2,17	0,88	1	9,1	5,0
Косуля	3	3,13	1,4	2	8,33	5,26	4	6,15	2,45	2	14,28	6,66	2	4,35	1,76	1	9,1	5,0
Лисица	13	13,54	6,1	2	8,33	5,26	—	—	—	—	—	—	1	2,17	0,88	1	9,1	5,0
Волк	1	1,04	0,46	1	4,17	2,64	2	3,08	1,22	1	7,15	3,34	1	2,17	0,88	1	9,1	5
Выдра	2	2,08	0,92	2	8,33	5,26	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Куница	4	4,16	1,84	2	8,33	5,26	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Белка	1	1,04	0,46	1	4,17	2,64	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Хорек	1	1,04	0,46	1	4,17	2,64	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	96	100	45,27	24	100	63,16	65	100	39,88	14	100	46,66	46	100	40,7	11	100	55

чены семена различных сорняков (Galium, vicia histura, Paligonum), в том числе дикого лесного клевера.

Основным орудием подсечного земледелия был железный топор. Урожай древние обитатели городищ снимали железными серпами. Размол зерна производился на каменных зернотерках. Их найдено много, особенно верхних камней: на Вязынковском городище — восемь, на Збаровичском — два, в Малышках — четыре, по одному верхнему камню в обломках встречено на Августовском и Кимийском городищах. Нижние камни зернотерок встречаются реже: на Лабенщине — один, на Вязынке — два, на Кимии — один, в Малышках — один. Подсека как система земледелия существовала в Белоруссии вплоть до великокняжеской поры, но как способ освобождения земли из-под леса она применялась даже в XIX в. В рукописи Афанасия Кисловского из местечка Костюковичи Климовичского уезда, относящейся к 1853 г., говорится, что «все удобрение вывозится под коноплю, а прочие хлеба удобряются лядами: рубят лес, жгут его на месте и, сняв два-три урожая, продолжают далее» [ш].

СКОТОВОДСТВО

Подсечное земледелие не было и не могло быть единственным и постоянным источником существования древнего населения. В хозяйстве племен изучаемой культуры большую роль играло скотоводство.

Костный материал, полученный раскопками, определен лишь частично: изучены только кости из раскопок 1950 г. Лабенщинского, Кимийского и Новоселковского городищ *. Поэтому выводы о составе стада и соотношении домашних и диких животных по мере накопления фактов еще будут уточняться. Однако и имеющийся материал свидетельствует о преобладании домашних животных над дикими. Из данных сводной таблицы видно, что первое место по численности занимал бык. Большое количество костей домашнего быка принадлежит мелкой породе (близкой к Bos taurus brachyceros), что является характерным не только для этих трех городищ, но и для других городищ культуры, равно как и вообще лесной полосы Восточной Европы [П5]. Среди определенных костей есть кости и стержни рогов более крупной формы, в которой В. Е. Гарутт склонен видеть дикого быка —тура (Bos primigenius). Вопрос о том, являются ли эти две формы домашними или одна (мелкая) была домашней, а вторая (крупная) — дикой, остается открытым.

Наиболее многочисленной, несомненно, была домашняя свинья. Кости домашней свиньи не всегда удается отличить от костей дикой свиньи. В. Е. Гарутт, так же, как и В. И. Громов, не счел возможным разделить костные остатки свиньи на кости домашней и дикой. Однако в своем заключении он подчеркивает, «что преобладают кости молодых особей...» Данное обстоятельство, мы полагаем, дает основание считать, что преобладающее количество молодых особей принадлежало именно домашней свинье, а не дикому кабану.

Не менее важную роль в составе стада играла лошадь, костные остатки которой составляют 24% от всех костей домашних животных. Как и в отношении костей быка, В. Е. Гарутт отмечает наличие двух форм: «...наибольшее число костей принадлежит относительно мелкой лошади, хотя в городищах Лабенщина и Кимия были обнаружены от-

---

* Кости определены в Зоологическом Институте АН СССР В. Е. Гаруттом.

дельные кости и крупной лошади»[116]. Кости лошади сильно раздроблены, что свидетельствует об употреблении ее мяса и мозга человеком в пищу наравне с мясом других животных. Костей овцы и козы встречено немного. По-видимому, мелкий рогатый скот имел меньший удельный вес в составе стада: на Лабенщине кости овцы составляют около 6%. всех костей домашних животных. Овца, видимо, не играла большой роли в экономике обитателей городищ. Овцеводство не было развито в лесной полосе Восточной Европы в целом [117].

На Лабенщине встречено только три кости домашней собаки от двух особей. Однако собака в хозяйственной деятельности населения изучаемой культуры играла большую роль, о чем говорит наличие большого количества сильно обглоданных костей. Отсутствие костей собаки на городищах можно объяснить тем, что ее мясо тогда уже не употреблялось в пищу. Вне всякого сомнения, собака широко использовалась человеком в качестве надежного помощника на охоте.

Весьма интересным представляется факт наличия среди остеологического материала Лабенщины двух костей домашней кошки от одной особи. На территории Белоруссии находка костей кошки — пока единственная для того времени.

Небезынтересен и факт нахождения на городище близ Лабенщины двух костей (от двух особей) домашней курицы. Так как костей курицы было найдено очень мало, то говорить о большом значении ее в хозяйстве древнего населения нельзя. Однако ясно, что население Лабенского городища разводило кур. На основе наших материалов, а также материалов, опубликованных В. И. Громовым, можно сделать следующие выводы:

1) в городищах средней Белоруссии представлены такие виды домашних животных, как бык, свинья, лошадь, овца, а также собака и курица. Древнее население Белоруссии уже в эпоху раннего железа знало почти всех современных домашних животных;

2) по количеству костей животных на всех трех городищах на первом месте стоят домашние животные, среди которых ведущая роль принадлежит крупному рогатому скоту, затем лошади и свинье.

ОХОТА

Рассмотрение костных остатков диких животных позволяет сделать вывод, что охота на крупных животных в целях получения мяса играла большую роль, чем охота на пушного зверя. В целом охота как отрасль хозяйства имела большое значение, являясь дополнительным источником существования. Первое место и по количеству костей, и по количеству особей принадлежит крупным диким животным — оленю, лосю, медведю. Пушные звери, за исключением бобра, в Новоселковском и Кимийском городищах полностью отсутствуют. Различные виды пушных животных и то в небольшом количестве представлены только на Лабенщине. Но из всех костных остатков и этого городища 66,66% принадлежит крупным животным и 33,33% пушным. Кости пушных зверей встречаются среди кухонных остатков в раздробленном виде, что свидетельствует о том, что их мясо употреблялось человеком в пищу.

Население изучаемых городищ охотилось не только на млекопитающих крупных и мелких, но и на птиц. Птицы представлены на всех трех городищах: на Лабенщине — тетерев (три кости не менее чем от двух особей), на Новоселковском городище — глухарь, на Кимийском горо-

дище — тетерев (одна кость). По данным В. И. Громова, кости птиц (без указания видов) в сравнительно большом количестве были обнаружены в нижнем слое Чечерского городища[118].

Есть все основания полагать, что обитатели городищ в качестве орудий охоты использовали копья и дротики. Вероятно, применялись и коллективные способы охоты — загоны, облавы и т. п., охотились также, по-видимому, при помощи капканов, силков.

РЫБОЛОВСТВО

Весьма характерно, что среди кухонных остатков ряда относительно широко исследованных городищ нет никаких признаков, которые говорили бы о занятии обитателей этих поселений рыболовством.

Но из этого нельзя делать вывода, что изучаемые племена вообще не занимались ловлей рыбы. В. И. Громов, отмечая наличие костей рыб лишь на одном Чечерском городище, полагал, что рыболовство было известно населению и других городищ. Это предположение нашло подтверждение в позднейших исследованиях. Костные остатки рыб и орудия рыболовства были встречены на ряде памятников средней Белоруссии. В городище Барсучья Горка, например, в углублениях около очагов найдено много костей рыб и рыбьей чешуи. На этом же городище были обнаружены железный рыболовный крючок крупных размеров и глиняное грузило от рыболовной сети. Рыболовный крючок был встречен на Оздятичском городище. Отдельные кости рыб и чешуя выявлены на Новоселковском и Кимийском городищах. На городище близ Августова обнаружены кости крупных рыб, чешуя и два рыбдловных крючка[119]. На городище в Малышках найдены весьма своеобразные глиняные грузила для сетей (рис. 31, 11—*19)*. Они имеют вид круглой глиняной лепешки с отверстием у края. Их диаметр колеблется от 5—6 до 10—11 см. Большая их часть в разрезе чечевицеобразная, меньшая — овальная или четырехугольная (углы закруглены).

Таким образом, рыболовство было известно населению, по-видимому, всех городищ и в первую очередь тех, которые были расположены по берегам больших рек и озер. Рыболовство, как и охота, являлось дополнительным источником пищи.

СОБИРАТЕЛЬСТВО И БОРТНИЧЕСТВО

Без сомнения можно утверждать, что население средней Белоруссии занималось собирательством ягод, грибов, дикорастущих орехов и яблок и т. п. Некоторые материалы, говорящие о существовании этой, конечно, второстепенной отрасли хозяйства, в нашем распоряжении имеются. Так, при раскопках Лабенского, Вязынковского и Збаровичского городищ была найдена, хотя и в незначительном количестве, обугленная скорлупа лесных орехов.

Вполне вероятно, что население изучаемых городищ занималось сбором меда диких пчел, т. е. бортничеством.

ДОМАШНИЕ РЕМЕСЛА

а) металлургия железа

В настоящее время накоплен большой материал, позволяющий заключить, что у племен изучаемой культуры добыча и обработка железа являлись самостоятельной и для того времени высокоразвитой отраслью домашнего ремесла. Следует полагать, что сравнительно высокоразвитое железодобывающее и железоделательное производство появилось не сразу, а было подготовлено всем ходом развития производительных сил предшествующего периода. Доказывается это и находками большого количества железных изделий, и наличием на поселениях остатков сыродутных горнов, шлаков, криц и заготовок, болванок (рис. 20, 32).

О древних способах добычи железа и его обработки существует, как известно, большая литература, как русская, так и иностранная. Поэтому нет необходимости останавливаться на этом еще раз.

В настоящее время городищ, обитатели которых в древности занимались добычей железа из болотной руды, известно очень много. На них встречены либо изделия из железа, либо только шлаки, либо и то и другое вместе с остатками сыродутных горнов. Более или менее сохранившиеся сыродутные горны были найдены на Лабенском, Свиднянском, Оздятичском, Тербахунском и Кимийском городищах. Добыча и обработка железа, несомненно, носили домашний характер. Однако Б. А. Рыбаков, учитывая большую сложность процессов, связанных с плавкой и обработкой железа, пришел к выводу, что «варка и ковка железа уже тогда производились не каждым общинником, а особым специалистом. ...Среди членов родового коллектива раньше других обособлялись металлурги, ведавшие сложным, опасным и несколько таинственным делом обработки руды в горнах и ковки раскаленного металла»[120]. Он также считает возможным допустить, «что доменное и кузнечное дело находилось в древнерусской деревне (тем более в эпоху раннего железа.— *А. М.)* в руках одних и тех же мастеров». Полученные сыродутным способом железные крицы необходимо было дополнительно обработать путем длительной горячей ковки. Поэтому, чтобы завершить процесс «плавки», донник должен был иметь наковальню, молот, клещи, горн (для нагрева крицы), а следовательно, у него был весь ассортимент орудий, необходимый для последующих ковочных работ»[121]. Есть основания думать, что все необходимые для завершения плавки железа и кузнечных работ инструменты (наковальни, молот, молоток-ручник, клещи, горн) в распоряжении мастеров-кричников среднебелорусских городищ тогда уже были. Судя по находкам, кузнечные молоты изготавливались из камня. Такой молот найден на городище в Малышках. Он в плане имеет овальные очертания и овальное поперечное сечение. Его длина 20 см, ширина 16,5 см. В средней части есть желобок, при помощи которого он крепился с рукоятью. Наковальни также были каменными. На городище Бураково Городокского района обнаружена мастерская, в которой производилась варка и обработка железа. Внутри постройки столбовой конструкции (4x3 м) находилась прямоугольная в плане яма (2,5Х2Х0,35 м), на краю которой встречены основание печи-домницы и две каменные наковальни, а в заполнении — три обломка такого же, как в Малышках, каменного молота, крицы, шлаки, окалина и куски ошлаковавшихся сопел. Наковальни имели вид плоских камней размером 0,4Х0,3 и 0,3Х0,2 м. Набор изделий из железа, встре-

ченный на поселениях, большой и разнообразный: топоры, серпы, ножи, пилы, булавки и многое другое. Почти все без исключения вещи несут на себе следы горячей ковки и, что очень важно, следы более сложного процесса — горячей сварки. Некоторые вещи (пряжки, дротики, копья) изготовлены очень тщательно, что говорит о высоком мастерстве древних кузнецов-общинников.

В заключение выразим несогласие с тезисом Б. А. Рыбакова, который полагает, «что несмотря на широкое распространение сырья, выплавка железа производилась далеко не на каждом городище. Очевидно, определенные роды, а потом отдельные семьи специализировались на этом сложном деле и обслуживали не только своих ближайших соседей по городищу, но и обитателей других городищ» [122]. С этим вряд ли можно согласиться. Отсутствие следов добычи железа на том или ином поселении следует объяснять не тем, что их обитатели не были знакомы с металлургией железа, а поверхностным осмотром памятников. Более углубленные обследования городищ, расположенных в верховьях Западной Двины и Ловати, привели А. Н. Лявданского к противоположному выводу: «На Двине и в других частях БССР почти на всех ранних (ранее IX в.) поселениях каждая из родовых семей занималась выплавкой для себя железа из местной болотной руды и вырабатывала разные железные орудия труда: топоры, серпы, копья, ножи, шилья и много других предметов» [123].

б) бронзолитейное дело

Племена культуры штрихованной керамики были хорошо знакомы с бронзолитейным производством. Исследования городищ показали, что плавка бронзы производилась на очагах внутри жилищ в небольших толстостенных глиняных сосудах-тиглях. Последние в обломках встречены почти на всех городищах. Особый интерес представляет почти целый тигель, найденный около очага 4 в нижнем слое Лабенского городища. Внутри тигля сохранились кусочки застывшей бронзы, а его внешние стенки покрыты бронзовыми потеками. Тигель имеет неровное округлое дно и слегка расширяющиеся кверху стенки. Толщина последних не менее 1,5—1,6 см, толщина дна 2,5—3 см, наружный диаметр по верхнему краю 7—7,5 см, высота 7,6 (рис. 25, 1).

Два целых тигля найдены на Малышкинском городище (жилище III). По размерам они меньше, чем тигль из Лабенщины: один в высоту достигал 7,6 см, другой — 6,1 см, диаметр по краю венчика одного равнялся 4,2 см, другого — 3,8 см. Дно у обоих округло-коническое (рис. *22,17—18)*. На Лабенщине около того же очага 2 найдено интересное железное изделие, которое, судя по его форме и размерам, являлось орудием бронзолитейного производства — ухватиком к тиглю (рис. 25, *1)*. Каждый конец ухватика завернут наружу в завиток на один оборот. По этой причине нельзя видеть в нем шпору. Толщина круглого стержня, из которого изготовлен ухватик, не превышает 0,4—0,5 см. Ширина между концами ухватика точно соответствует диаметру (6,5—7 см) средней части описанного выше тигля. В средней части дуги ухватика снаружи имеется выступ — стерженек, на который, вероятно, надевалась деревянная рукоятка, подобно тому как надеваются рукоятки на черенки шильев, ножей, серпов. В поперечном сечении он не круглый, как у шпоры, а прямоугольный. Аналогий ухватику в одновременных Лабенщине поселениях пока нет. Весьма любопытным представля-

ется тот факт, что близкие и по форме, и по размерам ухватики к тиглям (кстати, по форме и размерам очень близки к тиглю из Лабенщины) до сих пор употребляются в кустарном бронзолитейном ремесле гуцулов Украины. Бронзовые изделия выплавлялись в формочках. Один обломок ее найден на Лабенском городище. Изготовленная из чистой глины формочка сильно фрагментирована (рис. 25, 6), что не дает возможности говорить о том, какое конкретно изделие в ней отливалось. Судя по находкам, из бронзы отливались только украшения. Это разнообразные кольца, браслеты, спиральки, подвески, бляшки.

Больше всего бронзовых украшений встречено на Банцеровщине и Лабенщине.

в) прядение, ткачество, шитье и плетение

Эти отрасли домашнего ремесла, в которых была занята, несомненно, женщина, доказываются большим количеством находок.

О наличии прядения в изучаемую эпоху говорят весьма характерные для среднебелорусских городищ глиняные пряслица — керамические кружки диаметром в среднем 2,5—3,5 см со сквозным отверстием а центре.

Данных о том, что представляли собой древние веретена, мы не имеем, так как они в культурном слое городищ не сохраняются. Вероятно, они у обитателей поселений не отличались от деревянных веретен, встреченных в нижних слоях (горизонт E_1—E_3) Старой Ладоги, датируемых VII—X вв. н. э. В нижних слоях этого поселения было найдено восемь веретен, из которых шесть изготовлены вручную. Они имеют форму прямой, круглой в поперечном сечении палочки с конусообразными заостренными концами длиною в 0,23—0,26 см при максимальной толщине в средней части 0,013—0,015 м. Такие веретена могли быть использованы только вместе с глиняным либо каменным пряслицем. Последнее одевалось на верхний конец веретена и придавало ему инерцию при вращении. В этнографической литературе можно найти многочисленные аналогии староладожским веретенам, употреблявшимся вместе с пряслицем [ш].

Прядение было тесно связано с ткачеством. Нитки использовались для изготовления тканей. Остатков тканей не найдено. Но о ткачестве и о качестве тканей можно судить по их отпечаткам на днищах глиняных сосудов. Днищ с отпечатками ткани на городищах найдено много: на Лабинском — 25 штук, Вязынковском — 18, Збаровичском — 13, Качановичском — 7, Старорудицком — 6. Куски ткани подстилались под сосуды для того, чтобы они свободно отделялись от плоской подставки. Судя по отпечаткам, ткани вырабатывались сравнительно тонкие — типа крестьянского холста. Ткацкий станок, вероятнее всего, был вертикальным. Из тканей производили пошив одежды. О наличии портняжного дела говорят железные иглы, найденные в количестве четырех экземпляров — по два на Лабенщинском и Новоселковском городищах. Иглы с Лабенщины дошли до нас целыми (рис. 20, *28, 29), а* из Новоселок и Кимии — в обломках (рис. 19, 11, *12)*.

Обитатели городищ занимались и плетением. О наличии этой отрасли домашнего ремесла, как и о ткачестве, свидетельствуют находки днищ от глиняных сосудов с отпечатками плетенки типа современной рогожи. Судя по отпечаткам, в качестве материала для изготовления плетенок употреблялась, вероятнее всего, кора липового дерева.

г) обработка кости и рога животных

Изделия из кости встречаются в основном в нижних слоях городищ. В верхних горизонтах поселений встречаются лишь проколки и иногда булавки. Проколок встречено семь: пять на Лабенщине (рис. 21, *30, 33)* и по одной на Банцеровщине и Кимии. Костяные булавки немногим (лишь наличием отверстия в верхней части) отличаются от проколок. Этих изделий найдено 11, из них на Лабенщине пять (рис. 21, *31, 34, 35),* на Кимийском городище — два, на Новоселковском — два (рис. 19, *14, 16),* на Банцеровщине — два.

Сравнительно хорошо обработанные изделия, изготовленные из рога лося либо оленя, встречены в нижних горизонтах некоторых городищ. К ним принадлежат рукоятки ножей, шильев и, возможно, серпов. На Лабенщинском городище найдены две рукоятки — ножа и серпа (рис. 20, *9, 11).*

Овальная в поперечном разрезе рукоятка ножа в длину достигает 7,2 см при большей толщине 1,6 см, при меньшей— 1,3 см. На конце рукоятки — вырезка, к которой, по-видимому, привязывался шнур либо ремешок для подвешивания ножа к поясу. Вторая рукоятка, изготовленная из рога лося либо оленя, изогнута, в поперечном сечении овальная (рис. 20, *11).*

Поверхность рукоятки хорошо заполирована. Длина рукоятки 9 см, большая толщина 2,2 см, меньшая — 1,7 см.

Как заготовки рукояток для ножей можно рассматривать и два незаконченных обработкой изделия из рога лося, найденных на Лабенском городище (рис. 20, *14, 15).*

Две роговые рукоятки шильев встречены по одному экземпляру в нижних горизонтах Лабенского и Кимийского городищ. Круглая в поперечном сечении рукоятка из Лабенщины в 4,7 см длиною при максимальном диаметре 1,8 см, минимальном 0,9 см имеет усеченно-коническую форму (рис. 20, *4).* В этой рукоятке сохранился черенок железного шила. Рукоятка из Кимии в сечении круглая. Она имеет 4,1 см в длину при диаметре на концах 1,7 см, посредине — 1,3 см (рис. 19, *25).*

Большой интерес представляет топор, изготовленный из рога лося. Он найден в нижнем горизонте культурного слоя Лабенского городища. Нижняя часть топора (лезвийная) сильно фрагментирована, но его форму удалось восстановить (рис. 20, *12).*

Обух топора (розетка лосиного рога) не обработан. В 2,5 см ниже розетки — сквозное отверстие, диаметр которого не во всех частях одинаков. В начале отверстия диаметр с передней стороны имеет 1,1 см, с задней— 1,75 см, наименьший диаметр отверстия 0,5 см. В продольном разрезе отверстие имеет форму двух усеченных конусов, вершинами обращенных друг к другу. Это обстоятельство говорит о том, что отверстие просверливалось с двух сторон. Длина топора по линии передней части 21,6 см, ширина на уцелевшей части лезвия 8,5 см, толщина по круглой необработанной части рога ниже розетки 4,2 см, ширина по четырехугольной в разрезе части топора 3,8 см, при толщине в этой же части 2,9 см. В целом топор производит впечатление недообработанного орудия. Уцелевшая лезвийная часть топора имеет вместо лезвия плоскость толщиной от щеки до щеки 0,8—1,1 см. Просверливание отверстия не закончено, что видно из разных размеров его диаметра. Обух топора не обработан вовсе, а его поверхность бугриста, без каких-либо следов сработанности и зашлифования. Данное обстоятельство можно объяс-

нить двояко: либо описанное изделие являлось заготовкой топора как орудия, что мало вероятно, либо оно носило культовый характер. В этом случае становится понятным, почему в качестве материала для топора использовался такой малопригодный непрочный материал, как лосиный рог.

К числу редких находок, встреченных на Лабенском городище, принадлежит миниатюрный костяной гребень (рис. 21, *19)*. Он сделан из куска лопатки какого-то животного. В нижней части пластины вырезано 13 зубьев, из которых сохранилось 8. Зубья прорезаны, видимо, ножом. На верхней части гребня помещены два ушка (одно из них целое, второе обломано) со сквозными отверстиями, а между ними четырехугольный выступ. Выше зубьев нанесен циркульный орнамент в виде кружков с точками в центре. Кружки расположены двумя полукругами параллельно выпуклости спинки гребня. На оборотной стороне гребня — два кружка, также с точками в центре.

д) обработка дерева

Можно с уверенностью говорить, что одной из отраслей домашнего ремесла была обработка дерева. Правда, данных для суждения об этом в нашем распоряжении нет, так как деревянные изделия в песчаном культурном слое среднебелорусских городищ не сохраняются. Тем не менее нет никаких оснований сомневаться в существовании этой отрасли домашнего ремесла. Из дерева могли вырабатываться, например, рукояти ножей, серпов, шильев, копьевищ, древки к наконечникам дротиков, топорища к железным топорам и т. д. Это предположение доказывается наличием кусков дерева, законсервированных окисью железа на черенках ножей, серпов, во втулках дротиков и копий. Есть все основания полагать, что некоторые виды домашней посуды изготавливались также из дерева. Обращает на себя внимание тот факт, что среди глиняной посуды совсем нет мисок, ковшей и т. п. Вероятнее всего, сосуды этих и других форм изготавливались из дерева.

Орудиями обработки дерева были железные топоры, ножи и резцы типа современных ложкарей. Один экземпляр ложкаря найден на городище Кимия (рис. 19, *27)*.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ

Если для характеристики хозяйства мы располагаем хотя и неполными, но значительными материалами, то данных для характеристики общественного строя племен культуры штрихованной керамики в нашем распоряжения совсем мало. Решение вопросов, связанных с освещением общественного строя, затрудняет отсутствие погребальных памятников. Анализируя сопровождающий их инвентарь, можно было бы сделать ряд выводов об устройстве общества. Однако и то, чем мы располагаем,— общий уровень производительных сил, в некоторой степени отразившийся в археологических материалах, характер хозяйства, изолированность и разобщенность поселений, их общий облик и малые размеры и, что самое существенное, планировка жилищ на поселениях — убедительно свидетельствует о том, что племена, создавшие культуру штрихованной керамики, жили еще в условиях первобытнообщинного строя, а именно на стадии развитого патриархата, когда основной и самой мелкой хозяйственной единицей общества была патриархальная

домашняя община. Это вытекает из характера экономики, в основе которой лежало подсечное земледелие, сочетавшееся со скотоводством и охотой, т. е. такие отрасли хозяйственной деятельности, в которых руководящая роль, несомненно, принадлежала мужчине. Подсечное земледелие предполагало общинный, коллективный характер труда, так как самый процесс подготовки участков под посев и обработка земли на этих участках были очень трудоемкими и, естественно, не были под силу малым, индивидуальным семьям. Об этом же свидетельствует характер поселений и планировка жилищ на поселениях, расположенных в укрепленных природою местах и очень часто защищенных искусственно насыпанными земляными валами и рвами. На городищах обитала компактная группа людей, несомненно, связанная кровным родством. Правда, среди археологов нет единого мнения о том, какая социальная группа людей населяла каждое отдельно взятое городище — большая патриархальная семейная община как часть патриархального рода или весь патриархальный род в целом. П. Н. Третьяков, подробно изучивший ряд городищ дьякова типа, считал, что отдельное городище было поселком патриархальной болынесемейной общины, которая в свою очередь являлась частью патриархального рода. Что касается рода, то он, с точки зрения Третьякова, занимал группу (в количестве трех-четырех) укрепленных поселений, расположенных на небольших расстояниях друг от друга.

С мнением П. Н. Третьякова нельзя не согласиться, ибо оно находит себе подтверждение и в белорусских материалах. Как и на территории волго-окского бассейна, в Белоруссии небольшие по размерам укрепленные поселения, как правило, располагаются группами по два-три-четыре в каждой. Поэтому есть все основания полагать, что «в свете этнографических данных... поселки каждой группы принадлежали одному роду, объединенному общей родовой территорией». Точка зрения П. Н. Третьякова подтверждается также характером и планировкой жилищ, остатки которых были обнаружены нами на ряде городищ. До наших раскопок сведений о жилищах почти не было. Как было показано, жилища были многокамерными и, вне всякого сомнения, носили общинный характер (Лабенщина, Збаровичи, Малышки, Васильковка). Мы не располагаем такими материалами, на основании изучения которых можно было бы составить конкретное представление о том, как было организовано общество и из каких социальных групп состояла большая патриархальная семья и патриархальный род в целом. Вероятно, она была организована примерно так же, как южнославянская «задруга», описанная Ф. Энгельсом[125].

На рубеже и в первые века нашей эры в общественном строе изучаемых племен наметились существенные изменения, связанные, несомненно, с дальнейшим разложением первобытнообщинных отношений. Усиление этого процесса вынуждало обитателей городищ принимать меры к, организованной защите своих сородичей и накопленных материальных ценностей. Для этого они вынуждены были производить трудоемкие работы: насыпать (иногда очень мощные) земляные валы, а потом неоднократно подсыпать их, вырывать глубокие рвы, приносить со стороны большое количество земли и за счет нее увеличивать размеры площадок поселений, придавая их склонам большую высоту и крутизну.

Наличие накопленных материальных ценностей внутри патриархальных домашних общин являлось причиной постоянных военных столкновений между ними. Можно полагать, что добычей становились не только

скот, хлеб, имущество, но и люди, которых обращали в рабов. Правда, прямых данных, говорящих о наличии рабства в изучаемую эпоху, археологические материалы не дают, тем не менее мы вправе говорить о том, что оно было. Вместе с этим необходимо подчеркнуть, что рабский труд в экономической жизни населения городищ не мог еще играть большой роли. Вероятно, рабы, выполняли второстепенные работы, связанные с обслуживанием домашнего хозяйства большой патриархальной семьи. Основную роль в хозяйстве, безусловно, играл труд свободных общинников. Было ли имущественное неравенство внутри патриархального рода, мы сказать не можем, так как данных для доказательства этого в нашем распоряжении нет. Можно только полагать, что некоторая разница в имущественном положении патриархальных семей в изучаемую эпоху, вероятно, уже имела место.

ИЛЛЮСТРАЦИИ К І РАЗДЕЛУ

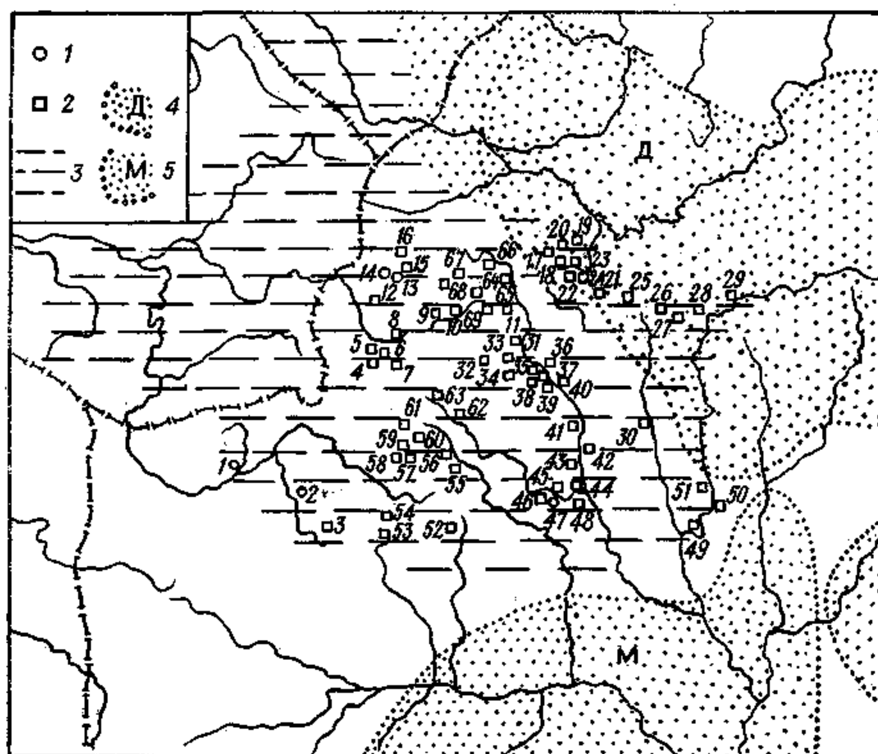

Рис. 1. Культура штрихованной керамики (по В. В. Седову с дополнениями автора). Условные обозначения: 1 — селища, 2 — городища, 3 — культура штрихованной керамики, 4 — днепродвинская культура, 5 — милоградская культура. 1 — Ясиловечи, 2 — Толкуны, 3 — Городище, 4 — Вязынка, 5 — Радашковичи, 6 — Селедчики, 7 — Збаровичи, 8 — Городище, 9 — Малышко, 10 — Орна, 11 — Дедиловичи (Замковая Гора), 12 — Островляны, 13 — Гатовичи, 14 — Занарочь (Студенец), 15 — Микольцы, 16 — Некасецы, 17 — Августово, 18 — Городец, 19 — Староселье, 20 — Азяруты, 21 — Верабки, 22 и 23 — Куляши, 24 — Лукомль, 25 — Бельняки, 26 — Сакалино, 27 — Кисели, 28 — Черкасова, 29 — Германы, 30 — Дальний, 31 — Кимия, 32 — Свидно, 33 — Буда, 34 — Смолевичи, 35 — Гора, 36 — Новоселки, 37 -- Новоселки, 38 — Беги, 39 — Му рае Замок, 40 — Оздятичи, 41 — Лысуха, 42 — Копланицы, 43 — Распольё; 44 — Свислочь, 45 — Зборск, 46 — Жужлянка, 47 — Синяя, 48 — Вустиж, 49 — Рогачев, 50 — Зборав, 51 — Кистени, 52 — Г реек, 53 — Аножки, 54 — Качановичи, 55 — Теплень, 56 — Городище, 57 — Старая Рудица, 58 — Жидовичи, 59 — Дзержинск, 60 — Каменка, 61 — Новосады, 62 — Банцеровщина, 63 — Лабенщина, 64 — Городище, 65 — Березина, 66 — Бирили, 67 — Камайск, 68 — Запонье, 69 — Новоселки

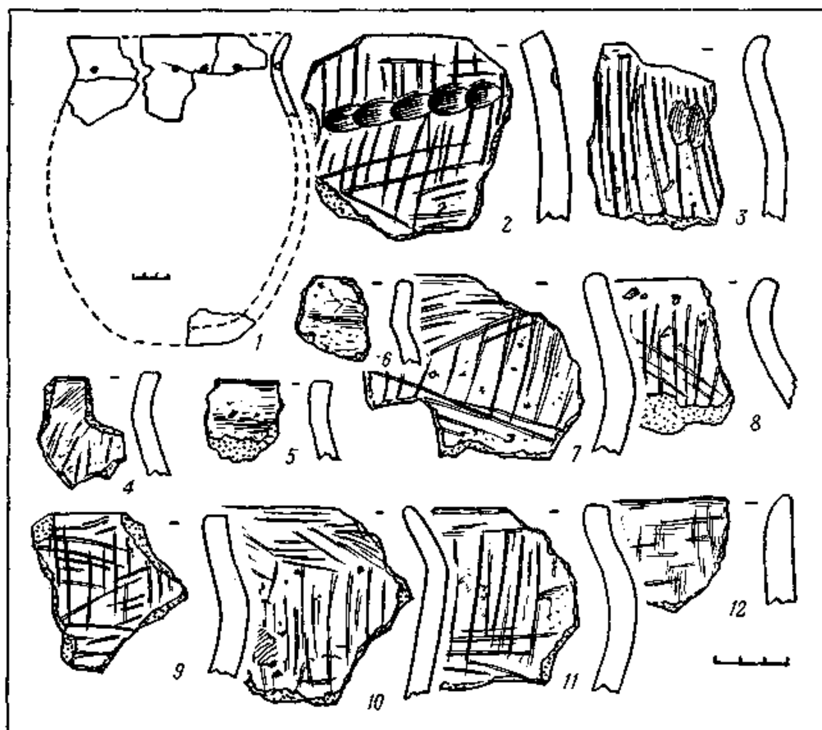

Рис. 2. Керамика: 1 — селище Гатовичи, 5—6 — селище Занарочь, 2—4, 7—12 — селище Ясилевичи

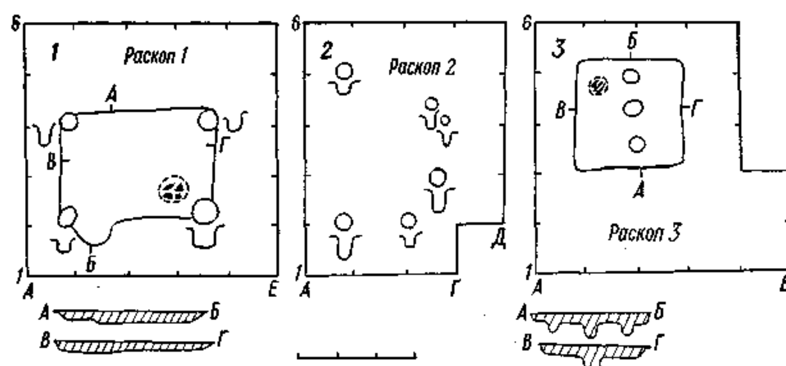

Рис. 3. Городище Оздятичи: 1—3—планы раскопов и профили жилищ

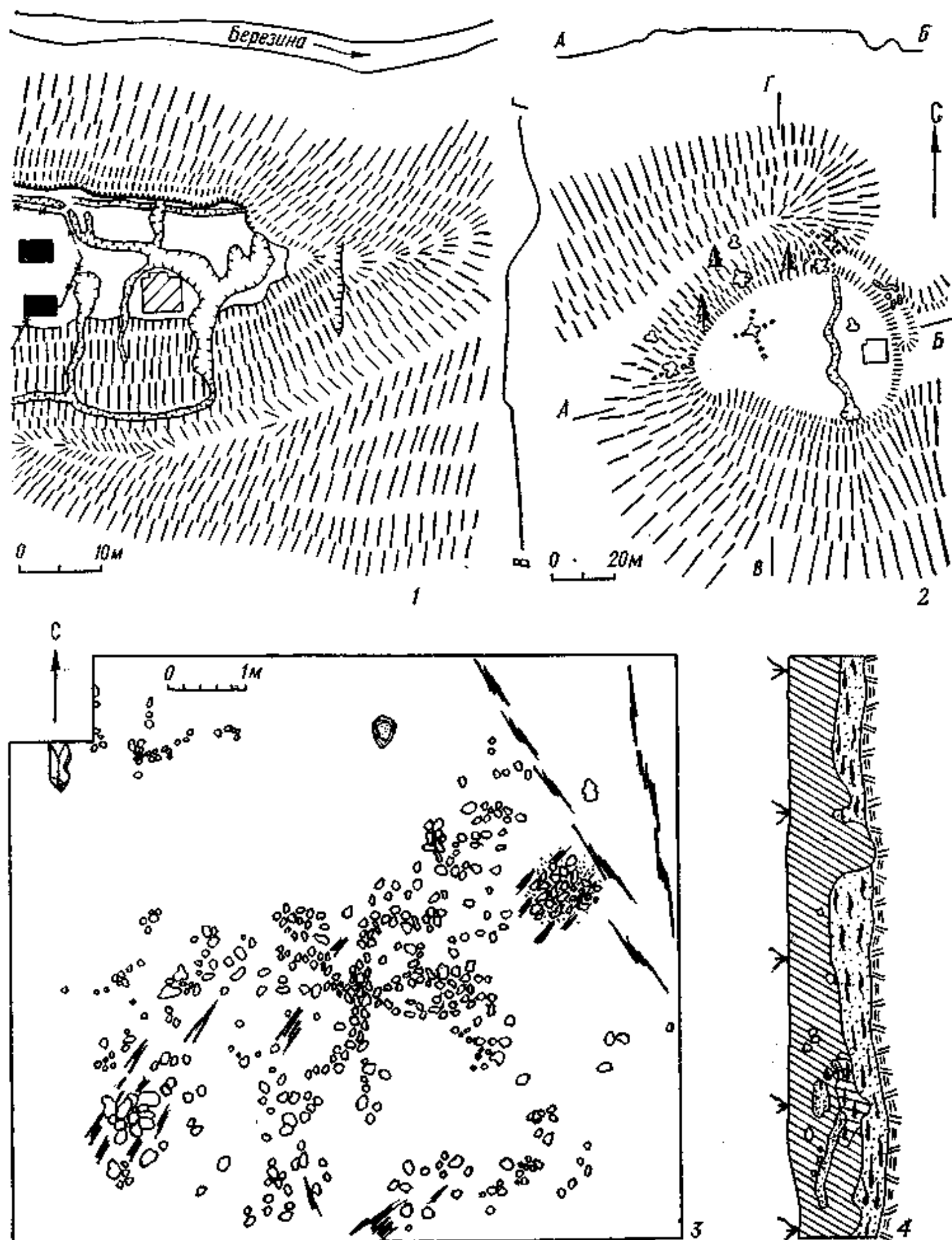

Рис. 4. l — городище Новоселки. 2 — городище Кимия, 3, 4 — план и профиль раскопа

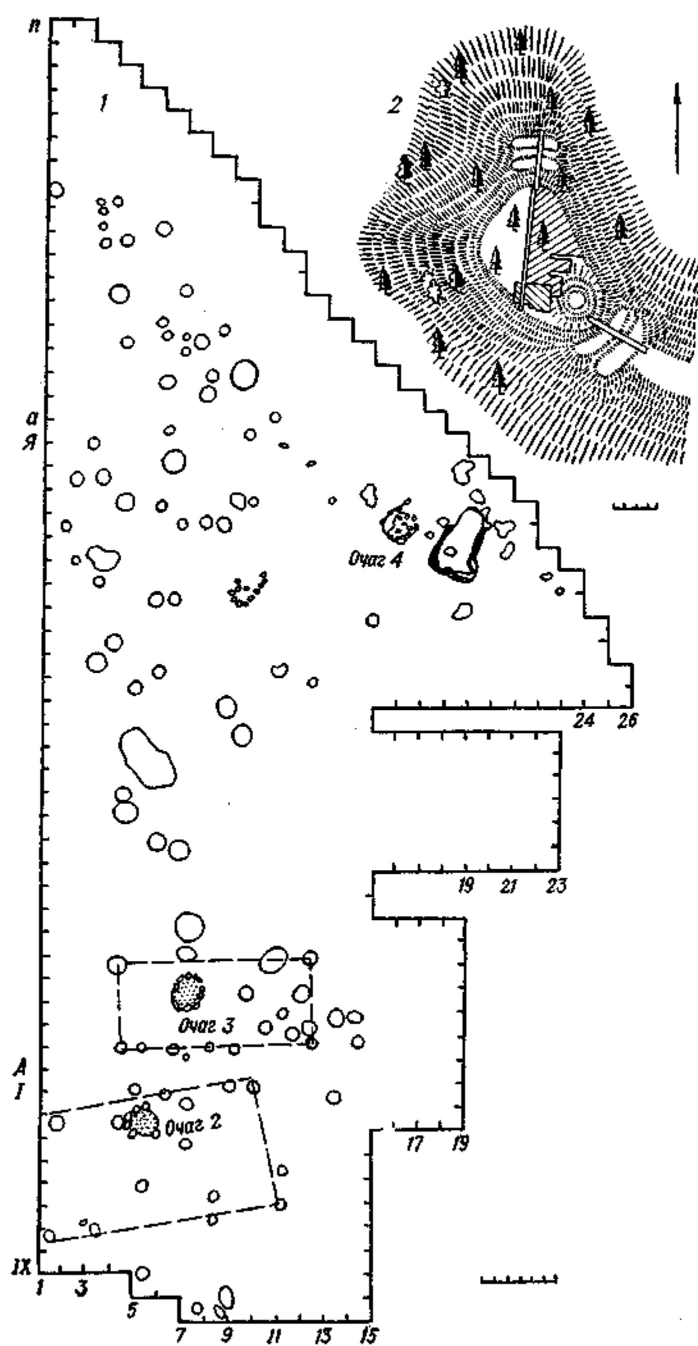
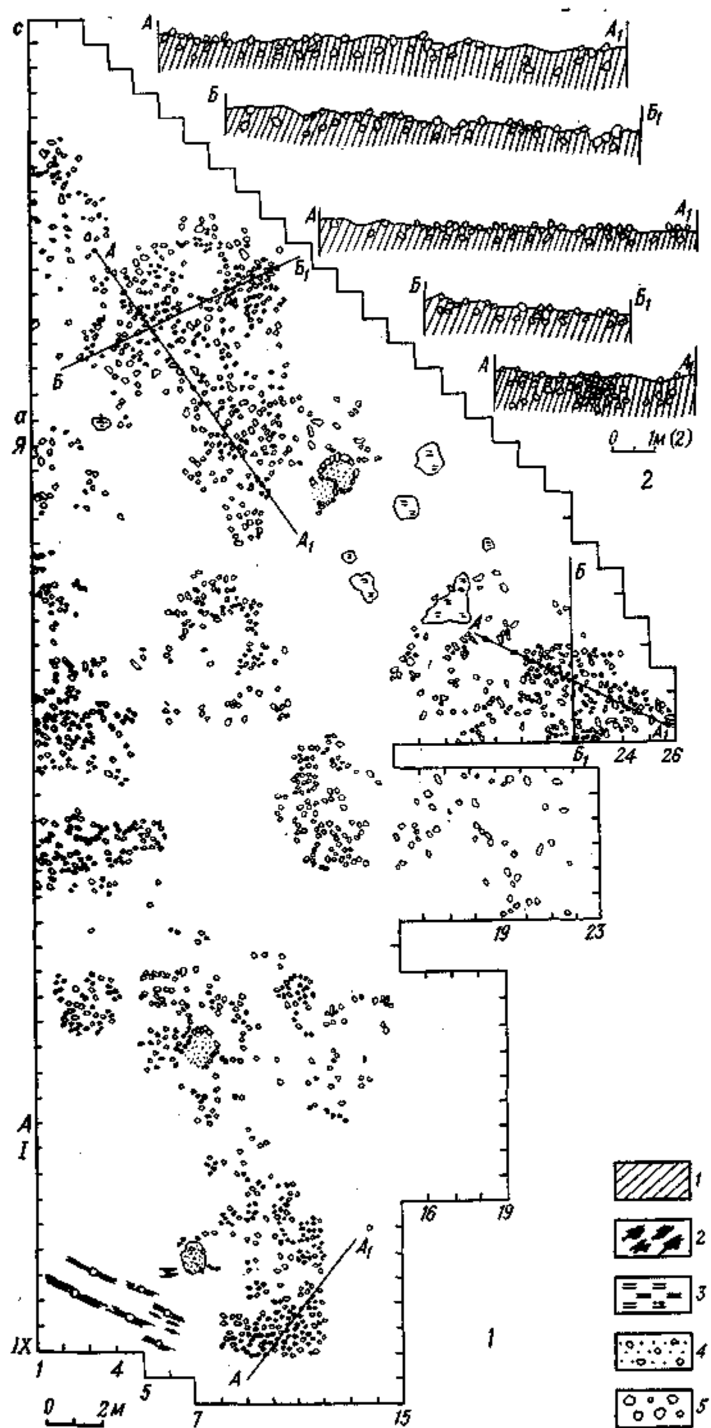

Рис. 5. Городище Лабенщина: 1 — план раскопа (нижний горизонт), 2 — план городища

Рис, 6. Городище Лабенщина: 1 — план раскопа (верхний горизонт), 2 — профили каменных площадок. Условные обозначения: 1 — культурный слой черного цвета; 2 — скопление угля; 3 — слабообожженная глина; 4 — песок очагов с камешками; 5 — скопление камней

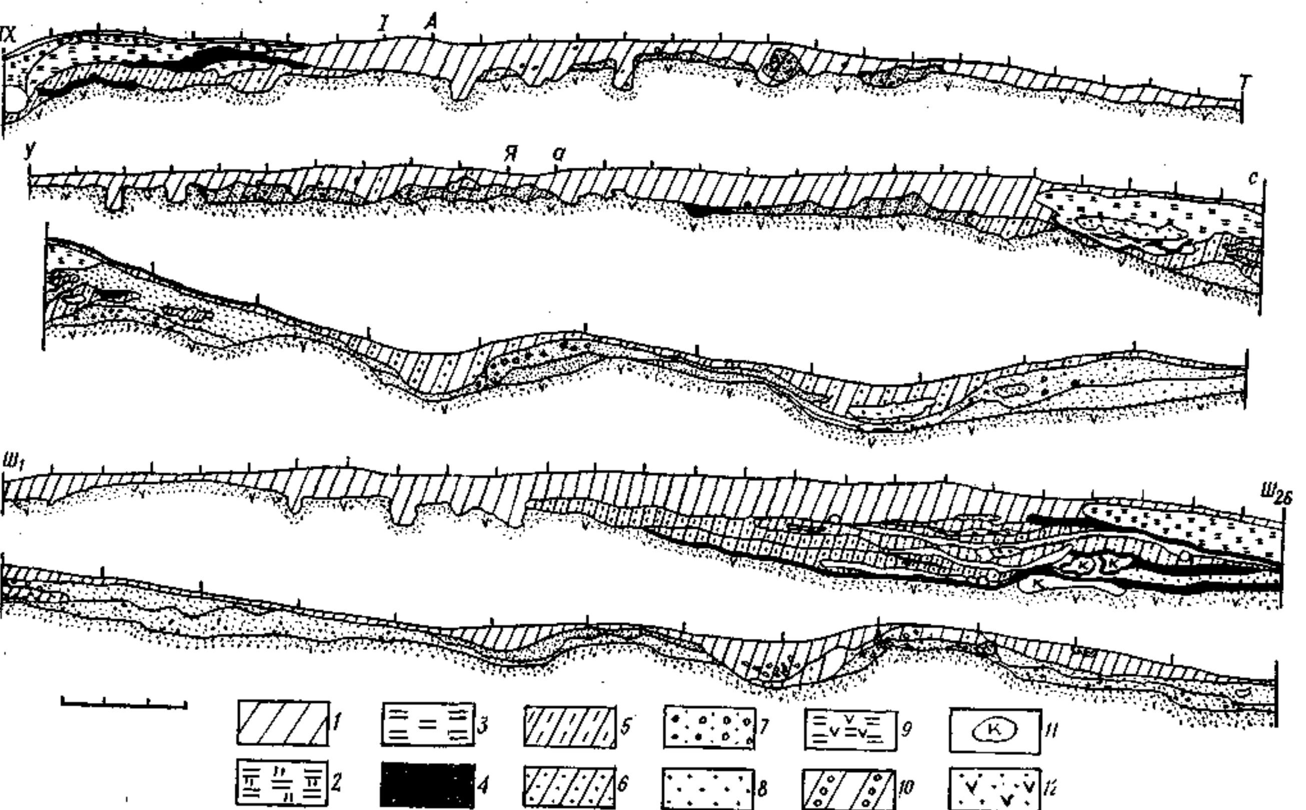

Рис. 7. Городище Лабенщина. Профили раскопов и валов на северной и восточной сторонах поселения. Условные обозначения: 1 — темно-серый, в нижней половине черный, культурный слой; 2 — супесь темно-серого цвета (подсыпка) без находок; 3 — светло-желтая супесь (подсыпка) без находок; 4 — уголь; 5 — темно-серый песчаный культурный слой; 6 — светло-желтый песок; 7 — желтый крупнозернистый песок с камешками; 8 — желтый песок мелкозернистый; 9 — слой желтого суглинка с оранжевым пятном; 10 — темно-серый перегной; 11 — камни; 12 — желтый материковый песок

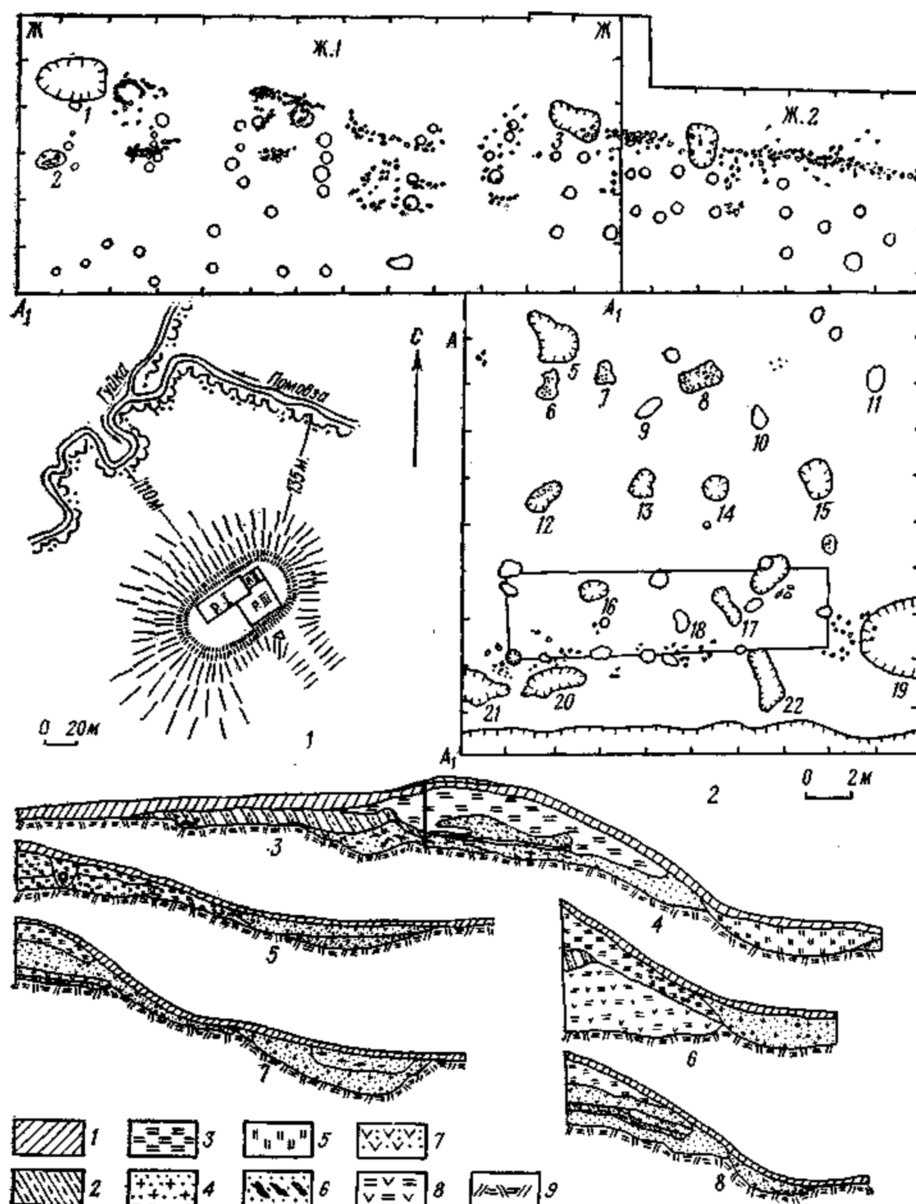

Рис. 8. Городище Збаровичи: 1 — план городища, 2 — план раскопов, 3 — профиль раскопа I по линии А/I—Ж/I (верхний и нижний горизонты), 4—8 — профили траншей. Условные обозначения: 1 — темно-серый культурный перепаханный слой; 2 — культурный слой черного цвета; 3 — светло-желтая супесь и суглинок; 4 — желтый песок с темными пятнами; 5 — желтая супесь; 6 — желтый песок с углями; с песчаными прослойками; 7 — материк — светло-желтая супесь и суглинок; 8 — желтый песок с супесью; 9 — светло-желтая супесь и суглинок

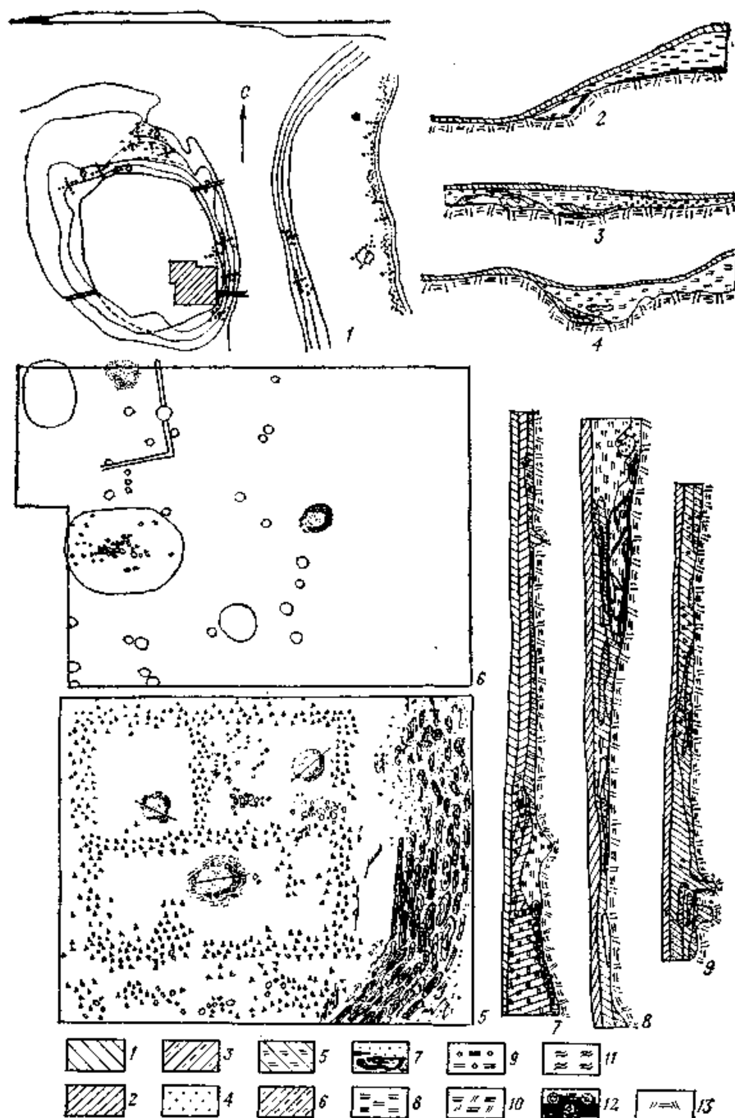

Рис. 9. Городище Вязынка: 1 — план городища, 2—4 — профили траншей, 5—6 — планы раскопа (верхний и нижний горизонты), 7, 8 — профили раскопа. Условные обозначения: 1 — перепаханный слой темно-серого цвета; 2 — культурный слой интенсивно-черной окраски с угольками; 3 — темно-серый песчаный горизонт; 4 — желтый песок; 5 — суглинок с супесью желтого цвета; 6 — культурный слой темно-серого цвета с коричневым оттенком, с угольками; 7 — песчано-углистый слой; 8 — светло-желтый суглинок и местами супесь; 9 — желтовато-серый (близкий к слою 8) слой супеси; 10 — коричневато-серый слой супеси с большим количеством углей; 11 — зольный слой; 12 — недогоревшие бревна; 13 — желтый материковый песок

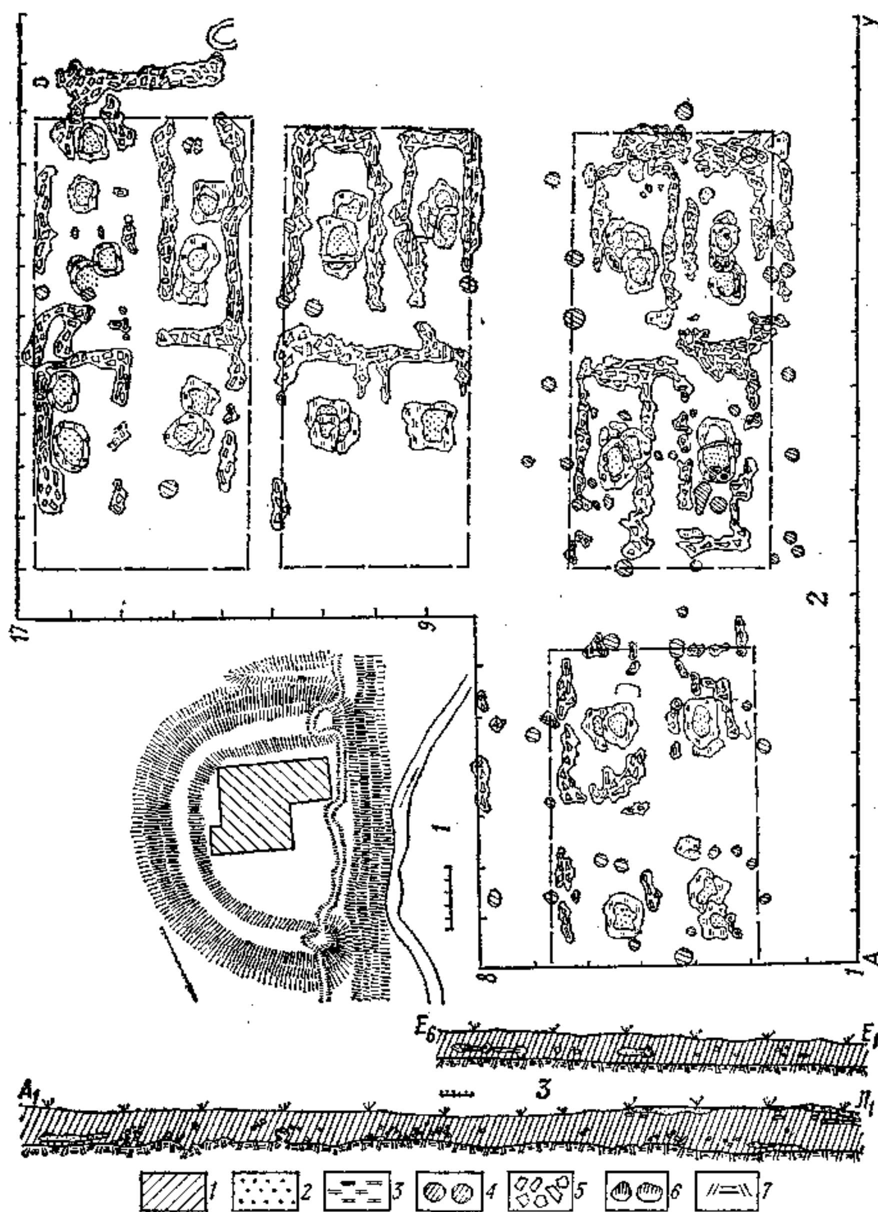

Рис. 10. Городище Малышки: 1 — план городища, 2—5 — планы жилищ, 1 — 4, 6—7 — профили раскопа по линиям Е/1—Е/6 и А/1—Л/1. Условные обозначения: 1 — культурный слой черной окраски; 2 — желтый и желто-красный песок; 3 — слабообожженная глина; 4 — ямы; 5 — глиняная обмазка; 6 — камни; 7 — материковый песок.

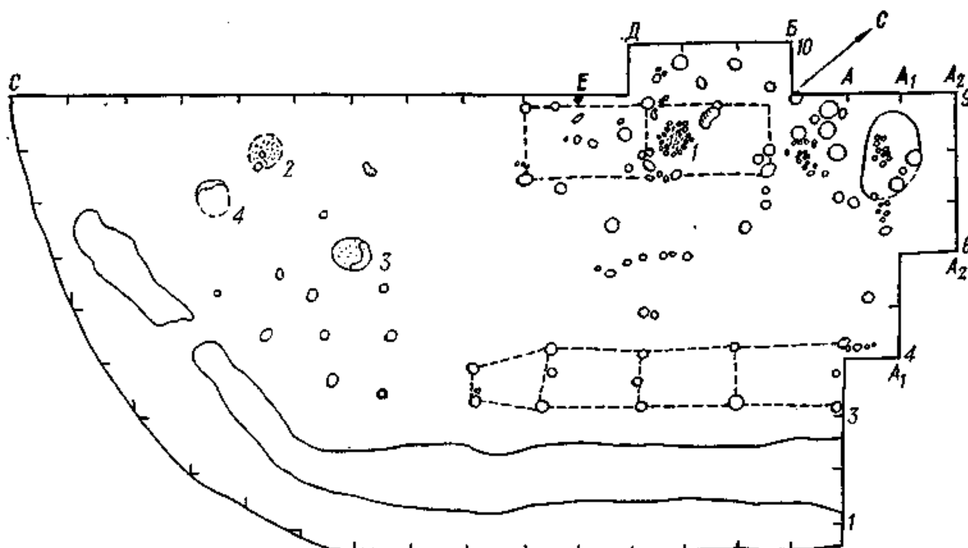

Рис. 11. Городище Васильковка. План раскопов

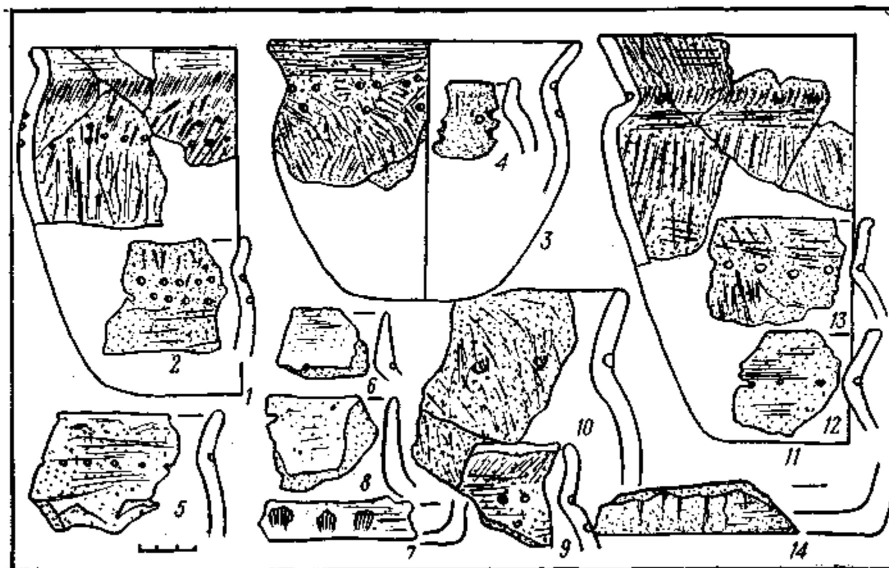

Рис. 12. Городище Лабенщина. Керамика (ранняя группа)

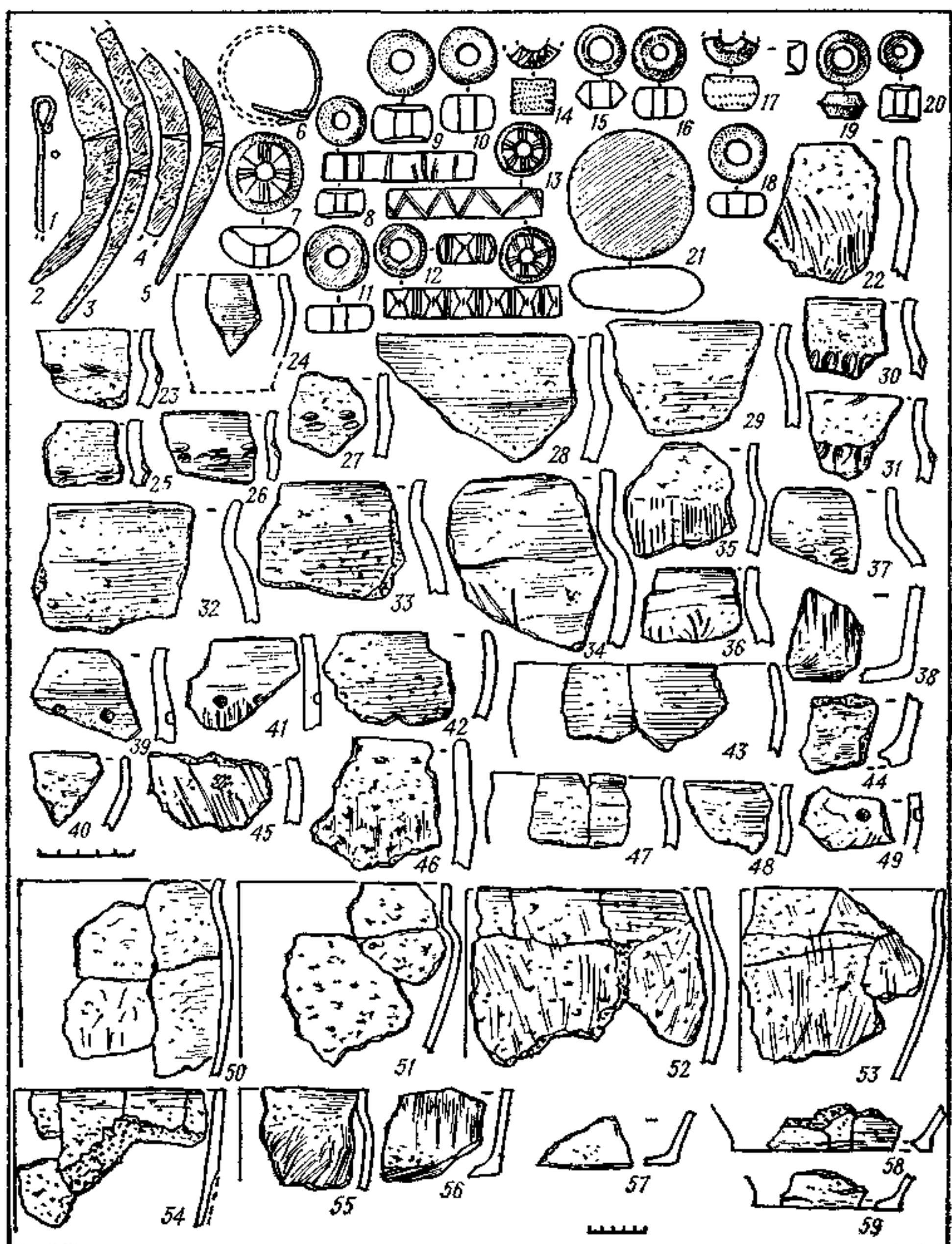

Рис. 13. Городище Васильковка. Вещи и керамика

Рис. 14. Керамика (ранняя группа): 1—19 — городище Городище (нижний горизонт), 20—33 — городище Кимия, 34—42 — городище Оздятичи, 43—57 — городище Новоселки

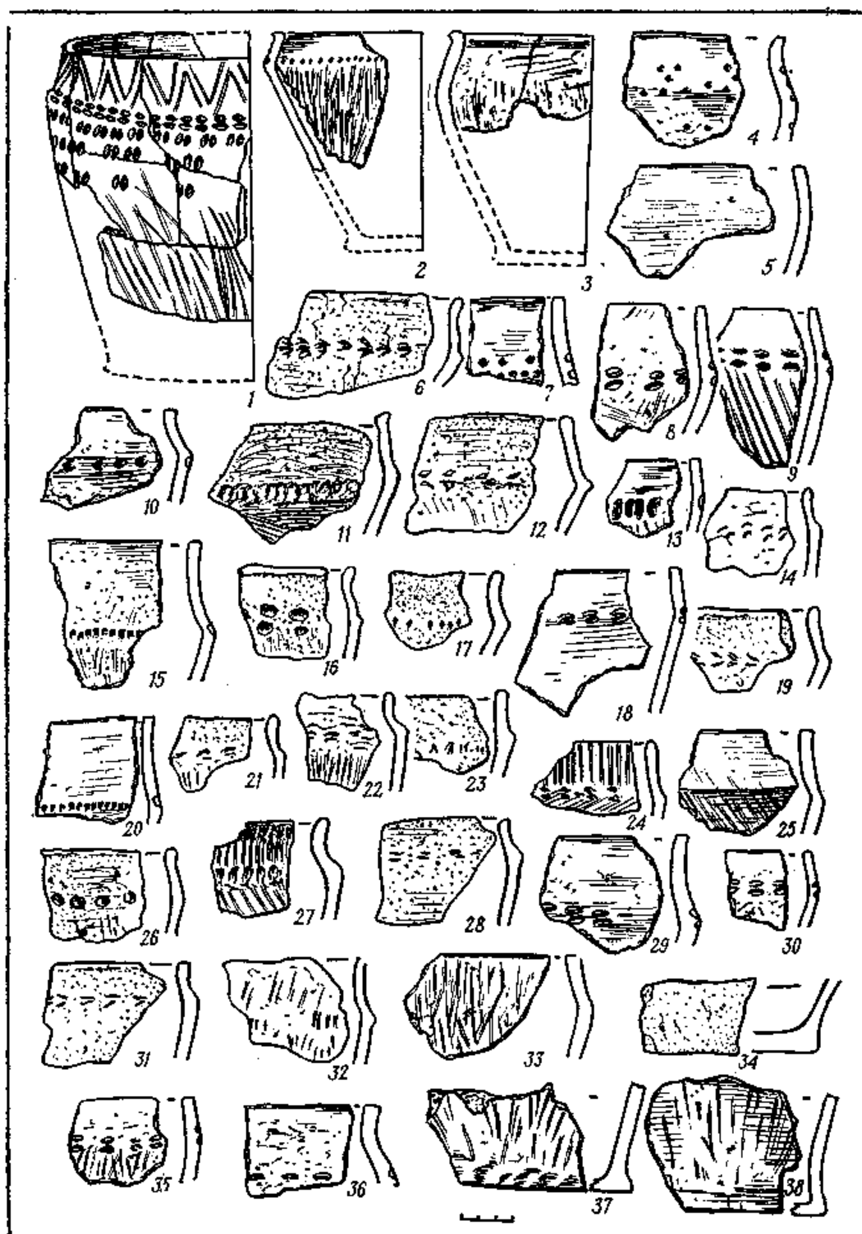

Рис. 15. Городище Лабенщина. Керамика (поздняя группа)

Рис. 16. Городище Малышки: 1—23 — керамика

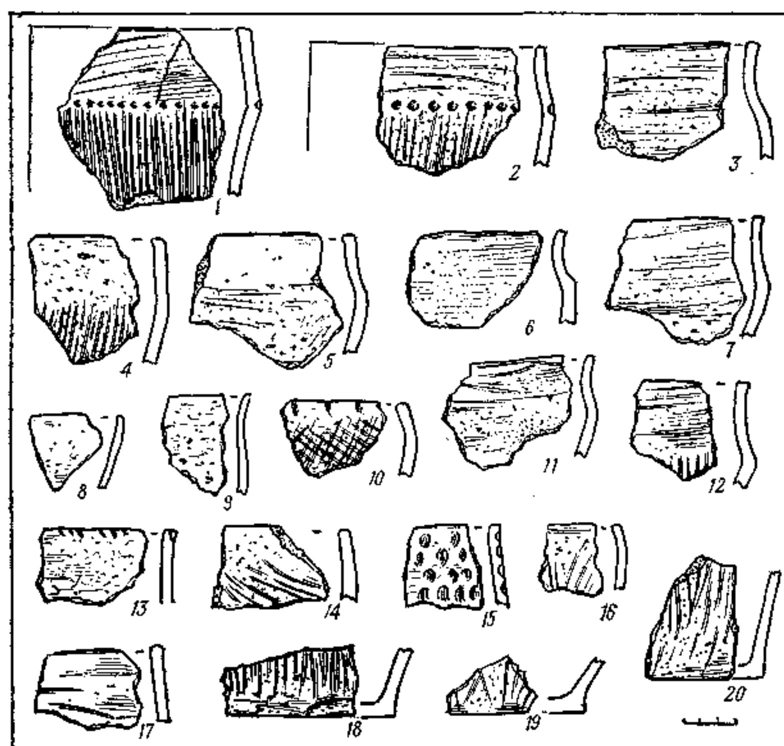

Рис. 17. Городище Малышки: 1—20 — керамика (поздняя группа)

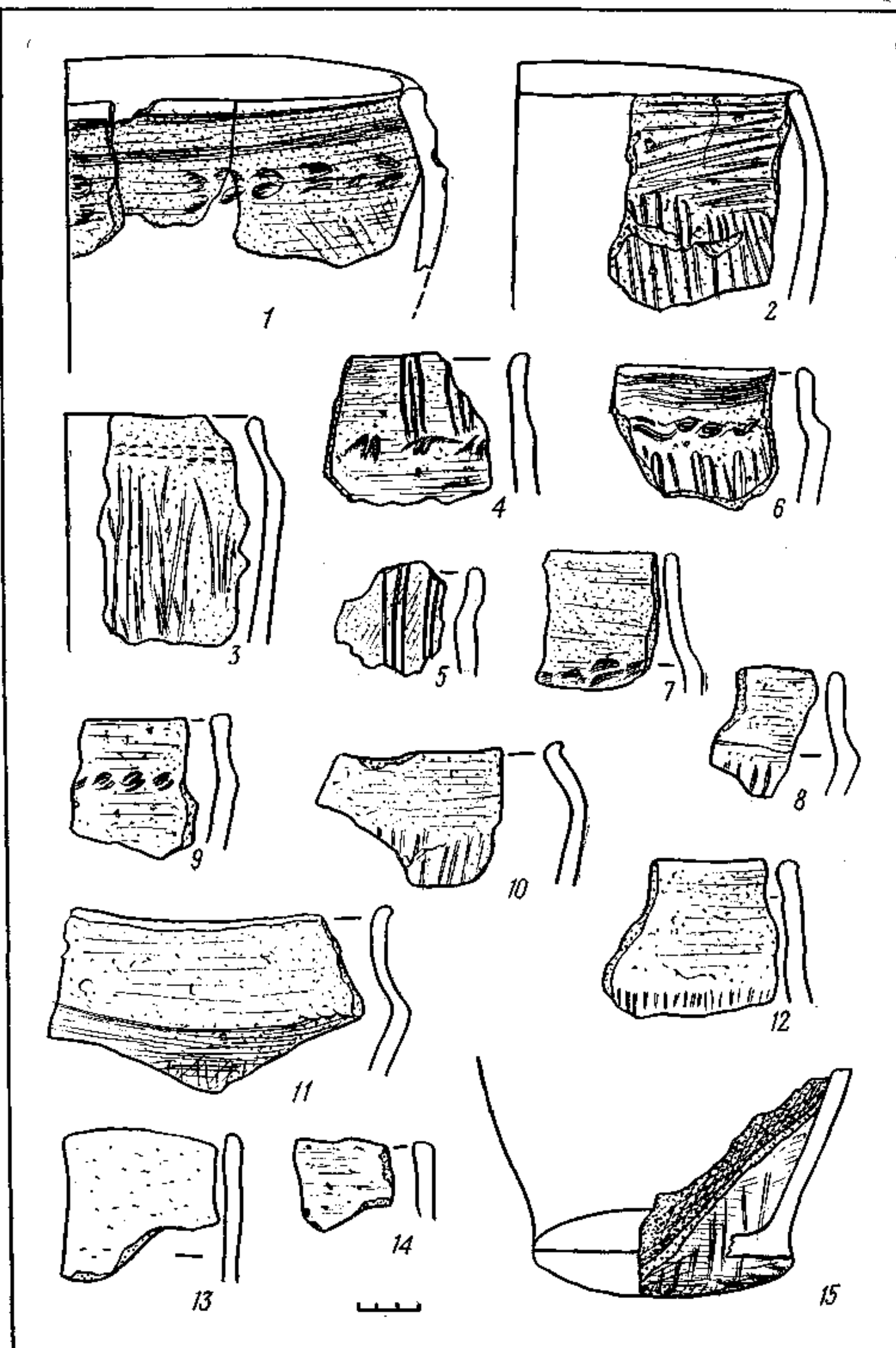

Рис. 18. Городище Збаровичи: 1—15 — керамика (поздняя группа)

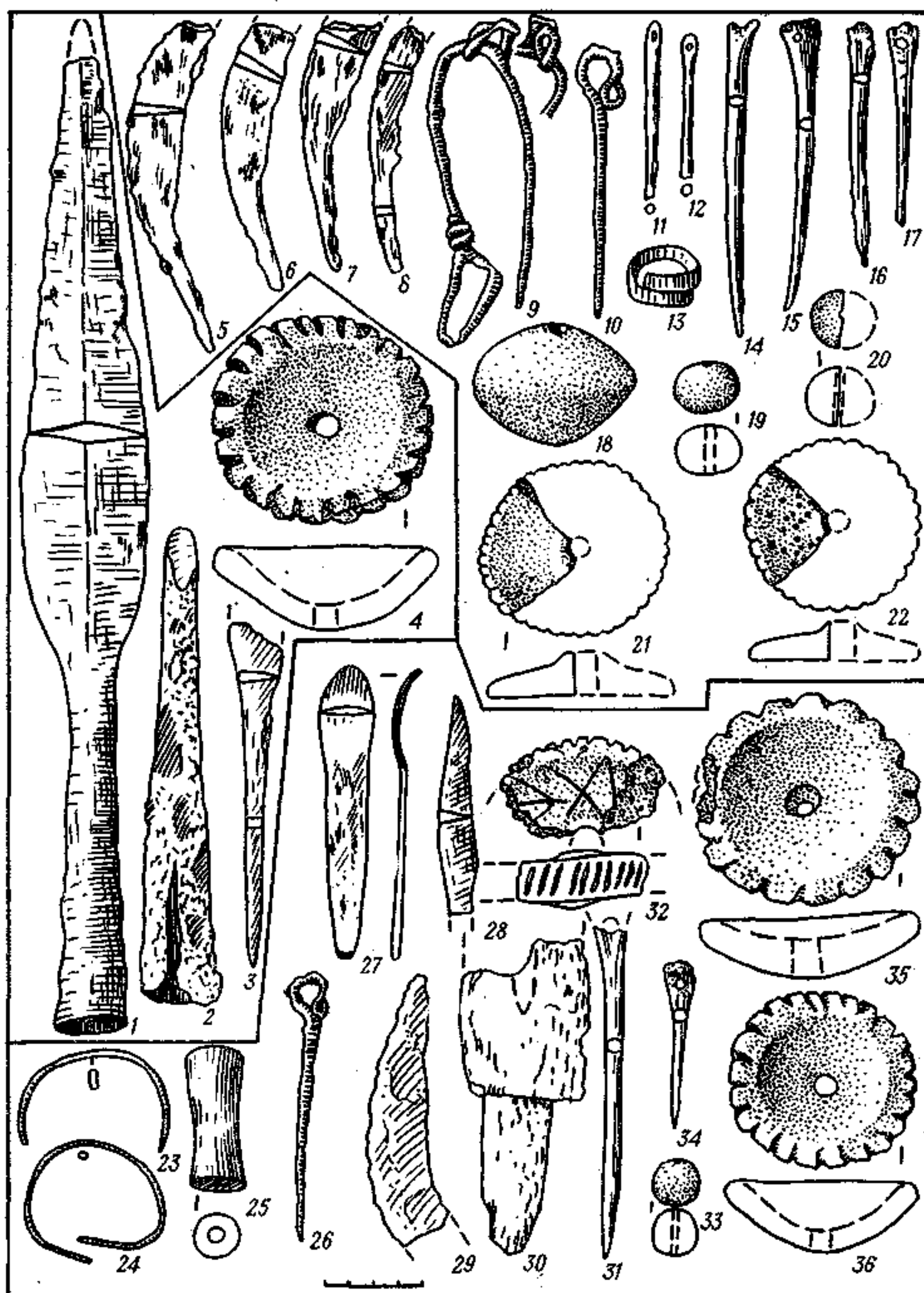

Рис. 19. Изделия из железа, бронзы, кости и глины: 1—4 — городище Оздятичи, 5—22 — городище Новоселки, 23—26 —городище Кимия

Рис. 20. Городище Лабенщина. Изделия из железа, бронзы, кости и глины:
1—9, 11—15 — нижний горизонт, 10, 16—33— верхний горизонт

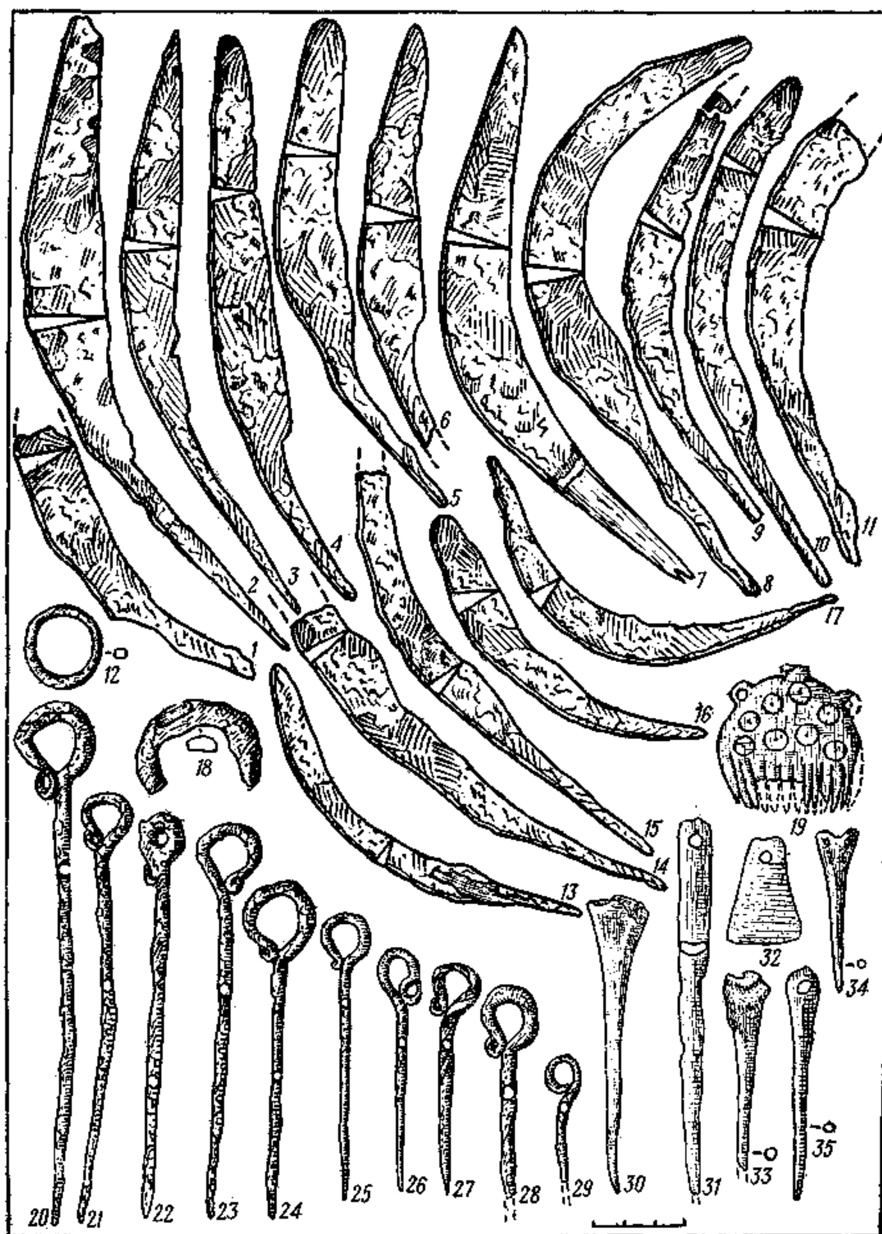

Рис. 21. Городище Лабенщина. Изделия из железа и кости: 1—35— верхний горизонт

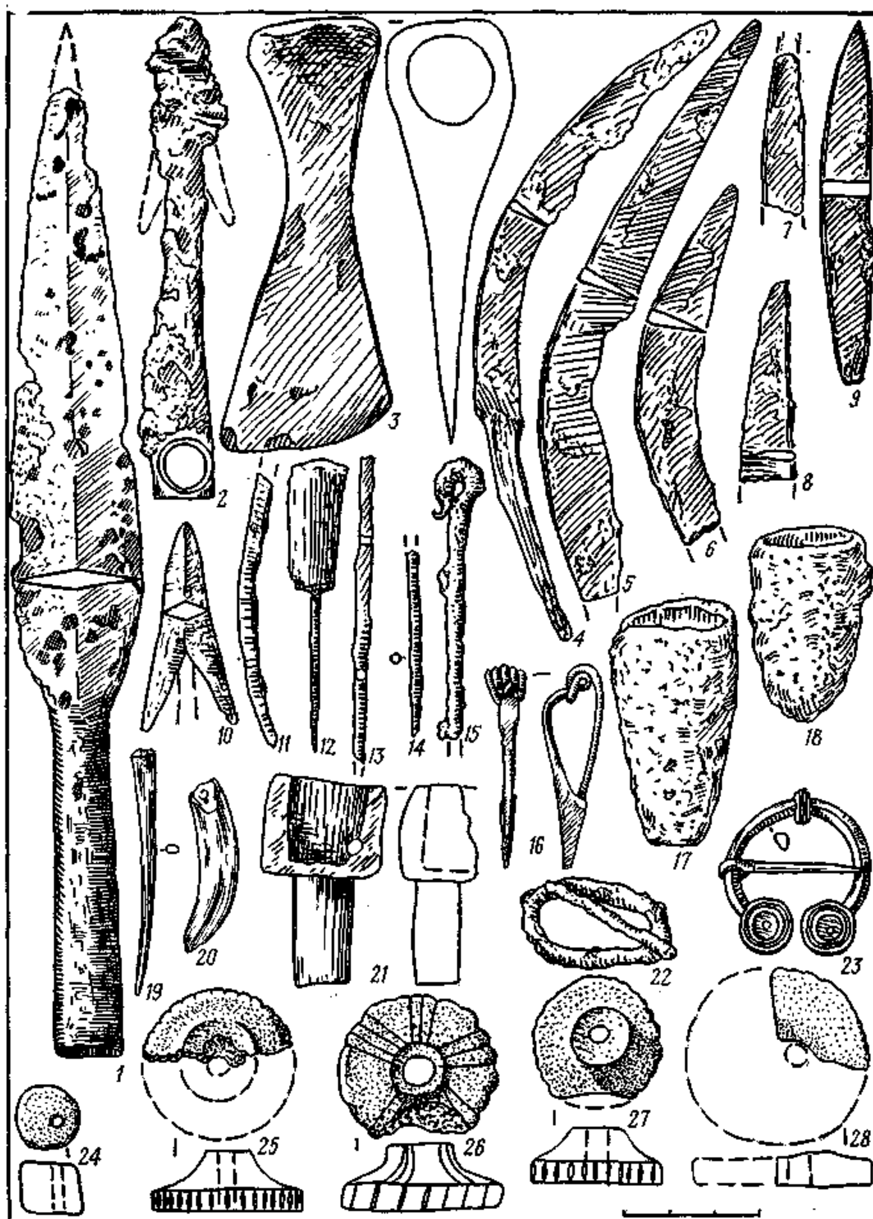

Рис. 22. Городище Малышки. Изделия из железа, бронзы, кости и глины

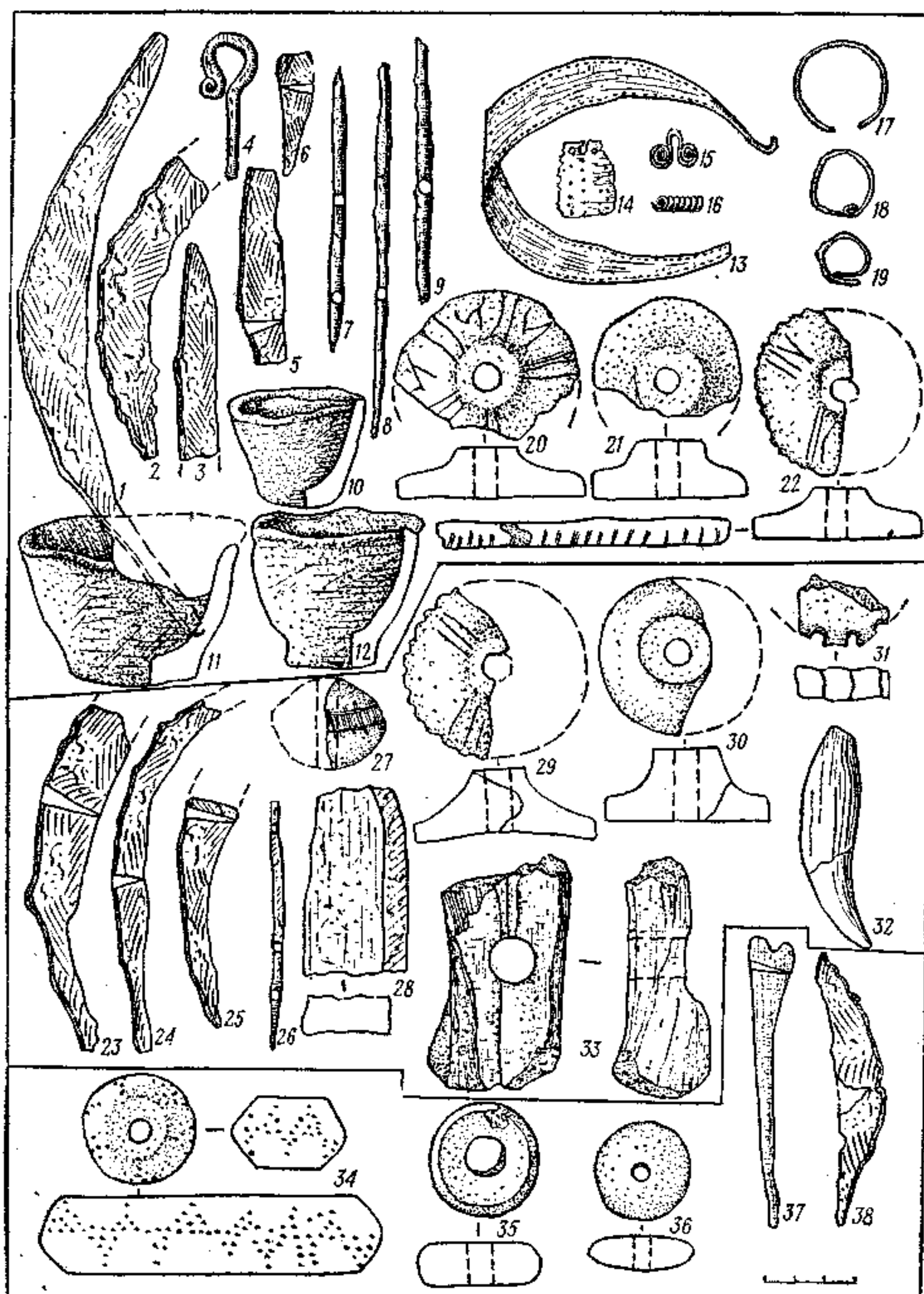

Рис. 23. Изделия из железа, бронзы и глины: 1—22 — городище Збаровичи, 23—32— городище Вязынка, 34—38 — Качановичи

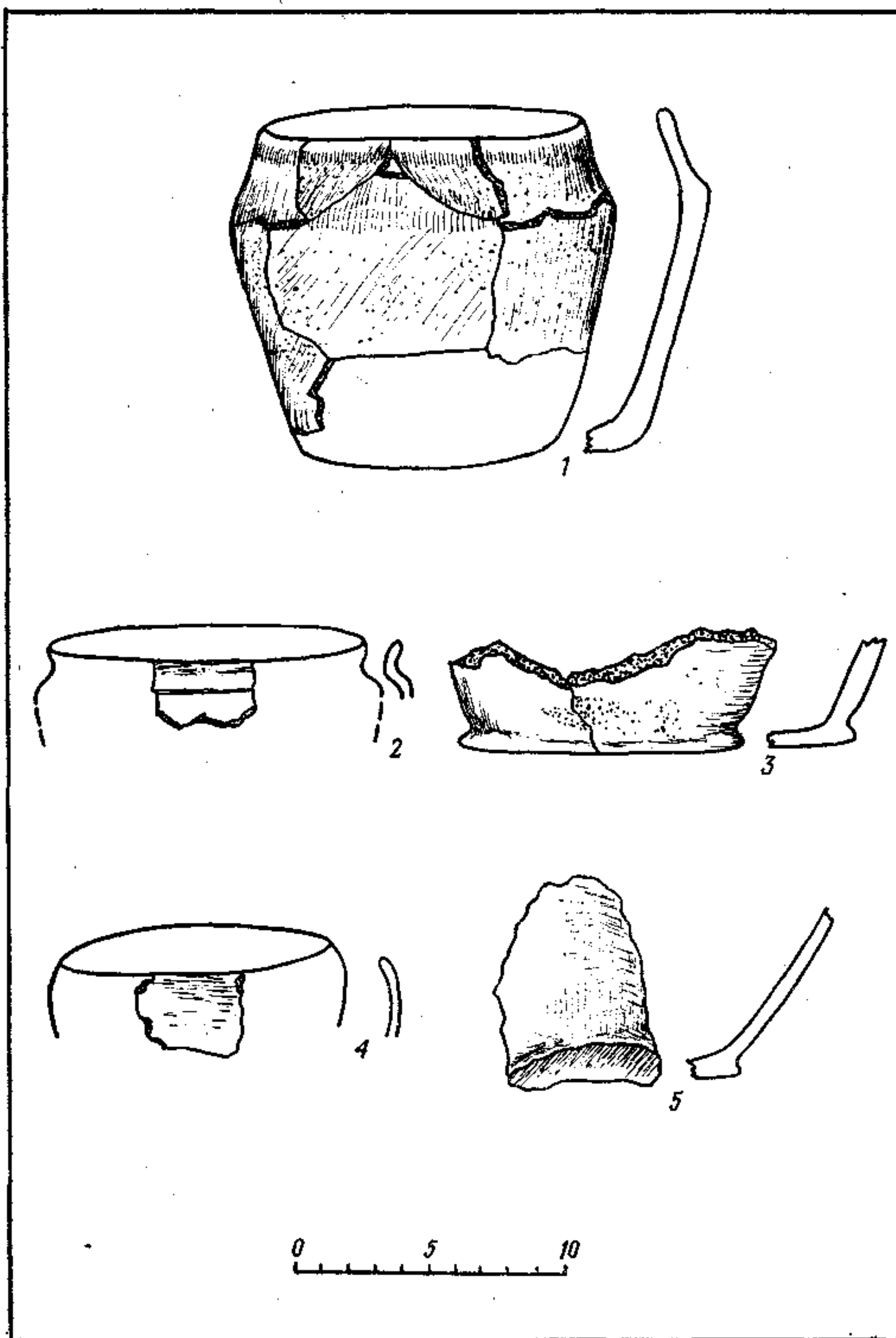

Рис. 24. Городище Вяаынка. Лощеная и подлощенная керамика

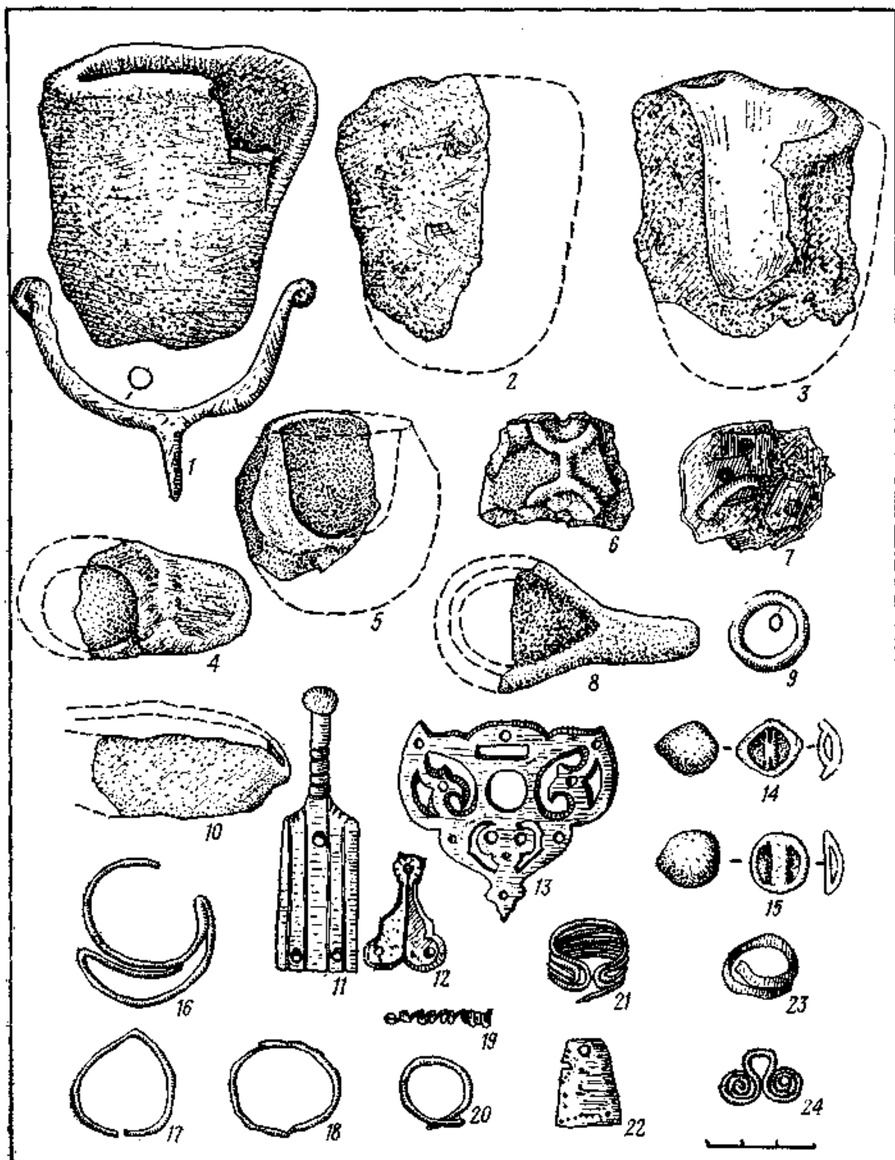

Рис. 25. Городище Лабенщина. Тигли, ухватик к тиглю, льячки, обломок формочки и изделия из бронзы

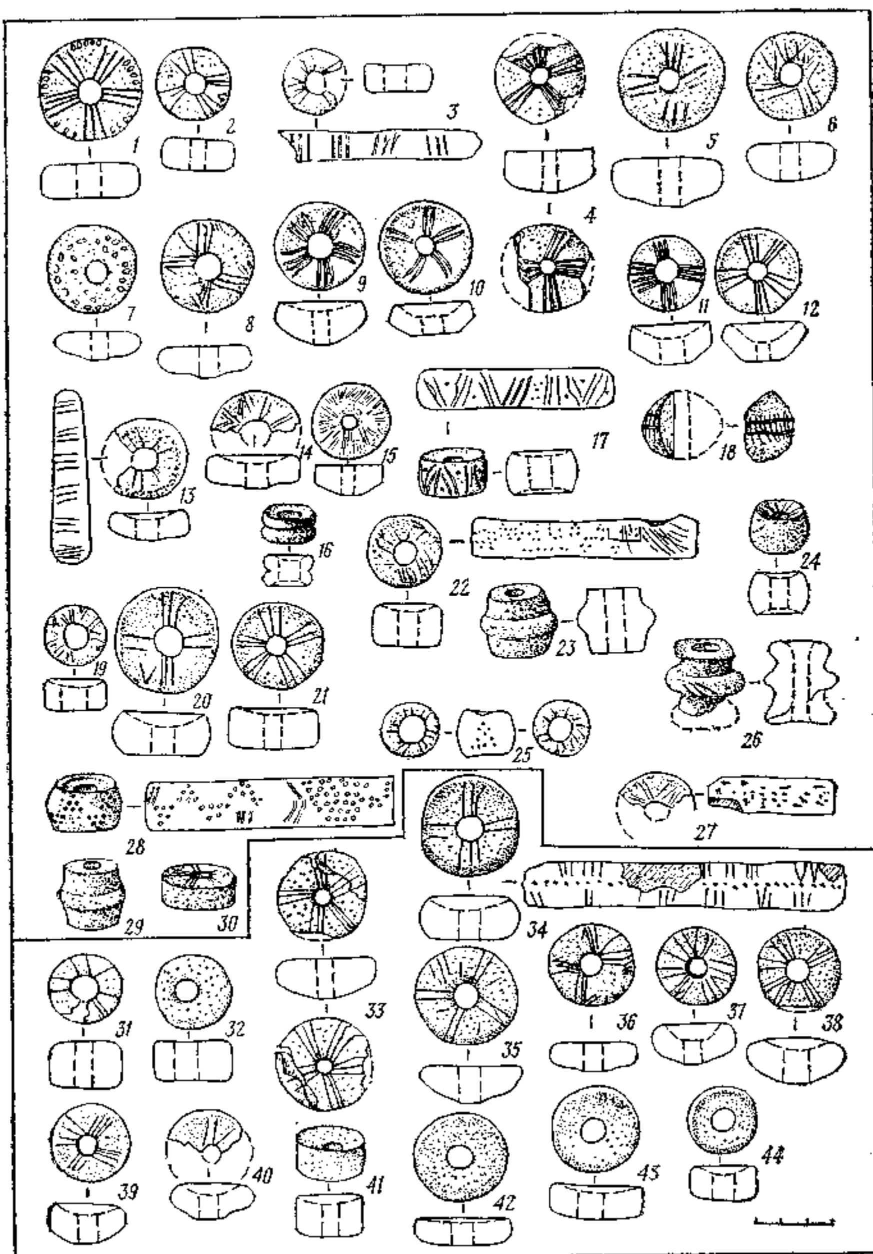

Рис. 26. Городище Лабенщина. Глиняные пряслица

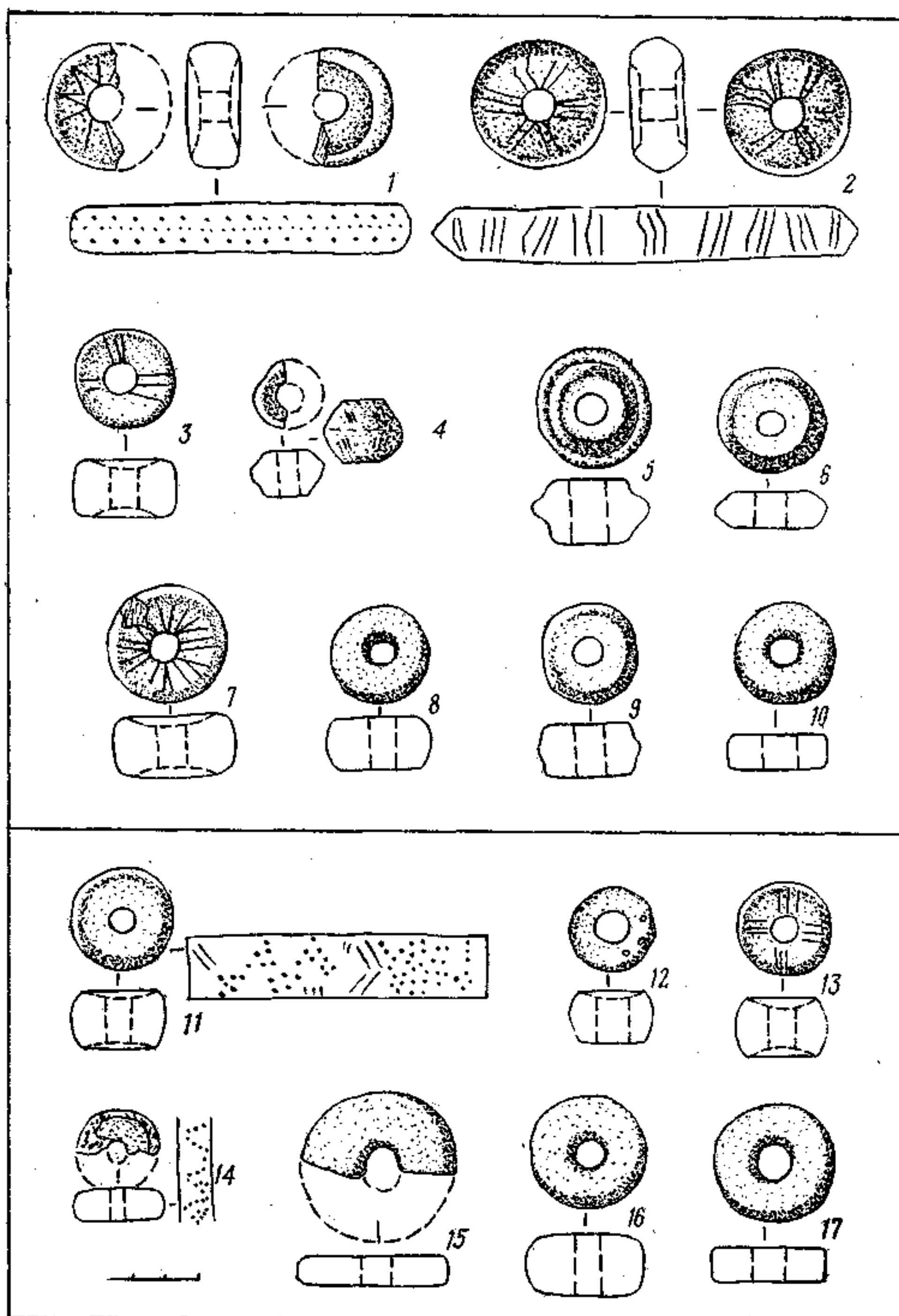

Рис. 27. Глиняные пряслица: 1—10 — Збаровичское городище, 11—17 — Вязынковское городище

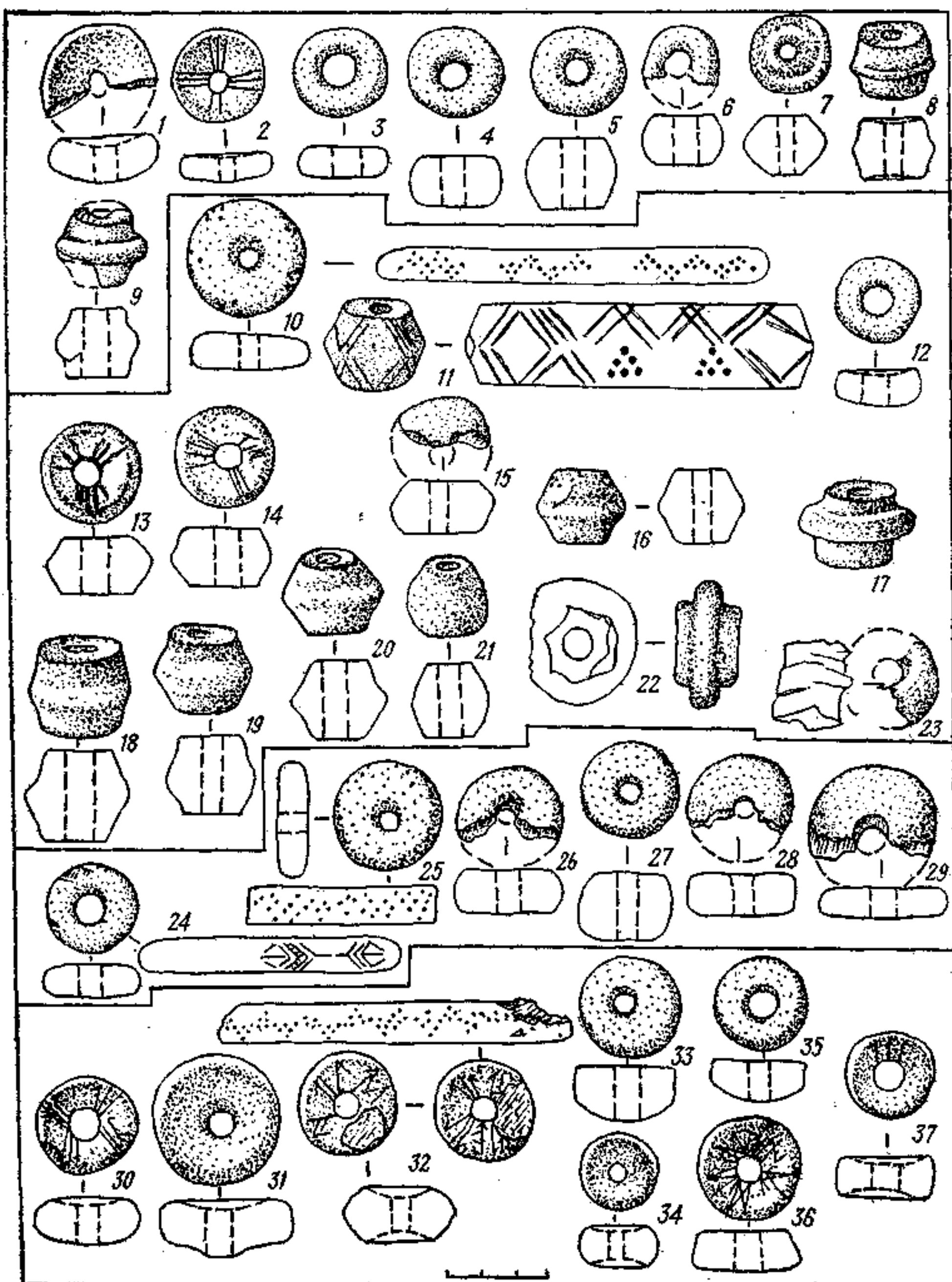

Рис. 28. Глиняные пряслица: 1—8— Оздятичское городище, 10—23— Новоселковское городище, 24—29— Кимийское городище, 30—36— Староруднцкое городище

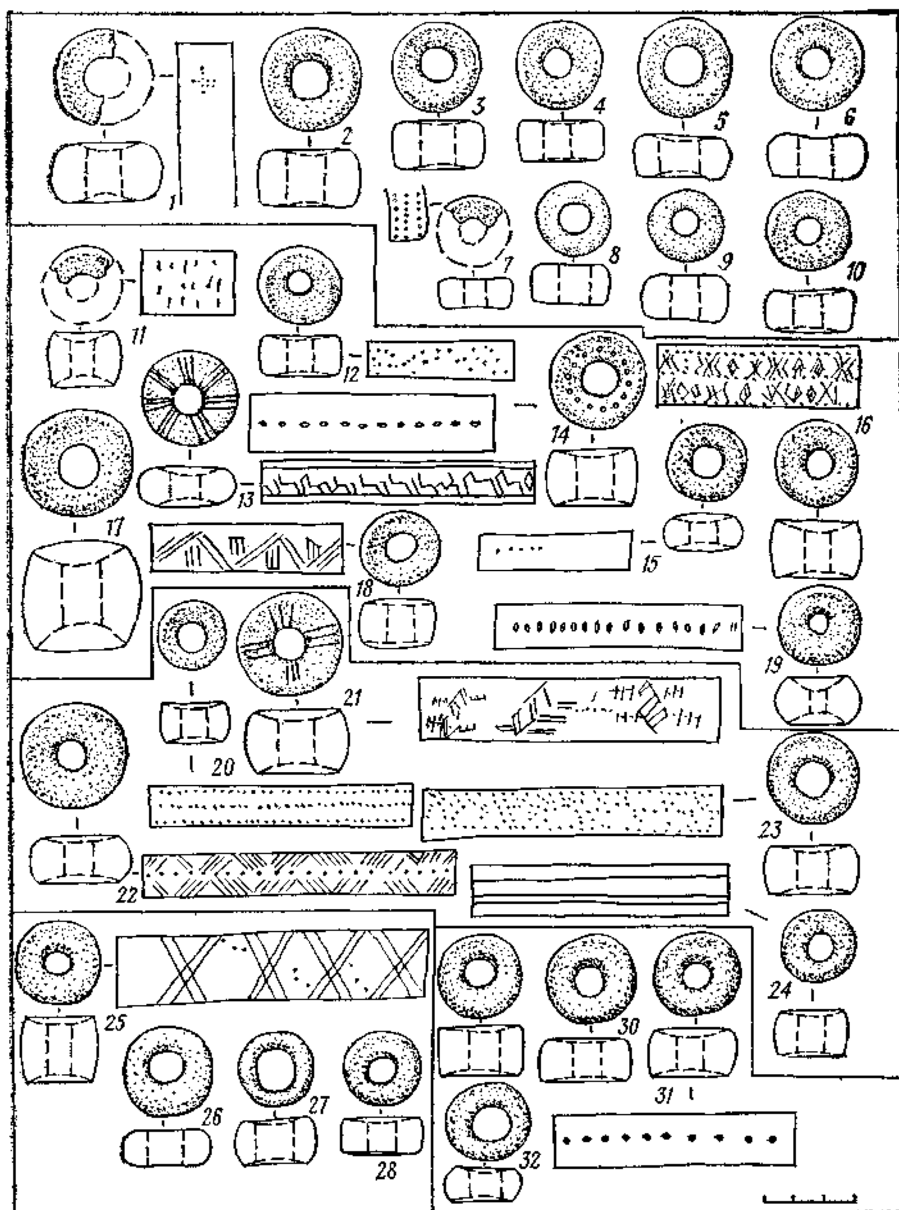

Рис. 29. Городище Малышки. Глиняные пряслица с вогнутыми сторонами: 1—10—жилище 1; 11—19 жилище 2; 20—24—жилище 3; 25—28—жилище 4; 29—32— вне жилищ

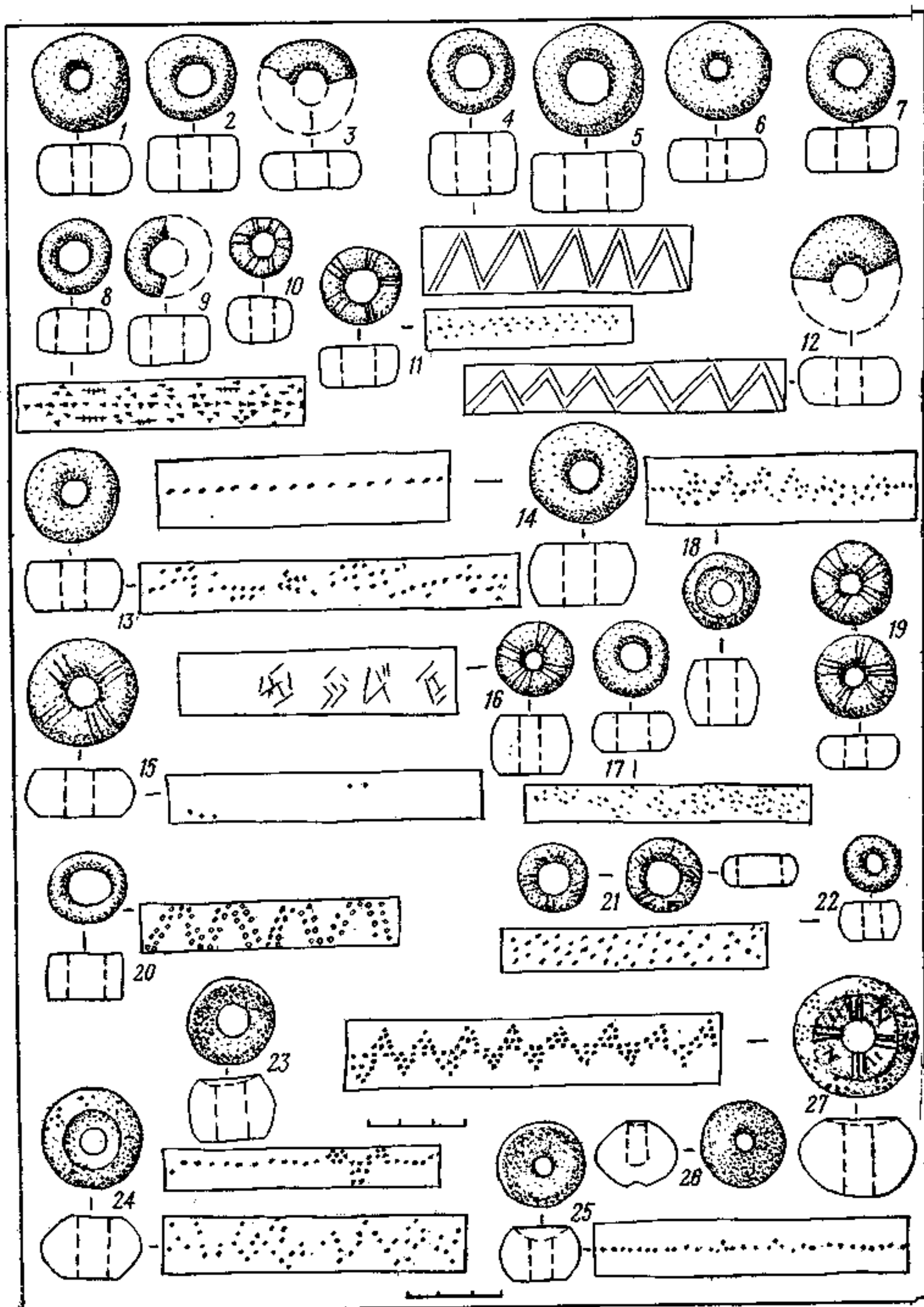

Рис. 30. Городище Малышки. Глиняные пряслица с плоскими сторонами: 1—3 жилище 1, 4—12— жилище 2, 13—22, 24— жилище 3, 25, 27— с вогнуто-плоскими сторонами (вне жилищ), 26 — недоделанное пряслице

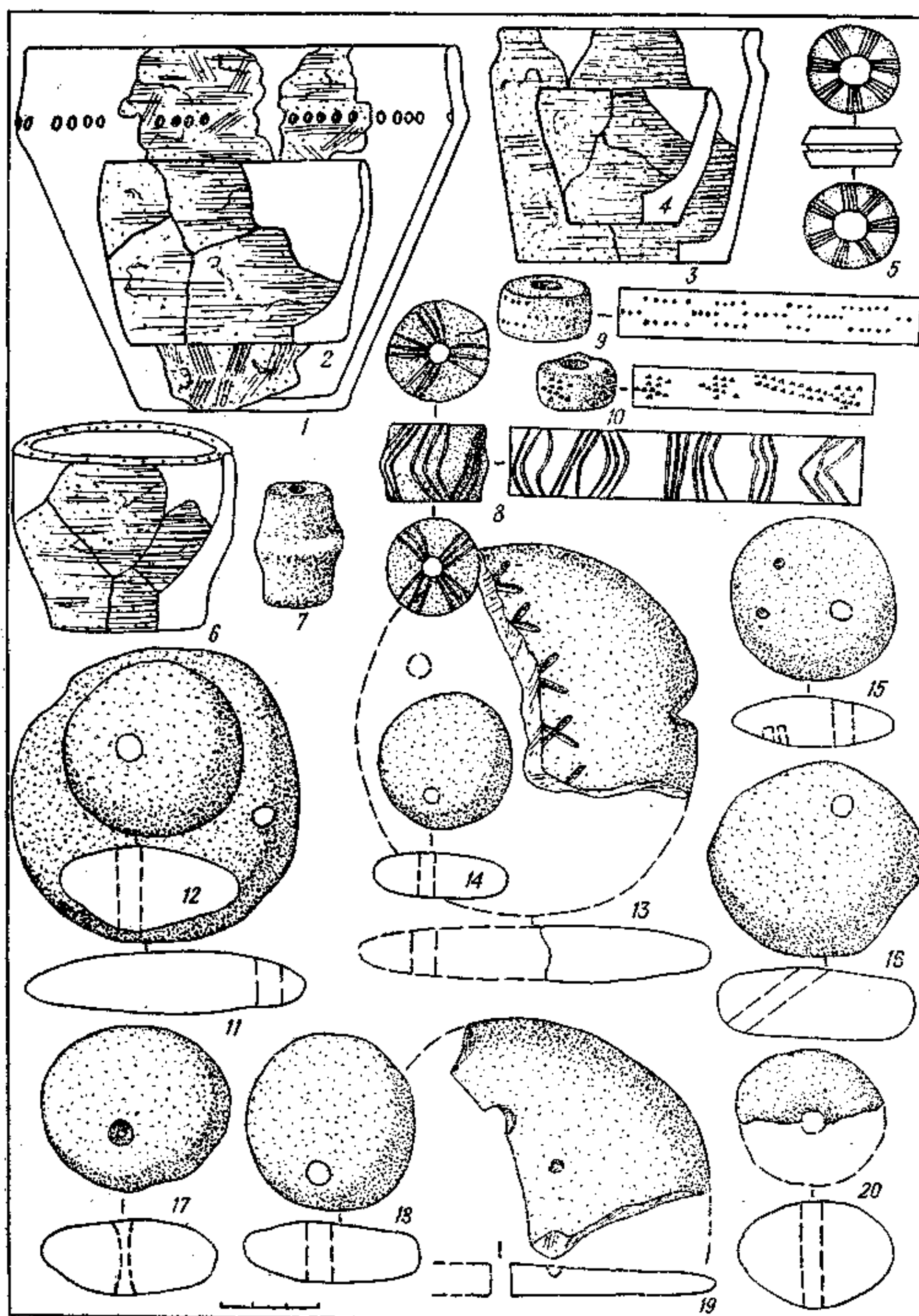

Рис. 31. Городище Малышки. Изделия из глины: 1—4, 9 — глиняные сосуды, 5—8, 10— глиняные пряслица, 11—20— грузила от сетей

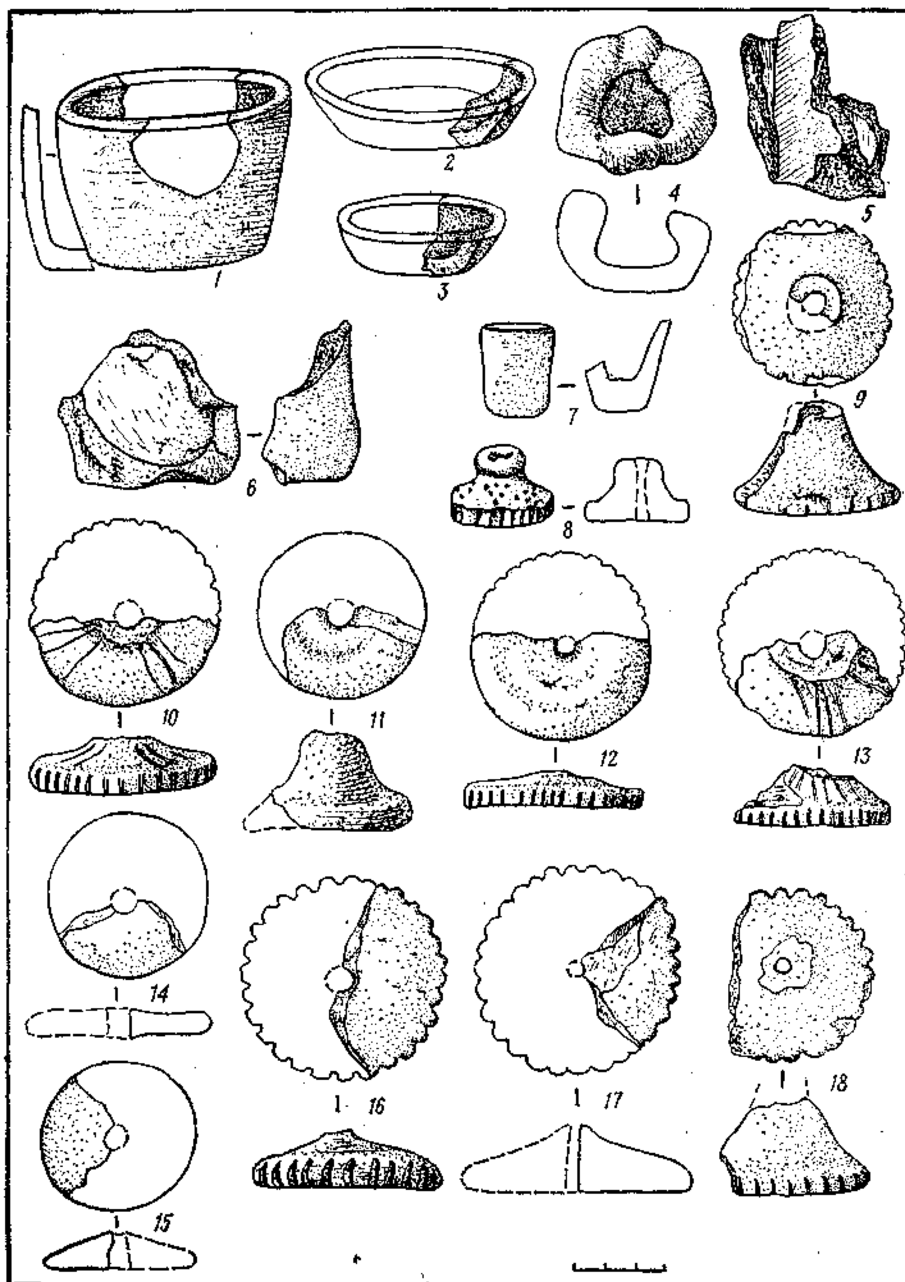

Рис. 32. Городище Лабенщина: 1—7—миниатюрные сосуды, 8—18—грузики дьякова типа

Раздел II
ПАМЯТНИКИ ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ н. э.

Глава I
ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА

Третья четверть I тысячелетия н. э.— очень важный период в истории племен не только Белоруссии, но и Восточной Европы в целом. В это время продолжался процесс распада патриархально-родового строя, вследствие чего происходили коренные изменения в жизни племен. Вместе с тем это был период непрерывных войн славянских и других племен с Византийской империей, благодаря чему процесс «великого переселения народов» вступил в свою завершающую стадию. Большое влияние на жизнь племен Восточной Европы оказали также набеги кочевников, аваров в частности. Факты свидетельствуют о том, что, несмотря на удаленность, все эти процессы непосредственно коснулись племен, заселявших территорию Белоруссии, и вызвали среди них большие передвижения.

Как мы видели, в жизни племен культуры штрихованной керамики уже во второй четверти I тысячелетия н. э. наметились весьма существенные изменения. Они были обусловлены дальнейшим развитием подсечного земледелия и скотоводства, совершенствованием и усложнением домашнего ремесла, в первую очередь кричнo-кузнечного производства. Вследствие этого растущие производительные силы вступили в противоречие с производственными отношениями, присущими родоплеменному общественному строю. Изолированные друг от друга, замкнутые патриархально-общинные гнезда-городища, заселенные кровными родственниками, превратились в тормоз дальнейшего развития производительных сил: они ограничивали частную инициативу наиболее предприимчивых малых семей и этим сдерживали индивидуализацию производства, мешали осваивать новые земли, затрудняли торговый и культурный обмен между родами и племенами и т. п. Все это приводило к тому, что старые патриархальные поселки стали экономически невыгодными и постепенно приходили в запустение, а вместо них возникали новые, неукрепленные поселения-селища. Процесс смены поселений и культуры был ускорен проникновением на территорию средней и северной Белоруссии Ноеоfо населения — потомков племен культуры типа Адаменского селища. Новейшие исследования показали, что эта культура, как и культуры соседних племен, к V в. н. э. претерпела существенные изменения: в составе, керамики появились слабопрофилированные сосуды, по форме сходные с поздними слабопрофилированными сосудами культуры штрихованной керамики. Как известно, племена этой культуры жили на открытых поселениях уже со II в. н. э. У них была более высокая по сравнению го

своими северными соседями общественно-политическая организация, которая не только обеспечивала безопасное существование отдельных (малых) семей, но и давала возможность осуществлять экспансию в широких масштабах. Процесс смены городищ селищами на севере и северо-западе, начавшийся, по-видимому, в IV в. н. э., к V в. н. э. повсеместно завершился. В это время основным типом поселений становятся селища. Происходит и смена культур: вместо культуры штрихованной керамики, а в северной части Верхнего Поднепровья и в Подвинье — днепродвинской культуры, распространилась культура, материалы которой впервые были обнаружены в 1925 г. в верхнем слое Банцеровского городища.

Исследования последних лет показали, что селища разделяются на две группы. К первой относятся селища, расположенные отдельно от городищ, они не связаны с ними и иногда удалены от них на большие расстояния, ко второй — селища, расположенные при городищах и непосредственно связанные с ними. На первой стадии развития вновь возникшей культуры ее носители проживали только на селищах первой группы. Это говорит о том, что политическая обстановка была сравнительно спокойной. Поселения этой группы располагались по берегам рек и озер. Чаще они занимали пологие холмы- останцы в поймах рек. К ранним поселениям относятся селища близ деревень Курчино (левый берег Сервечи, их здесь четыре) Мядельского, Воронечь (в урочище Мяница на правом берегу Ушачи) Полоцкого, Гуры (правый берег Сервечи) и Сосенка (левый берег Вилии) Вилейского, Малое Стахово (левый берег Березины) Борисовского районов и много других.

Селище Василиха близ д. Ревячка является одним из очень интересных в научном отношении поселений первой группы, оно расположено в 1 км юго-западнее д. Ревячка Мядельского района. На этом поселении обнаружен наиболее ранний комплекс вещей и, что особенно важно, вскрыты грунтовые погребения, аналогичные по деталям погребального обряда и керамике погребениям грунтовых могильников в Нижней Тощице, Ново-Быхове и других местах Верхнего Поднепровья. Селище Василиха занимает пологий и длинный холм высотой от уровня реки не более 4—5 м (рис. 33). Холм тянется вдоль правого берега Сервечи (правый приток Вилии) на 165 м, его ширина 30—35 м. В 1973—1975 гг. раскопки велись на восточном краю селища. Культурный слой вскрыт на площади 1292 м^2. Он длительное время распахивался, поэтому в верхней части (на глубину 0,2—0,25 м) имеет темно-серую, а в нижней — черную окраску. Мощность не превышает 0,4—0,45 м. На желтом материковом песке залегает тонкий (не свыше 0,1 м) слой желто-коричневого цвета, в составе которого встречены обломки сосудов эпохи бронзы, два кремневых наконечника стрелы и кремневые отщепы. Значит, на месте селища находилась стоянка бронзового века. При разборке культурного слоя на всем вскрытом участке на глубине 0,15—0,2 м встречено много мелких, средних, а также крупных камней. Залегают они беспорядочно, по преимуществу в один ряд, но в местах максимальной концентрации — в два и три ряда. Ничем не скреплены (33,1).

Крупные камни (в поперечнике от 0,15—0,2 до 0,3—0,35 м), как правило, обожжены, мелкие и средние (в поперечнике 0,05—0,07—0,1—0,15 м) следов действия огня на себе не несут. Обожженные камни, вероятнее всего, являются развалом очагов или печей-каменок, а остальные, возможно, принесены на поселение в целях обороны. На вскрытом участке обнаружены остатки четырех жилищ. Два из них были наземными, два полуземляночными. Судя по большому количеству крупных

обожженных камней от печей-каменок, жилищ на селище было значительно больше, но их границы в однородном слое гумуса проследить не удалось.

Жилище 1. Наземное (рис. 33, *1*). Располагалось в северо-восточном углу вскрытого участка. Врезано в пологий склон холма. Четырехугольная яма (3,8Х3 м) была заполнена черным культурным слоем. Ее глубина у южной стены 0,2 м, у северной равна нулю. Яма ориентирована по странам света. Размеры жилища определить нельзя, так как следов от стен не сохранилось. Столбовых ям не обнаружено, вероятно, жилище было срубным. Печь-каменка находилась в юго-западном углу, где лежало несколько обожженных камней.

Жилище 2. Наземное (рис. 34). Располагалось на северном склоне холма, в 20 м западнее жилища 1. Врезано в пологий склон. Яма была заполнена черным культурным слоем, в составе которого найдены три пряслица, обломок ножа, обломки сосудов. Ориентирована по странам света. Длина 4 м, ширина 4,2 м. Стены неровные. Глубина у южной стены 0,4 м, у северной сведена к нулю. Внешний облик этого жилища напоминает облик жилищ на селищах близ деревень Городище и Дедиловичи. О его размерах сказать ничего нельзя, так как следов от стен не сохранилось. Печь-каменка, вероятнее всего, находилась в северо-западном углу, здесь сохранилось несколько крупных и мелких обожженных камней. Столбовых ям не обнаружено. По-видимому, жилище было срубным.

Жилище 3. Полуземляночное (рис. 34). Находилось в 4,6 м к югу от предыдущего. Располагалось на ровном месте. Яма в плане имела четырехугольные очертания. Заполнена черным культурным слоем, в составе которого встречены обломки глиняных сосудов. Ориентирована по линиям юго-запад — северо-восток, северо-запад — юго-восток. Размеры: по линии северо-запад — юго-восток 4 м, по линии северо-восток — юго-запад 3,8 м. Максимальная глубина ямы 0,45 м, у юго-восточной стены 0,3 м. Здесь, по-видимому, находился вход в жилище. От стен никаких следов не сохранилось, поэтому о его размерах можно говорить лишь предположительно. Судя по контурам максимально углубленной части ямы, жилище в длину (по линии юго-восток — северо-запад) достигало 3,3 м, в ширину — 2,45 м. В северо-восточном углу располагался очаг (рис. 34).. Он имел вид скопления мелких, сильно обожженных камней (1,45Х1,1 м), уложенных в основном в один ряд. Лежал на небольшой песчаной подсыпке, возвышающейся над полом на 0,2 м. Важно подчеркнуть, что вскрытое полуземляночное жилище находит себе прямые аналогии в жилищах, встреченных на поселениях юга и юго-востока Белоруссии и соседних с ней территорий. Этот факт лишний раз подтверждает то обстоятельство, что селище близ д. Ревячка и поселения, расположенные на территории юго-востока Белоруссии (Нижняя Тощица, Щатково, Тайманово, Синьково и многие другие)[1], относятся к одной и той же культуре. Об этом же свидетельствуют и погребения с трупосожжением, обнаруженные в 1973 г.: основные черты их погребального обряда такие же, как и на юге и юго-востоке (могильники Акатово, Нижняя Тощица, Тайманово, Ново-Быхов и др.)[2].

Жилище 4. Полуземляночное (рис. 34). Расположено в юго-западном углу раскопа, в 14,5 м юго-западнее жилища 3. Вскрыто не полностью, западная часть уходит за пределы раскопа. Яма, вырытая под жилище, заполнена темно-серым и коричневым (с углями) культурным слоем. В плане вскрытая часть (2,6Х2,5 м) ямы полуовальная. Ориентирована

по странам света. От стен жилища никаких следов не сохранилось. Углублено в материк до 0,6 м. В юго-западном углу на небольшом возвышении (до 0,15—0,2 м) находилась печь-каменка. Она имела вид развала крупных и мелких обожженных камней. Столбовых ям не обнаружено. Видимо, жилище, как и все остальные, было срубным. Помимо жилищ, на вскрытом участке встречено 30 ям хозяйственного назначения. В плане они овальные (15), яйцевидные (11) и круглые (4), в разрезе чашеобразные. Глубина колеблется от 0,2—0,3 м (13 ям) до 0,6—0,8 м. Овальные и яйцевидные в длину достигают от 0,85—0,9 м (3 ямы) до 1,5—1,6 (7 ям) и 2,8—3 м, в ширину от 0,7—1 м (5 ям) до 2,8—3 м. Диаметр круглых от 0,6—0,7 до 1,3—1,4 м. Заполнены темно-серым и черным культурным слоем, в составе которого найдены обломки сосудов и 3 пряслица.

Керамика вся лепная. Всего встречено 7868 обломков, из которых 561 от венчиков сосудов. Венчики, если судить по их формам, принадлежали: 1) сосудам культуры штрихованной керамики 27 обломков и один реконструированный сосуд, 2) сосудам днепродвинской культуры 24 обломка, 3) сосудам культуры типа верхнего слоя Банцеровского городища. Среди обломков 95 экземпляров со штрихами, около 40 обломков с прочесами и не менее 39 подлощенных. Кроме того, обнаружено 19 штук биконических пряслиц с большим отверстием, два железных ножа с волютообразным навершием, два ножа (в обломках) с прямой *л* один с изогнутой спинкой, железная подковообразная фибула (поздняя), пинцетообразное железное изделие, язычок от пряжки, шило и бронзовая трубочка — пронизка. По керамике и комплексу вещей селище можно отнести к V—VI вв. н. э. Судя по характеру керамики, селище было основано общиной, относящейся к родственным по культуре штрихованной керамики и днепродвинской племенам. По-видимому, вскоре после этого поселением овладело новое население, пришедшее с территории юго-востока Белоруссии и принадлежавшее к племенам культуры типа верхнего слоя Банцеровского городища.

Селище Гуры, датируемое этим же временем, расположено около хутора Гуры Вилейского района. Оно занимает пологую мысообразную возвышенность на правом берегу Сервечи. С северной стороны селища протекает река, с восточной и западной находится местами заболоченная пойма. Площадь, занятая селищем, не менее 0,6—0,7 га. На селище располагаются удлиненные и круглые курганы (VIII—IX вв. н. э.) в количестве 55 насыпей. Культурный слой (0,2—0,25 см толщины) прослеживается на всей площади поселения. Он сильно потревожен при насыпании курганов. В насыпях последних во время раскопок встречаются такие же, как и в Ревячке, керамика, пряслица, ножи, серпы и некоторые украшения. В 1971 г. в восточной части поселения были произведены раскопки. Культурный слой вскрыт на площади в 328 м^2. На раскопе располагались два удлиненных кургана. Под их насыпью встречен культурный слой мощностью в 0,3 м, а между ними — не свыше 0,15—0,2 м. Большая часть насыпей состоит из культурного слоя.

Селища второй группы размещаются в непосредственной близости от ранних, к этому времени уже запустевших городищ. По-видимому, к концу VI в. н. э. политическая обстановка изменилась и стала весьма тревожной, в связи с чем обитатели селищ вынуждены были принимать меры к обеспечению своей безопасности. С этой целью старые городища они подвергали существенной перестройке и превращали их в мощные по тому времени крепости-убежища: насыпали дополнительные залы,

подсыпали края площадок, по краям площадок и по гребням валов сооружали оборонительные стены и т. п.

К числу таких поселений относятся городища и селища близ деревень Дедиловичи Борисовского, Городище, Микольцы и Некасецк Мядельского, Бураково Городокского, Урагово Верхнедвинского районов и многие другие (рис. 36).

Одним из таких укрепленных поселений, превращенных в убежище, является городище близ д. Городище Мядельского района Минской области. Оно устроено на северо-западном максимально высоком (до 8—10 м от основания) конце длинного холма, который начинается у северной окраины деревни (с западной стороны современного кладбища) и на 200—250 м тянется в северо-западном направлении. Овальная в плане площадка городища вытянута с юго-востока на северо-запад. Наклонена к северу. Длина 62 м, ширина 36 м. Укреплено двумя (внутренним и внешним) валами и рвом. Внутренний вал насыпан на восточном краю площадки. Его восточная часть разрушена карьером. Максимальная высота вала 0,6—0,7 м, ширина не свыше 8—10 м. Насыпан из культурного слоя. Внешний вал расположен на склоне, на 4—5 м ниже края площадки. Между валом и склоном находится ров. С южной и западной сторон вал и ров не прослеживаются, с северной они выступают в виде террасы и лишь с восточной стороны сохранились более или менее удовлетворительно. Исследования городища, проведенные в 1969—1973 гг., показали, что его материалы относятся к двум культурам — штрихованной керамики и типа верхнего слоя Банцеровщины. Нижние слои содержат обломки штрихованных сосудов, по форме аналогичных сосудам милоградской культуры. Раскопками установлено, что городище подвергалось неоднократным перестройкам. Оно было основано общиной, принадлежавшей к племенам, близким по культуре населению милоградской культуры: в нижнем слое встречена только ранняя керамика (рис. 14, *1—17*). По краю площадки первые обитатели городища на небольшой подсыпке построили оборонительную стену, остатки которой в виде песчано-углистой прослойки (0,1—0,25 м) и обугленных плах хорошо проследились во время раскопок. Стена погибла в пожаре. Выше этой прослойки залегал горизонт, содержащий такую же, как и ниже, керамику, а еще выше — слой с обломками остроберных и баночных сосудов. Городищем, по-видимому, овладела новая община, которая лепила ребристые и баночные горшки. Новое население произвело дополнительную перестройку городища: накопившийся ранее культурный слой был спущен на края площадки (горизонт с ранней керамикой прослеживается только по ее краю), в ряде мест они были подсыпаны крупнозернистым песком желтой окраски, затем была построена новая оборонительная стена, остатки которой в настоящее время выступают в виде скопления углей и сильно обгоревших бревен. Судя по характеру керамики, жизнь здесь прекратилась в конце III — начале IV в. н. э., после чего городище пришло в запустение. Возродилась жизнь в V или VI в. н. э., но не на городище, а рядом с ним, на открытом поселении — селище. Именно в это время теперь уже обитатели селища произвели новую и коренную перестройку городища и превратили его в убежище. За счет культурного слоя и подсыпки желтого песка (в профиле хорошо видны песчаная прослойка толщиною до 0,2—0,3 м и перемешанный культурный слой) были увеличены размеры площадки, а склонам придана большая крутизна, на восточном конце городища был насыпан внутренний вал, а по краю площадки построена новая оборонительная

стена. Тогда же был насыпан и внешний вал, а между ним и склоном поселения вырыт ров. Это подтверждено работами 1968 г.: на северной стороне городища была прорыта траншея, которая разрезала склон, ров и вал. Установлено, что склон сверху донизу состоит из культурного слоя (в профиле заметны следы трех сгоревших стен) и что ров и вал были сооружены обитателями селища (в насыпи вала найдено биконическое пряслице, три обломка сосудов, аналогичных сосудам селища).

На одном уровне с остатками последней стены встречены большие скопления мелких (в поперечнике 5—10 см) и сравнительно крупных (15—20 см, таких меньше) камней. Камни залегали по преимуществу в один ряд, но в некоторых местах они лежали плотно прижатыми друг к другу в два, три и более рядов. Никакого порядка в размещении камней не наблюдалось, они производили впечатление обыкновенного развала. В плане площадки аморфны, лишь приближенно их форму можно назвать овальной. Следовательно, каменные площадки представляют собой кучи камней, сознательно принесенных на городище. Следов длительного пребывания на огне камни на себе не несут. Всего во время раскопок встречено шесть (не считая совсем мелких) больших каменных площадок. Наибольшая из них достигает в длину 7 м, в ширину 3,6 м. Наименьшая соответственно 2 и 1,8 м. Как уже отмечалось, аналогичные каменные площадки были встречены на ряде городищ, относящихся к культуре штрихованной керамики, днепродвинской и культуре типа верхнего слоя Банцеровщины. Как и на поселения этих культур, камни на городище были принесены, вероятнее всего, в целях обороны. Никаких следов жилищ на городище встречено не было. Ранние жилища были уничтожены при перестройке городища, а в позднее время на городище не жили, а использовали его, во-первых, как убежище в случае военной опасности и, во-вторых, как место для хранения различных хозяйственных запасов. На его площадке было обнаружено 19 ям-погребов. Все они имеют в плане овальную форму (рис. 37). Размеры неодинаковы: длина колеблется от 1,2—1,3 до 3,7 м, ширина от 0,8—0,9 до 1,5—2,1 м, глубина от 0,3—0,4 до 0,6—0,7 м. Две ямы имеют приступку с восточной стороны. Почти все они в разрезе чашеобразной формы. Особый интерес представляет яма-погреб, расположенная в юго-западной части вскрытого участка. От других ям-погребов она отличается большими размерами. В плане овальна, в разрезе чашеобразна. С восточной стороны имеется приступка. Общая глубина 1,05 м, от дна до уровня приступки 0,5. В западной половине ямы находились два возвышения, плоская поверхность которых была вымощена мелкими камнями. На эти возвышения, по-видимому, ставились сосуды. Яма имела постоянное перекрытие, опиравшееся на столбы: вдоль краев погреба (от края в 0,15—0,2 м) располагались столбовые ямы, в плане круглой формы, диаметром от 0,15 до 0,45м, глубиною от 0,2 до 0,6м. Стенки ям отвесные, дно плоское и округлое. Заполнение ямы-погреба: на глубину 0,4 м от уровня материка — культурный слой темно-серой, а ниже — темно-серой с коричневым оттенком окраски. При его разборке найдены обломки от штрихованных и гладкостенных сосудов.

Селище близ д. Городище расположено на пологих склонах возвышенности с северной, северо-западной и западной сторон от городища. Большая часть площади селища длительное время распахивалась. Нераспаханной осталась лишь полоса шириною в 10—15 м, примыкающая к внешнему валу городища. В 15—20 м севернее селища раньше протекала речка Красавка (левый приток р. Узлянки). Она пересохла. В на-

стоящее время на месте ее русла прорыта мелиоративная канава. Культурный слой около вала не превышает 0,15—0,2 м толщины, далее по склону мощность его увеличивается до 0,3—0,4 м и ближе к основанию холма достигает 0,6—0,7 м. По окраске он разделяется на два горизонта: перепаханный горизонт темно-серого (0,2—0,25 м) цвета и нетронутый горизонт черной окраски.

Раскопочные работы на селище велись с 1965 по 1972 г. Вскрыт участок в 2612 м^2. На этой площади обнаружены остатки 42 жилищ и 17 ям-погребов. Границы жилищ прослежены: а) по контурам черных пятен, отчетливо выступавшим на фоне желтого материкового песка, б) по остаткам нижних венцов, которые выступали в виде сильно обгоревших бревен или скопления углей, в) по столбовым ямам, располагавшимся по углам и вдоль стен жилищ. Изучение жилищ показало, что по конструктивным особенностям их можно разделить на три группы. К первой группе относятся наземные жилища, ко второй — также наземные, но в отличие от предыдущих врезанные в склон возвышенности, к третьей — полуземляночные жилища. В группу наземных входят семь жилищ: 1, 7а, 8, 12, 19, 24, 28 (рис. 40, 1, 6*, 7, 12;* рис. 41, *3, 8).* Пять из них имеют столбовую и два срубную конструкцию. В пяти жилищах находились открытые очаги, в одном — печь-каменка в виде развала камней и еще в одном ни очага, ни печи не сохранилось. В двух жилищах (8, 19) очаги сохранились полностью. Они представляют собою глиняную площадку в плане круглой (8) и овальной (19) формы. Диаметр круглого очага равен 1,7 м, овальный в длину достигает 2,4 м, в ширину — 2,1 м. Глина положена слоем толщиной в 8—12 см. Она сильно обожжена. В глину вмазаны камни до 7—8 см в поперечнике. Оба очага относятся к последнему периоду жизни на поселении: они перекрывали черный культурный слой толщиною до 20 см. Стены одного жилища (12) ориентированы по линии северо-восток — юго-запад и северо-запад — юго-восток, а остальных— по странам света. Жилища 1, 12 и 19 в плане трапециевидны, поэтому размеры их стен от ямы до ямы неодинаковы: у жилища 1 северная и южная стены равны 4 и 3,6 м, восточная и западная — 2,8 и 2,6 м, у жилища 12 северо-восточные стены — 3,75 м, юго-западные — 4,2 и 4 м, у жилища 19 северная и южная стены — 3,8 и 3,75 м, западная и восточная — 3,6 и 4 м. С западной стороны жилища 24 имеется трапециевидная пристройка столбовой конструкции. Жилище в плане имеет трапециевидную форму. Длина северной и южной стен равна 2,8 и 2,9 м, западной и восточной — 2,65 и 2,1 м. Стены пристройки равнялись: западной и восточной — 2,2 и 2,65 м, северной и южной — 1,2 и 1,8 м.

Почти половина жилищ (20 из 42) относится ко второй группе, т. е. к наземным жилым постройкам, нижние венцы которых были врезаны в склон возвышенности 2—4, 7, 9, 11, 13, 18, 21, 22, 26, 30, 32—34, 36—40 (рис. 40, *3, 4;* рис. 41, *1, 4).* Этим они отличались от всех остальных жилищ. Пять жилищ имели столбовую, а остальные — срубную конструкцию. Внутри четырех жилищ (2—4, 36) находились открытые очаги, в трех ни очагов, ни печей не сохранилось, внутри остальных — печи-каменки в виде развала, как правило, сильно обожженных камней. Стены 16 жилищ ориентированы по странам света, 6 — по линиям северо-восток — юго-запад и северо-запад — юго-восток. Печи-каменки располагались в одном из углов жилищ, а очаги — почти по их середине, но ближе к одной из стен. Размеры жилищ второй группы в целом небольшие. Площадь четырех жилищ (2—4, 22) достигала 19—20 м^2, площадь шести (7, 9, 13, 18, 32, 33) колебалась в пределах от 10 до 14 м^2, а остальных

не превышала 8—9,5 м^2. Наиболее сохранились жилища 2, 3 и 7. Жилище 2 (рис. 40, *3)* располагалось в юго-западном углу вскрытого участка. Границы прослежены по пятну черного цвета и по столбовым ямам. Максимальная глубина (0,5 м) ямы, вырытой под жилище, находилась в южной части. На дне у южной и восточной стен встречено скопление углей и обгорелые плахи, лежащие вдоль стен. Диаметр бревен равнялся 0,25—0,3 м. Круглые в плане столбовые ямы имели диаметр 0,4—0,5 м, глубину от 0,4 до 0,6 м. Стенки ям отвесные, дно плоское или слегка округлое. Стены жилища ориентированы по странам света. Размеры 4,3X5 м. Внутри обнаружен глинобитный очаг. От него уцелел слой песка и слабо обожженной глины, на которой лежали мелкие камни. Очаг находился на небольшом (0,1—0,15 м) песчаном возвышении. В длину он имел 1,2 м, в ширину 0,95 м. Располагался ближе к северной стене. С юго-западной стороны очага находилось чашеобразное углубление овальной формы длиною 1 м, шириною 0,75 м, глубиною 0,2—0,25 м. С северо-восточной стороны очага располагалась хозяйственная яма. Она имела неправильную овальную форму длиной 1,8 м, шириной 0,65 м, глубиной 0,55 м. В северной части имелась приступка. Большая часть ямы (северная) выходила за пределы жилища. Яма строилась с таким расчетом, чтобы ею можно было пользоваться, не выходя за пределы жилища. С севера к жилищу примыкала небольшая пристройка столбовой конструкции, видимо, игравшая роль сеней. Внутри этой пристройки встречена вторая яйцевидная в плане хозяйственная яма с приступкой. При разборке культурного слоя в жилище найдены 3 пряслица, железный нож, точильный камень, обломок тигля, обломки керамики, шлаки, несколько костей животных.

Жилище 3 (рис. 40, *4)* расположено в 1,6 м восточнее жилища 2. Яма, вырытая под жилище у южной стены, обращенной к вершине возвышенности, достигает 0,5 м глубины. Границы жилища прослежены по столбовым ямам, диаметр которых равнялся 0,45—0,5 м, глубина от 0,35 до 0,5 м. Вдоль южной и восточной стен ямы обнаружено скопление углей — следы нижнего венца. Размеры жилища 4,3X4,4 м. Внутри почти в центре находился открытый очаг овальной формы, очень хорошей сохранности. Длина его 1,65 м, ширина 1,3 м. Устройство очага: чистая глина слоем в 13—20 см положена на вымостку из мелких камней, уложенных в один ряд. Вдоль западной и северо-западной кромки очага в глину вмазаны довольно крупные камни, верхняя часть которых выходила на поверхность. С западной стороны очага располагалась чашеобразная яма овальной формы. Длина ее 1,5 м, ширина 0,8 м, глубина 0,35 м. В составе культурного слоя, заполнявшего жилище, встречены обломки керамики, железный нож, кости животных, шлаки.

Жилище 7 расположено в 5,3 м юго-восточнее жилища 3. Яма, вырытая под жилище в склоне возвышенности у южной стены, достигала 0,6 м глубины. Она врезалась в северо-западный угол ранее существовавшего здесь жилища 7а. Стены ямы ориентированы по странам света. Длина (по линии север — юг) 3,8 м, ширина 3 м. Вдоль стен сохранились остатки нижнего венца в виде скопления углей и не до конца сгоревших бревен толщиною не менее 0,2—0,25 м. При расчистке пола обнаружено глиняное пряслице. Печь в жилище не сохранилась. Стены ориентированы по странам света. Размеры жилища: длина (по линии север — юг) 3,1 м, ширина 2,8 м.

Столбовые ямы всех жилищ второй группы в плане имели круглую форму диаметром от 0,2—0,25 до 0,4—0,6 м, глубиною от 0,2—0,3 до 0,5—

0,6. Стены ям отвесные, дно плоское или округлое, несколько ям в разрезе конусовидны.

К полуземляночным относятся жилища 5, 6, 10, 14—17, 20, 23, 25, 26а, 27, 29, 31 и 35. От всех остальных они отличаются тем, что их нижние венцы были углублены в землю со всех сторон. Полуземлянка 5 имела столбовую, а остальные — срубную конструкцию. В десяти из пятнадцати полуземлянок сохранились остатки бревен нижних венцов в виде обугленных плах или скоплений углей, лежащих вдоль стен ям. Стены, пяти полуземлянок (1, 14, 15, 26а, 31) были ориентированы по линиям северо-восток — юго-запад и северо-запад — юго-восток, а остальных — по странам света. Во всех полуземляночных жилищах находились печи-каменки в виде развала крупных и, как правило, сильно обожженых камней. Размеры полуземлянок небольшие. Площадь жилища 20, например, равна 6,2 м^2, площадь полуземлянок 23, 27, 29, 31 и 35 не превышает 9,6 м^2, а жилищ 5, 10, 14—17 колеблется от 10—11 до 13—15 м^2. Глубина полуземлянок неодинакова. Надо отметить, что нижние венцы их стен опускались в землю не на одинаковую глубину: обычно венцы тех стен, которые были обращены в сторону вершины возвышенности (на этом поселении во всех случаях в южную и юго-западную стороны), углублялись от 0,4—0,45 до 0,5—0,6 м, а венцы противоположных стен (северных и северо-восточных) —на 0,2—0,35 м. Нижние венцы полуземлянки 16 у южной стены углублены на 0,8 м, а у северной — на 0,5 м, у жилищ 29 и 35 соответственно на 0,7 и 0,5—0,6 м. Разница в глубине залегания венцов объясняется тем, что почти все полуземлянки располагались на пологих склонах возвышенности, вследствие чего венцы стен, обращенных к основанию возвышенности, оказывались опущенными в землю на меньшую глубину. В тех случаях, когда полуземляночные жилища строились на ровном месте, нижние венцы вкапывались в землю на одинаковую глубину (полуземлянки 14, 15). Особый интерес представляет полуземлянка 5. Из всех полуземлянок только она имела столбовую конструкцию, на ее примере удалось выяснить своеобразный способ крепления стен со столбами.

Жилище 5 (рис. 40, *2)* располагалось в 5,7 м восточнее жилища 3. Яма, вырытая под жилище, имела четырехугольные очертания и была заполнена черным культурным слоем. Размеры ямы: длина 4,4 м, ширина 3,4 м. Глубина неодинакова: у стены, обращенной к вершине, она равнялась 0,5 м, а у противоположной не превышала 0,25—0,35 м. Жилище имело столбовую конструкцию. Ямы от столбов находились на его углах. Ориентировано по странам света. Сохранились обугленные бревна нижнего венца. Толщина бревен 0,3—0,35 м. Размеры жилища: длина по линии запад — восток 3,8 м, ширина 3,3 м. При расчистке нижнего венца и столбовых ям удалось проследить довольно своеобразный способ крепления бревен с угловыми столбами. Он существенно отличается от современного. Как известно, в настоящее время в столбах делают два четырехугольных в поперечном сечении паза и в них впускают затесанные концы бревен. Встреченный способ крепления был не таким: в столбах делалось не два, а один паз, который в поперечном сечении имел вид прямого угла, обращенного к центру столба. Концы бревен затесывались не с двух сторон, а с одной, под углом, после чего крепились в пазу столба. Внутри жилища слева от входа находилась печь-каменка, сохранившаяся в виде развала разных по величине камней. Судя по максимальному скоплению камней, она в плане имела круглую форму диаметром (по внешнему обводу) не менее 0,95 м. Устье печи было об-

ращено в сторону южной стены. При расчистке камней найдены железный нож и обломки глиняных сосудов. Нижние венцы сохранились и в жилище 6 (рис. 40,5). Оно имело срубную конструкцию. Яма размером 4Х4,1 м, в которую был опущен сруб, ориентирована по странам света. Ее глубина у южной стены 0,5—0,6, у северной 0,2—0,25 м. Вдоль стен лежали угли и обугленные плахи от нижнего венца. Толщина бревен 0,3—0,35 м. При расчистке материкового песка внутри жилища встречено много углей. Возможно, пол в этом жилище был деревянным. Размеры жилища: по линии запад — восток 3,7 м, север — юг 3 м. Печь-каменка в виде развала камней находилась в северо-западном углу. Судя по развалу, она в плане была круглой, диаметром 1,1 м. Около юго-восточного угла обнаружена яма хозяйственного назначения, в плане овальная, длина 1 м, ширина 0,8 м, глубина 0,55 м. При разборке культурного слоя внутри жилища встречены обломки гладкостенных сосудов.

Ориентировка всех жилищ была обусловлена направлением стока воды: в том случае, когда понижение возвышенности (соответственно этому и сток воды) было направлено к северу, все жилища ориентировались по странам света, к северо-востоку, по линиям северо-восток — юго-запад и юго-восток — северо-запад. В зависимости от этого и вход в жилища располагался с северной или северо-восточной сторон. В полуземлянке 16 прослежен вход с северной стороны. Она расположена восточнее жилища 6. Яма, вырытая под жилище, была заполнена черным культурным слоем. При разборке заполнения встречены обломки керамики, шлаки, кости и зубы животных, обломок тигля. Стены ориентированы по странам света. Вход имел вид полуовального в плане выступа размером по линии север — юг 1,2 м, запад — восток 1 м. Длина стен ямы: западной 4,9 м, восточной 4,2 м, южной и северной 4,2 м. Яма необычно глубокая. У южной стены ее глубина достигает 0,8—0,9 м, а у северной —0,4—0,5 м. Все стены ямы почти отвесные. Границы и размеры жилища определены по остаткам обугленного бревна, лежащего вдоль восточной стены, и по скоплению углей. В плане оно имело четырехугольные очертания, ориентировано по странам света. Длина стен: западной и восточной 3,5 м, южной и северной 3,1 м. Жилище имело срубную конструкцию. В северо-западном углу, справа от входа, располагалась печь-каменка. Она имела вид большого развала крупных и мелких камней. Устье печи было обращено в сторону южной стены (рис. 40, 11).

Аналогичные жилища в третьей четверти I тысячелетия н. э. были распространены на широкой территории, но наибольшее сходство они имели с жилищами, встреченными на территории Белорусского Поднепровья (селища Тайманово, Нижняя Тощица, Щатково и др.). На поселениях этой территории встречены, как и на селище Городище, жилища двух типов — наземные столбовой конструкции и полуземляночные. Важно подчеркнуть, что на поселениях предшествующей поры, т. е. на селищах культуры типа Адаменки (II—V вв. н. э.), также встречены и наземные жилища столбовой конструкции, и жилища полуземляночного типа [3]. Учитывая данное обстоятельство, можно с уверенностью утверждать, что появление полуземляночных жилищ на селище Городище, равно как и на других поселениях (селища Дедиловичи, Ревячка), было связано не с южным (корчакским) и не с западным влиянием, а с проникновением на территорию севера и северо-запада Белоруссии нового населения — потомков племен культуры типа Адаменского селища. На-

земные жилища столбовой конструкции имеют своих предшественников в жилищах культуры штрихованной керамики.

Наряду с жилищами на селище близ д. Городище обнаружено 17 ям хозяйственного назначения. Большая их часть располагается за пределами жилищ, одна яма в жилище 14 выкопана под полом, в жилище 2 одна яма располагалась внутри пристройки, а другая находилась под стеной дома (одна ее часть была внутри жилища, другая — в пристройке), четыре ямы прымыкали непосредственно к жилищам 6, 18, 26, 31 и 39. Форма ям в плане и размеры неодинаковы: шесть ям имели овальную форму длиной от 0,9—1 до 1,7—1,9 м (яма около жилища 18 в длину достигала 2,7 м, в ширину 1,9 м), шириной от 0,9—1,1 до 1,8 м, три — прямоугольную длиной 1,3—1,6 и 2,8 м, шириной 0,9—1,6 и 1,9 м, четыре— яйцевидную длиной 1,3—1,9 м, шириной 0,9—1,8 м. Яйцевидная яма, расположенная около жилища 34, в длину достигала 2,7 м, в ширину 1,9 м и четыре — круглую или почти круглую форму диаметром 0,9—1,1 м. Стены прямоугольных ям крутые, у некоторых почти отвесные, а у остальных менее крутые, в разрезе чашеобразные. Глубина всех ям колеблется в пределах от 0,4—0,5 до 0,6—0,8 м. В пяти (овальных в плане) ямах имеются приступки, углубленные в материк на 0,2—0,45 м (рис. 37).

Селище Дедиловичи (Замковая Гора), (рис. 42). Находится в 5 км западнее д. Дедиловичи Борисовского района в 0,7 км от Цны (левый приток Гайны). Размещается на склонах высокого (42 м от основания) холма, на вершине которого устроено городище культуры штрихованной керамики. Городище у местных жителей известно под названием «Замковая Гора». Оно укреплено двумя кольцевыми валами и рвами. Внутренний вал лежит на 4—5 м ниже края площадки, внешний — на 2—3 м ниже последнего. Высота валов колеблется от 1 до 1,5—2 м, ширина в основании до 10 м, глубина рвов 1,5—2 м (рис. 42). В раскопе, равном 70 $м^2$, встречены штрихованная керамика (обломки от ребристых горшков), железное долотовидное орудие, два обломка нижнего камня зернотерки и глиняное пряслице. Там же найдена железная шпора, относящаяся, вероятнее всего, ко времени существования селища.

Селище отличается от других поселений исключительно хорошей сохранностью жилищ. Следы жилищ почти на всех склонах холма отчетливо выражены прямо на дневной поверхности. Они выступают в виде круглых (реже овальных)ям диаметром 5—6 м. Их глубина неодинакова: со сторон, обращенных к вершине холма, 0,5—0,7 м, а с противоположных — не более 0,2—0,4 м. Всего таких ям-западин насчитывается свыше 300. Культурный слой на поселении отсутствует: он смыт вешними и дождевыми водами. Стены жилищ обрушены еще в древности, поэтому заполнение ям в верхней их половине почти не отличалось от материка. Сохранился культурный слой лишь на дне ям, т. е. на полу жилищ. Определить границы жилищ обычным путем (т. е. путем выявления темного или черного пятна) было невозможно. Поэтому мы применили следующую методику. В центре ямы закладывали шурф или небольшую траншею и разбирали их заполнение до появления культурного слоя черной или темно-серой, иногда темно-коричневой окраски. Дальнейшие исследования сводились к поиску границ этого слоя, которые, разумеется, соответствовали границам самого жилища. Культурный слой (пол) довольно плотен, его мощность колебалась от 7—10 до 15—20 см.

В 0,1—0,12 км северо-западнее Замковой Горы располагался одиночный круглый в плане курган диаметром 12 м, высотой 1,6 м, а западнее

его находилось несколько удлиненных курганообразных возвышений длиною до 25—30м, шириною 4,5—5 м, высотою 0,3—0,45м. Можно было полагать, что здесь располагался могильник обитателей селища. Однако раскопки, проведенные в 1969 г. (вскрыты курган и две возвышенности), показали, что это не так: курган оказался пустым, а курганообразные возвышенности — простыми насыпями с большим количеством ям, заполненных углями. Они никаких признаков погребений в себе не содержали. По-видимому, здесь добывался древесный уголь.

Раскопочные работы на селище велись с 1962 по 1966 г. В тех местах, где находились наиболее выразительные ямы-западины, было заложено четыре разведывательных шурфа площадью 20—30 м^2. В каждом шурфе обнаружено по одному жилищу (1, 2, 13, 39). Помимо этого, на склонах Замковой Горы было заложено девять различных по площади раскопов. Раскоп I, равный 1080 м^2, располагался на западном склоне горы. Исследовано 9 жилищ (3—12). Раскоп II площадью 1572 м^2 находился на северо-восточном склоне холма, вскрыто 10 жилищ (14—23). Квадраты раскопа III, занимавшие площадь 140 м^2, располагались вдоль основания горы с южной ее стороны. Здесь обнаружено четыре жилища очень хорошей сохранности (24—27). Раскоп IV (площадь 812 м^2) располагался на том же южном склоне рядом с раскопом III. На площади раскопа изучено 11 жилищ (28—38). Раскоп V был заложен на юго-восточном склоне горы. На площади 76 м^2 было исследовано три жилища (40—42). Раскоп VI, площадь которого равнялась 84 м^2, заложен на северо-западном склоне. Здесь вскрыто два жилища (43—44). На северо-западном склоне находился раскоп VII. Его площадь равнялась 116 м^2. Изучено три жилища (45—47). Пять жилищ (48—52) было обнаружено в раскопе VIII (площадь 288 м^2), который располагался около раскопа I на западном склоне горы. В раскопе IX (площадь 88 м^2), заложенном в 60 м северо-восточнее раскопа VIII, вскрыто два жилища (53—54). Всего на селище Замковая Гора было обнаружено 54 жилища. Ни в одном из них не встречено столбовых ям. Однако это совсем не означает, что все они были срубными. Из-за отсутствия столбовых ям нельзя сказать, сколько жилищ имело столбовую конструкцию, но сомневаться в том, что они были на этом поселении, нет никаких оснований. Дело в том, что в жилищах 26 и 27 в углах, за печами-каменками обнаружены остатки обугленных столбов, которые не были вкопаны в землю. Оставшаяся часть столбов в жилище 26 по длине равнялась 0,35—0,45 м, по толщине 0,15—0,2 м, а в жилище 27 соответственно 0,2—0,3 и 0,15—0,2 м. Это обстоятельство свидетельствует о том, что при строительстве жилищ столбовой конструкции столбы не вкапывались в землю, а ставились в углах прямо на земляной пол, после лего возводились стены, а столбы скреплялись друг с другом продольными бревнами. Можно полагать, что вкапывать столбы в землю не было необходимости, так как ямы, вырытые под жилища, были достаточно глубокими, вследствие чего столбы, упираясь в угол стен ям, прочно удерживали все сооружение.

В целом жилища на Замковой Горе имели много общих черт с жилищами, встреченными на селище Городище. Они также располагались на склонах возвышенности, поэтому их нижние венцы опускались в землю на неодинаковую глубину. Разница между ними заключалась в том, что жилые постройки на селище Городище располагались на пологих, а на Замковой Горе — на крутых склонах. Этим и объясняется тот факт, что нижние венцы жилищ на Замковой Горе были опущены в землю (в особенности с тех сторон, которые обращены к вершине холма) на зна-

чительно большую глубину, чем жилища на селище Городище. Так как жилые постройки на Замковой Горе располагались на сравнительно высоких и крутых склонах, наземных жилищ на поселении в строгом смысле этого слова не было. Поэтому их можно разделить не на три, как жилища на селище Городище, а на две группы: жилища, у которых нижняя часть трех стен находилась в земле, а четвертая — почти на дневной поверхности, и жилища, нижние венцы стен которых опущены в землю со всех сторон. Вторую группу жилищ смело можно относить к полуземляночному типу. Жилища обеих групп сходны между собою: и те, и другие врезаны в склон горы. За счет выброшенной из ямы земли вокруг жилища получалась горизонтальная терраса, на площади которой размещался, вероятно, «двор». Как правило, жилища ставились рядами вдоль склона горы на небольшом расстоянии друг от друга, поэтому искусственные терраски сливались между собой и образовывали как бы большие ступени, идущие от основания к вершине. Они хорошо видны и в настоящее время.

Жилищ первой группы встречено значительно меньше, чем жилищ второй группы: восемь построек (2, 7, 8, 13, 19, 22, 29 и 50), а все остальные относились к типу полуземляночных. Ориентировка стен всех жилищ, как и на селище Городище, была обусловлена направлением стока воды: если понижение горы, куда был направлен сток воды, шло по линии север — юг, то стены ориентировались по странам света (жилища 32, 36), а если по линиям северо-запад — юго-восток, то и жилищам придавали соответствующую ориентировку. Большая часть жилищ ориентирована по линии северо-запад — юго-восток, меньшая -— в противоположном направлении. Вход в жилища имел вид прямоугольного (жилища 3, 5, 7, 9, 10—12, 18—20, 23, 27, 28) или полуовального (14, 15, 43, 45, 47) в плане выступа и располагался в той стене, нижние венцы которой были опущены в землю на меньшую глубину. Внутри большинства жилищ находились печи-каменки: в четырех жилищах (13, 5, 19, 21) —открытые очаги, в десяти — ни печей, ни очагов не сохранилось, хотя пол в них проследился хорошо. По-видимому, камни, после того как жилища прекратили свое существование, были использованы при сооружении печей в других жилищах. Не исключено также и то, что какая-то часть из них не являлась жилищами, а имела какое-то, скорее всего хозяйственное, назначение. С этой точки зрения интересна полуземлянка 16. Она имела малые размеры (1,9X3,2 м), вдоль противоположной от входа стены находилась приступка (терраска), внутри постройки на краю небольшого углубления лежал нижний жерновой камень. Необычайно малые размеры имела и полуземлянка 22 (1,8X2 м). От печей-каменок в большинстве случаев сохранился лишь развал обожженных камней разной величины. В жилищах 15, 18, 24, 30, 33, 50—54 печи сохранились почти полностью, лишь их свод провалился внутрь. В совсем не потревоженном виде дошли до нас печи в полуземлянках 12, 25 и 46 (рис. 44).

Жилище 12 располагалось в западных квадратах раскопа I. Заполнение ямы, вырытой под жилище, состояло из желтого песка (0,6—0,7 м), ниже которого лежал культурный слой черного цвета (0,15—0,2 м). Вдоль северо-западной стены прослежена небольшая терраска, возможно, нары, высотой 0,15, шириной до 0,45 м. Вход в жилище (выступ 2X0,7 м) находился в юго-западной стене. В плане жилище четырехугольное, ориентировано с северо-запада на юго-восток. Размеры 4,3X X3,8 м. Печь-каменка находилась в северо-восточном, дальнем углу жилища. При разборке заполнения обнаружены обломки сосудов и серп.

Особенно хорошо сохранилась печь-каменка в полуземлянке 25, которая занимала квадраты в северной половине раскопа III. Яма, вырытая под жилище, была заполнена желтым с коричневым оттенком песком. На дне ямы лежал культурный слой черной окраски с угольками толщиной 0,15—0,2 м. Он равномерно распределен на всей поверхности пола. Стены ориентированы по линиям северо-запад — юго-восток и северо-восток— юго-запад. Размеры 2,9х2,75 м. Печь-каменка находилась в восточном углу. Сохранилась целой. Сложена из гранитных валунов, большинство их обтесано. Камни пригнаны один к другому очень хорошо. При сооружении свода печи применялись каменные клинья. На большие камни передней части свода положены две каменные плиты, верхняя плоскость которых ровная. В плане печь имеет овальную форму. Наружная длина печи 1,1 м, ширина 0,9 м. Печь поставлена прямо на материк. Под, имевший яйцевидную в плане форму, сильно прокален, на нем — угли, зола. Длина пода 0,62 м, ширина 0,37 м. Высота свода внутри печи 0,3 м. Устье печи 0,3 м, высота всего лишь 0,2 м.

Большой интерес представляет полуземляночное жилище 30 (рис. 46). Внутри него сравнительно хорошо сохранились печь-каменка и нижний венец сруба. Располагалось в юго-западных квадратах раскопа IV. Яма, оставшаяся от жилища, была заполнена намывным темно-серым с коричневым оттенком песком, толщиною ближе к стенам 0,2—0,3 м, в центре 0,15 м, ниже его залегал желтый песок, местами с коричневым оттенком, слоем в 0,4 м толщины. На материке лежал культурный слой черной окраски 0,2—0,25 м толщины. Встречено 28 обломков сосудов и два обломка тиглей. Вдоль всех стен на границе культурного слоя черного цвета обнаружены остатки четырех обугленных бревен — нижнего венца опущенного в землю сруба. Толщина бревен равнялась 0,25—0,3 м. Эта жилая постройка рубилась в «обло». Три угла нижнего венца проследились довольно хорошо, четвертый угол там, где находилась печь, проследить не представилось возможным. Жилище ориентировано по линиям северо-запад—юго-восток и северо-восток — юго-запад. Размеры 2,9Х2,8 м. Печь-каменка располагалась в северо-восточном углу. Устройство ее было таким же, как и в жилищах 12 и 25. Все конструктивные элементы, характерные для печей этих жилищ, присутствуют и здесь. В плане печь имела почти круглую форму и небольшие размеры: внешняя длина 0,85 м, ширина 0,75 м. Под печи никакой дополнительной обработке не подвергался, огонь разжигался прямо на земле. Внутри печи много углей и золы. Форма пода яйцевидная, узкой частью обращена к устью. Длина пода внутри печи 0,6 м, максимальная ширина 0,35 м. Пол в жилище, вероятнее всего, был деревянным. Об этом свидетельствуют остатки двух обугленных плах от одной доски или расколотого пополам бревна. Конец одной плахи лежал вдоль печи на бревне северо-западной стены, а другой — на бревне юго-восточной стены. Плахи залегали перпендикулярно к бревнам стен.

Полуземлянка 46, в которой также полностью сохранилась печь-каменка, располагалась в западных квадратах раскопа VIII. Как и в большинстве других жилищ, яма, оставшаяся от полуземлянки, в верхней части была заполнена намывным слоем (0,1—0,2 м) желтого песка, ниже которого залегал горизонт (0,3—0,35 м) коричневато-желтого песка, а на материке находился культурный слой с углями мощностью 0,15—0,2 м. Вдоль стен полуземлянки прослежены крупные куски угля — остатки сгоревшего нижнего венца. Ориентировано по линиям северо-запад — юго-восток и северо-восток — юго-запад. Размеры жилища

2,9Х3 м. Высота стены, обращенной к вершине, 0,95 м, противоположной —0,65 м. Внутри жилища обнаружены три ямы от столбов. Две из них располагались около северо-западной стены, третья — у печи-каменки. Столбы, по-видимому, являлись дополнительным креплением стен и крыши. Печь-каменка находилась в юго-восточном углу. В плане она почти круглая. Внешние размеры печи 0,85Х0,85 м. Размеры внутри печи: длина яйцевидного в плане пода (от устья до задней стенки) 0,6 м, максимальная ширина 0,45—0,5 м, высота свода внутри печи 0,27 м, ширина устья 0,35 м, высота 0,25 м. Топка печи обращена в сторону северо-западной стены. При разборке нижнего культурного слоя найдено девять обломков от глиняных сосудов, глиняное биконическое с большим отверстием пряслице и три обломка костей животных.

Изучение сохранившихся печей-каменок позволило составить более или менее полное представление об их устройстве. Во всех жилищах они располагались в одном из углов, чаще в дальнем от входа. В некоторых полуземлянках печи находились в ближнем от входа углу, справа или слева от него. Все печи были сложены из камней размером от 8—10 до 40—45 см в поперечнике. Мелкими камнями заделывались дыры и щели в стенах и сводах печей. Часть камней была подвергнута специальной обработке: на них сделаны намеренные сколы, некоторым из них придана кирпичеобразная форма. Такие камни употреблялись для возведения стен печи. Камни тщательно пригнаны один к другому. Никаких связующих растворов не применялось. Свод печи крепился при помощи специально для этой цели изготовленных каменных клиньев: их тонкие концы впускались между камнями свода и таким образом сдерживали его. Форма печей в плане круглая и овальная. Размеры: диаметр (внешний) 0,85—0,9 м, длина овальных печей 1 —1,1 м, ширина 0,9—0,95 м. Под печей земляной. Как правило, он сильно прокален. Его форма яйцевидная, узкой частью обращенная к устью. Длина 0,6—0,7 м, ширина максимальная до 0,45—0,5 м, высота свода от 0,27 до 0,4 м, ширина устья не свыше 0,25—0,3 м, высота устья 0,25—0,27 м. Передняя часть свода, часто состоявшая либо из плоских камней, либо из каменных плит, опиралась на крупные камни, достигавшие 40—45 см в поперечнике. Учитывая небольшие ширину и высоту свода, можно полагать, что на плоских камнях и плитах, как и внутри самой печи, готовилась пища в высоких сосудах большого диаметра.

Об устройстве очагов из-за их плохой сохранности можно сказать очень мало. Они дошли до нас либо в виде вымостки мелких, ничем не скрепленных камней либо в виде очажного песчано-углистого слоя мощностью 0,15—0,2 м (жилища 5, 8, 19, 21, 38). У нас нет твердой уверенности в том, что это именно очаги, а не остатки печей-каменок, тем более что располагаются они, как и печи, в углу жилищ. Лишь очаг в жилище 21 является исключением. Он представлял собой вымостку мелких расколотых и сильно обожженных камней с углями и золой. Располагается не в углу, как печи, а в 0,9 м от него и в 0,7 м от северо-восточной стены жилища. По расположению и устройству он аналогичен очагу, встреченному в полуземлянке 3 на селище Василиха в Ревячке.

Размеры жилищ первой и второй групп, как правило, небольшие: площадь двадцати пяти жилищ (46,3%) не превышает 7,2—8,8 м^2 (размеры стен 2,8Х2,6—3,2Х2,75 м), восьми—9—10,5 м^2 (размеры стен 3Х3—3Х3,5 м), девяти—11 —12,9 м^2 (размеры стен 3,45Х3,2—4,1 Х Х3,2 м) и лишь площадь жилищ 2, 5, 7, 8, 12, 13, 23 равна 14—16,8 м^2 (размеры стен 4Х3,5—4,3Х3,9 м).

Нижние венцы стен обеих групп вкапывались в землю не на одинаковую глубину. У жилищ первой группы нижние венцы тех стен, которые были обращены к вершине горы, иногда опускались в землю на 1,1 — 1,8 м, а венцы противоположных стен — не более чем на 0,1—0,15 м. Разница в глубине залегания венцов была обусловлена степенью крутизны склонов. У полуземляночных жилищ нижние венцы всех четырех стен опускались в землю. Однако и у этих жилищ венцы стен, обращенных к вершине горы, вкапывались в землю на большую глубину, чем венцы тех стен, которые были обращены к основанию. И в этом случае разница залегания венцов зависела от крутизны склонов горы. Если склоны были крутые, то венцы стен, обращенных к вершине, углублялись в землю на 1,1 —1,3 и 1,7—1,8 м, а венцы противоположных стен — на 0,5—0,6 и 0,7—0,9 м (жилища 9, 12, 15, 20—23, 43 и др.). При меньшей крутизне склонов разница в залегании венцов была меньшей, в этом случае нижние венцы стен, обращенных к вершине, углублялись на 0,4—0,5 и 0,7—0,9 м, а нижние венцы противоположных стен — на 0,3—0,4 и 0,5—0,6 м (жилища 8, 19, 29 и др.). Если же полуземляночные жилища строились на более или менее ровном месте, то разница в глубине залегания нижних венцов всех стен была незначительной (жилища 21, 25, 31, 40).

Как уже отмечалось, вскрытые на Замковой Горе жилища сходны с жилищами, встреченными на селищах Городище и Ревячка. Все они принадлежат к двум типам — наземным жилым постройкам столбовой и срубной конструкции (к этому типу принадлежат и жилища, у которых нижние венцы одной из стен находились на дневной поверхности) и полуземляночным. Наземные дома столбовой конструкции, вне всякого сомнения, ведут свое происхождение от жилищ такой же конструкции культуры штрихованной керамики. Как известно, такие жилища имели широкое распространение не только на поселениях этой культуры, но и на памятниках днепродвинской и юхновской культур. Прототипы полуземляночных жилищ следует искать в первую очередь в жилищах культуры типа Адаменского селища. Они появились здесь, несомненно, в результате проникновения на эту территорию племен — потомков этой культуры.

Глава II

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА, ХОЗЯЙСТВО И ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ. ВОПРОСЫ ДАТИРОВКИ

Огромное значение керамики в археологических исследованиях общеизвестно. Она отражает наиболее устойчивые традиции, сложившиеся в среде родственных по языку племен и передававшиеся из поколения в поколение на протяжении многих столетий. Особенности изготовления, своеобразные, присущие только данной группе родственных племен формы сосудов, их пропорции, несомненно, были связаны с этносом. Поэтому керамика является важнейшей, а иногда и определяющей чертой любой археологической культуры. Керамика — наиболее массовый материал, который встречается во время раскопок. Изучению подвергалась глиня-

ная посуда, добытая при раскопках селищ, расположенных близ деревень Ревячка, Гуры, Дедиловичи (Замковая гора), городища и селища близ д. Городище. Для сравнения привлекалась керамика из одновременных поселений и могильников Белорусского и Смоленского Поднепровья (Акатово, Ново-Быхов, Тайманово и др.), Подесенья (Кветунь, Лебяжи и др.), Верхнего и Среднего Подвинья (Михайловское, Атоки, Повалишино и др.) и бассейна Ловати (Дорохи). В основу классификации были положены целые сосуды (их 26) и многочисленные обломки. Для изучаемых памятников характерна лепная посуда. Формовались сосуды способом ленточно-кольцевого налепа. Судя по найденным обломкам от сосудов, которые разбились по линии слепа, ширина лент не превышала 4—6 см. Самый край венчиков сосудов в подавляющем большинстве округлый, меньше обломков венчиков с горизонтальными или скошенными наружу либо внутрь срезами. Днища всех сосудов плоские. В качестве сырья использовались обычные желтые глины. Большинство обломков содержит примесь дресвы.

Все сосуды гладкостенные, некоторые от выступающих наружу крупных зерен дресвы шероховаты или бугристы. У большого количества сосудов внешняя поверхность заглажена довольно тщательно. В зависимости от обработки стенок сосуды разделяются на две большие группы. В первую и наиболее многочисленную группу входят сосуды, в глиняном тесте которых довольно много крупных зерен дресвы. Обжиг сосудов этой группы средний, но встречаются сосуды и слабообожженные. Обжиг производился на костре. Много черепков пятнистых. В их изломе наблюдаются двухцветные, а иногда и трехцветные прослойки. Большинство сосудов этой группы имеет средние размеры, диаметр по верхнему краю 22—27 см, высота не превышает 27—30 см. Они, как правило, несут на себе следы нагара. В них готовилась пища. Есть также сосуды больших размеров с диаметром горловины не менее 30—37 см, высотой до 40—50 см. Они использовались в качестве тары для хранения хозяйственных запасов. Цвет сосудов не на всех поселениях одинаков. На селищах близ деревень Ревячка и Гуры много обломков желтых и коричневых или желто-коричневых, мало темно-серых или черных. На Банцеровском городище, на селищах близ деревень Городище и Дедиловичи, наоборот, большинство обломков темно-серого или черного цветов. Желтых и коричневато-желтых встречено относительно немного. Вероятнез всего, это явление хронологического порядка. Толщина стенок сосудов первой группы находится в прямой зависимости от их размеров и колеблется в пределах от 0,3—0,5 до 0,8—1 см. Встречаются и исключения: среди сосудов с диаметром горловины 25—27 см есть такие, стенки которых не превышают 0,4—0,5 см.

Во вторую группу входят обломки от сосудов более высокого качества. Они изготовлены из более плотной, лучше отмученной глины. Примесь та же — дресва, но она всегда выступает в мелких зернах и более тщательно перемешана с глиной. Есть обломки с примесью не дресвы, а песка. Поверхность стенок, как правило, хорошо заглажена. Попадаются сосуды с подлощенной поверхностью. Обжиг хороший, хотя сосуды и этой группы обжигались на костре: много обломков пятнистых, в изломе которых заметны двухцветные или трехцветные прослойки. Цвет сосудов разный: желтый, желто-коричневый, темно-серый, черный. Количество обломков от сосудов этой группы не на всех поселениях одинаково: на селищах Ревячки, Гуры их мало, здесь преобладает керамика первой группы, на селищах близ деревень Дедиловичи, Городище сосудов вто-

рой группы значительно больше. Особенно много обломков от сосудов второй группы в коллекции Банцеровского городища. Почти все они имеют темно-серый или черный цвет.

При изучении форм глиняных сосудов нами принята методика классификации керамики, разработанная И. П. Русановой. В основе этой методики лежит выяснение пропорций сосудов: соотношение высоты сосудов (Н) и высоты их небольшого расширения ($Н_1$) и соотношение диаметра горла ($Д_2$) и диаметра наибольшего расширения тулова ($Д_3$). Выяснение этих пропорций позволяет выделять типы сосудов. Помимо этого, учитываются соотношения диаметра дна ($Д_4$) и диаметра горла ($Д_2$) и соотношение диаметра ($Д_3$) и высоты наибольшего расширения ($Н_1$). По этим пропорциям выделяются виды сосудов в пределах типа. Варианты внутри видов выделяются по соотношению диаметров устья ($Д_1$ —диаметр по краю венчика) горла ($Д_2$) и наибольшего расширения тулова сосудов ($Д_3$).

Керамический материал в наших коллекциях представлен по преимуществу обломками сосудов, что затрудняет исчерпывающую классификацию посуды в целом, а при отсутствии целых сосудов того или иного типа делает ее вообще невозможной. Раздавленных, но восстановленных сосудов найдено двенадцать экземпляров: на селище Дедиловичи (Замковая Гора) —шесть (рис. 47, 1, *6, 9, 12, 13, 19),* Городище — один (рис. 47,2), Ревячка (Василиха, погребение 1) —два (рис. *47,3,21),* на Банцеровском городище (раскопки А. С. Дубинского)—три экземпляра (рис. 47,*10, 25, 26).* Не менее двенадцати сосудов этого городища в разных изданиях опубликовано А. Н. Лявданским (рис. 47, *4, 5, 7, 8, 11, 14—18, 20, 21),* фотографии двух сосудов сохранились в архиве Института истории АН БССР (рис. *47,22, 23).* Таким образом, целых и восстановленных сосудов насчитывается двадцать шесть. К сожалению, они полностью не отражают всех форм сосудов, которые, судя по обломкам, бытовали на изучаемых поселениях, хотя наиболее характерные для культуры формы они и представляют. Среди сохранившихся сосудов можно выделить шесть типов: слабопрофилированные, тюльпановидные, банковидные, ребристые, цилиндроконические и округлобокие.

Слабопрофилированные сосуды по размерам разные, среди них имеются высокие и низкие, с широким и менее широким дном. Венчик этих сосудов либо поставлен почти прямо, либо едва отогнут наружу, у некоторых сосудов он вогнут внутрь, шейка и плечики выражены очень слабо (рис. 47, *1, 2, 6, 9, 11, 14, 20).* Наибольшее расширение находится либо посередине, либо в третьей четверти тулова ($Н_1$: Н = 50—70), диаметр горла больше диаметра дна ($Д_4$: $Д_2$=55—80), диаметр наибольшего расширения тулова равен или почти равен диаметру горла либо незначительно превышает его ($Д_3$: $Д_2$=98—1,1). По некоторым особенностям слабопрофилированные сосуды можно разделить на пять видов.

Вид А — сосуды сравнительно высокие с нешироким горлом и относильно узким дном (рис. 47, *6).*

Вид Б — тоже высокие, но с широким горлом и узким дном (рис. 47, *2).*

Вид В — сосуды средней величины с нешироким горлом и широким дном (рис. 47, 11*, 14).*

Вид Г — высокие сосуды с суженным горлом, выпуклым туловом и широким дном (рис. 47,*1).*

Вид Д — приземистые сосуды с расширенным горлом и широким дном (рис. 47,9). Все эти виды сосудов почти не отличаются друг от друга.

По профилю верхней части слабопрофилированные сосуды разделяются на несколько вариантов:

1. Горшки без шейки с краем венчика, вогнутым внутрь (рис. 47, *1*).

2. Горшки с почти вертикальным венчиком, едва намеченной удлиненной шейкой и слабовыраженным опущенным плечиком (рис. 47, *2, 6, 9, 11, 20).*

3. Горшки с отогнутым венчиком и опущенным плечиком (рис. 55, *23,32).*

Обломков венчиков от аналогичных вариантов сосудов встречено довольно много. Они найдены на всех поселениях: Городище — в жилищах 1, 3, 4, 9, 12—16, 18, 19, 21, 23, 31 и 34 (рис. 47; 48; рис. 50; рис. 51 и 52) и вне жилищ (рис. 54, *39, 42);* Дедиловичи (Замковая Гора) —в жилищах 20, 23, 30, 31, 32, 37, 43 (рис. 56, *2, 4, 5, 8, 17, 20, 25, 29, 30);* Ревячка — вне жилищ (рис. 48, *14);* Гуры (рис. 39, *28, 35—37, 39—42).*

Самыми многочисленными и наиболее характерными для культуры типа верхнего слоя Банцеровского городища являются **тюльпановидные** сосуды. Формы этих сосудов сходны со слабопрофилированными, больше того, их часто трудно отличить друг от друга, среди них есть много сосудов переходного характера. Тем более трудно это сделать по обломкам венчикогз. Однако в целом у тюльпановидных сосудов по сравнению со слабопрофилированными более отчетливо выражены шейка и плечико, тулово в большей степени расширено, верхняя часть большинства сосудов сужена (есть, правда, и такие сосуды, у которых верхняя часть расширена), край венчика отогнут наружу. Сосуды высокие и низкие (рис. 47, *3—5, 7, 8, 10, 12, 13).* Основные пропорции также не отличаются от пропорций слабопрофилированных сосудов. Наибольшее расширение тулова ($Д_3$) располагается посередине или в третьей четверти тулова ($H_1 : H$ = 50—65), диаметр дна ($Д_4$) у всех сосудов меньше диаметра горла (Д : $Д_2$=1—1,05). Учитывая эти пропорции, можно выделить три вида сосудов.

Вид А — сравнительно высокие с умеренно широкими горлом и дном ($Д_1$: $Д_4$=1,4-1,6) (рис. 47, *3,4).*

Вид Б — также высокие сосуды с широким горлом и узким дном ($Д_1$: $Д_4$ =2,2) (рис. 47, 5).

Вид В — невысокие сосуды с несколько суженным горлом и сравнительно широким дном ($Д_3$: $Д_2$= 1,1) (рис. 47, *10).*

Выделенные нами сосуды, конечно, не отражают всех видов, бытовавших на изучаемых поселениях. Многочисленные обломки венчиков в составе наших коллекций, несомненно, принадлежали и к некоторым другим видам.

Тюльпановидные сосуды (целые) по профилю верхней части можно разделить на четыре варианта:

1. Горшки с чуть отогнутым венчиком, слабовыраженной шейкой и едва заметным опущенным плечиком (рис. 47, *3).*

2. Горшки с отогнутым наружу краем венчика, короткой шейкой и отчетливо выраженным, несколько приподнятым плечиком (рис. 47, *4, 7,8,10).*

3. Горшки с отогнутым венчиком, удлиненной шейкой и опущенным плечиком (рис. 47, *9, 12, 13).*

4. Горшки с отогнутым наружу венчиком, короткой шейкой и опущенным плечиком.

На эти четыре варианта мы разделили целые и восстановленные сосуды. В действительности вариантов тюльпановидных сосудов было го-

раздо больше. Судя по профилю венчиков, среди целых горшков отсутствуют варианты сосудов:

5. С суженной верхней частью, прямым вертикальным венчиком и отчетливо выраженным, иногда слегка приподнятым плечиком. Обломков таких сосудов найдено довольно много на селищах: Городище — в жилищах 2—4, 6, 7а, 8, 9, 11, 14, 17, 18, 25 (рис. 49, *11, 19, 23, 51;* рис. 50, *3, 9, 10, 12, 13, 20—23, 25, 31, 33;* рис. 51, *6, 22;* рис. 52, *9, 10) и* вне жилищ (рис. 54, *40, 41, 43, 58, 59);* Дедиловичи — в жилищах 20, 24, 34, 38, 43 (рис. 55, *25, 29;* рис. 56, *27, 28);* Ревячка — вне жилищ (рис. 48, *40, 41, 43, 47, 58, 59);* Гуры (рис. 39, *18, 22).*

6. С открытой верхней частью, отогнутым наружу венчиком, со слабовыраженными шейкой и плечиками (рис. 49, *13, 33, 47;* рис. 50, *34;* рис. 56, *22, 24).* У них диаметр устья ($Д_1$) либо больше диаметра наибольшего расширения ($Д_3$), либо равен единице ($Д_1 : Д_3=1$).

7. Среди целых сосудов отсутствуют также горшки с суженной верхней частью, но в отличие от всех остальных с выпуклым туловом, отогнутым наружу венчиком (есть сосуды с прямым вертикальным венчиком, но выпуклым туловом) и отчетливо выраженным (есть с приподнятым) плечиком. Венчиков от таких сосудов встречено много на селищах: Городище — в жилищах 2, 5, 7а, 10 и 12 (рис. 49, *10, 11, 26, 27. 31, 36, 39)* и вне жилищ (рис. 52, *39, 42);* Дедиловичи — в жилищах 34, 46 (рис. 56, *18, 32);* Гуры (39, 26, 29). Вероятнее всего, сосуды этого варианта относились не только к типу тюльпановидных, но и округлобоких.

К типу **банковидных** нами отнесены сосуды двух разновидностей: сосуды без шейки и плечика и сосуды без шейки, но с выраженным в той или иной степени плечиком. Таких сосудов в обломках встречено довольно много, хотя целых имеется лишь два (рис. 47, *19, 21)* — из погребения I в Ревячке и из Банцеровского городища. Сосуд из Ревячки характеризуется расширенным устьем, сравнительно широким дном ($Д_1 : Д_4=1,3$) и прямыми суживающимися книзу стенками. Он мисковиден: диаметр устья ($Д_1$) превышает высоту ($Д_1 : H=1,3$). Банцеровский сосуд сравнительно высокий, верхняя часть сужена, дно умеренно широкое. По профилю он сходен со слабопрофилированными сосудами, но у него иные пропорции: наибольшее расширение (H_1) находится почти в верхней (четвертой) четверти тулова ($H_1 : H = 71$). Эта черта сближает его с банковидными сосудами культуры штрихованной керамики, характеризующимися аналогичными пропорциями. Среди обломков венчиков от баночных сосудов в коллекциях имеется довольно много. Правда, отличить их от обломков венчиков других типов сосудов, в частности цилиндро-конических, довольно трудно. По профилю венчики разделяются на три варианта.

1. Сосуды с вогнутым внутрь венчиком (селище Городище — жилища 1,3; рис. 49, *4, 20;* рис. 50, *6).*

2. Сосуды с прямым вертикальным венчиком: селища Городище — жилища 15, 16 (рис. 50, *35),* Ревячка — вне жилищ (рис. 48, *46, 47),* Дедиловичи — в жилищах 30, 32, 37, 38, 43, 47 (рис. 56, *3, 9, 17, 25, 26, 34, 35, 42—44).* Такие венчики могли принадлежать не только баночным, но и цилиндроконическим сосудам.

3. Сосуды с прямым косо поставленным венчиком (рис. 50, *26).*

Эти венчики, вероятнее всего, принадлежали сосудам, аналогичным сосудам разновидности «б».

Ребристых сосудов встречено мало. Целых горшков насчитывается три (рис. 47, *16—18)* — два из Банцеровского городища и один с сели-

ща Дедиловичи. Они принадлежат к одному виду сравнительно высоких горшков с суженной верхней частью, низкой шейкой, отчетливо выраженным, несколько сглаженным ребром и умеренно расширенным дном. Внешним обликом они напоминают ребристые сосуды культуры штрихованной керамики. Более того, эти сосуды сохраняют их пропорции: наибольшее расширение тулова приходится на ребро, которое расположено в верхней (четвертой) четверти тулова (H_1 : Н = 75—76). Обломков венчиков от ребристых сосудов найдено немного: на селище Ревячка — четыре обломка (рис. 48, *39, 40, 43),* на селище Городище — один (рис. 50, *3)*.

Цилиндроконических сосудов встречено мало. Этот тип представлен двумя сосудами из Банцеровщины (рис. 47, *24, 25)* и небольшим числом обломков венчиков, найденных на селищах Городище и Дедиловичи (рис. 56, *43, 44;* рис. 50, *40;* рис. 52, *24).* В целом такие сосуды, как известно, по профилю разделяются на горшки с цилиндрической, суженной и профилированной верхней половиной. Нижняя половина этих сосудов отделена от верхней острым или заглаженным ребром. Целые сосуды из Банцеровского городища имеют профилированную верхнюю половину. Один из них относится к варианту сосудов с отогнутым наружу краем венчика, короткой шейкой и опущенным плечиком. Наибольшее расширение приходится на ребро, расположенное чуть выше середины тулова ($Н_1$: Н = 47,8). Диаметр горла ($Д_2$) меньше диаметра наибольшего расширения ($Д_2$: $Д_3$ = 83,3). Диаметр по краю венчика ($Д_1$) больше диаметра горла ($Д_1$: $Д_2$=114), диаметр дна ($Д_4$) меньше диаметра горла ($Д_4$: $Д_2$=74,3). Другой сосуд имеет в основном те же пропорции. Он по сравнению с предыдущим сосудом менее высок. У него край венчика отогнут наружу, шейка более высокая, плечико опущено, ребро выражено резко. Наибольшее расширение находится на середине тулова ($Н_1$: Н = 50). Диаметр горла ($Д_2$) и диаметр наибольшего расширения равны ($Д_2$: $Д_3$= 1).

Округлобоких сосудов найдено также мало. Сохранились фотографии двух сосудов банцеровской коллекции (рис. 47, *22, 23).* Это приземистые сосуды с выпуклыми округлыми боками и с суженной верхней частью. Они представляют два отличающиеся друг от друга характером венчика варианта со слегка отогнутым наружу и вертикальным венчиком. Основные пропорции сосудов одинаковы. Наибольшее расширение тулова приходится на третью четверть сосуда ($Н_1$: Н = 60 и 61), диаметр наибольшего расширения больше диаметра горла ($Д_3$: $Д_2$=1,2).

Особую группу сосудов представляют миски, мисковидные горшки и сковороды. Единичные обломки венчиков от мисок и мисковидных горшков найдены на селищах Городище и Дедиловичи. Один обломок сковороды встречен на селище Ревячка.

К числу единичных принадлежат два целых весьма своеобразных сосуда, найденных на Банцеровском городище. Один из них принадлежит к виду кубков с небольшим ушком, помещенным ниже края венчика (рис. 47, *15).* Аналогий этому сосуду нам неизвестно. Второй сосуд — ребристый, но своими пропорциями и видом отличается как от собственно ребристых, так и Цилиндроконических (рис. 47, *26).* Он приземистый, верхняя часть сужена, край венчика слегка отогнут наружу, ребро находится в верхней (четвертой) четверти, но наибольшее расширение округлого тулова расположено ниже ребра и приходится на середину сосуда ($Н_1$: Н = 50). Диаметр наибольшего расширения больше диаметра горла ($Д_3$: $Д_2$= 115). Близкий по форме сосуд найден в первой курганной груп-

пе (курган 4, погребение 1) могильника близ д. Дорохи Городокского района [4]. Несколько обломков венчиков от аналогичных сосудов имеется в банцеровской коллекции и в коллекции селища близ д. Городище.

Охарактеризованные типы сосудов на изучаемых поселениях в количественном отношении представлены неодинаково. Основными наиболее многочисленными (не менее 85-90%) и весьма характерными для культуры типа верхнего слоя Банцеровского городища типами являлись слабопрофилированные и тюльпановидные сосуды. Аналогичные по форме и пропорциям сосуды были распространены в пределах всего ареала культуры: в бассейне Десны и на Сейме[5], в Белорусском и Смоленском Поднепровье[6], в Верхнем Подвинье[7] и в верховьях Ловати[8]. В пределах всего ареала культуры типа верхнего слоя Банцеровского городища распространены и цилиндроконические сосуды, но их значительно меньше, чем слабопрофилированных и тюльпановидных.

Судя по сведениям И. П. Русановой, округлобокие горшки особенно многочисленны на Киевщине в Подесенье. Они пока неизвестны в Смоленском Поднепровье и в Подвинье. Сосуды, отнесенные нами к типу ребристых, отличаются от выделенных И. П. Русановой в четвертый тип также ребристых сосудов. К ребристым она относит сосуды, «близкие по форме цилиндроконическим, но они низкие, и их верхняя половина более сужена». Сохранившихся сосудов такой формы в коллекциях из изучаемых поселений нет, а по обломкам венчиков выделить их невозможно. Вероятнее всего, они бытовали на всех поселениях, но из-за отсутствия целых сосудов доказать это нельзя,. Поэтому к типу ребристых мы отнесли сосуды, у которых хотя и сглажено, но ребристое плечико. Это необходимо было сделать потому, что по основным пропорциям эти сосуды аналогичны горшкам культуры типа Корчак. На основании этого И. П. Русанова отнесла ребристый сосуд, найденный на селище Дедиловичи, к числу единичных сосудов корчакских пропорций[9]. В действительности этот сосуд, равно как и все другие сосуды с ребристым плечиком, ничего общего с корчакскими не имеет, так как его прототипом являются ребристые сосуды культуры штрихованной керамики, которые имеют аналогичные пропорции. То же самое следует сказать и о банковидных сосудах (разновидность «б»), которые, как и ребристые, сохраняют пропорции баночных сосудов эпохи раннего железа (культур днепродвинской и штрихованной керамики).

Заканчивая описание керамики, необходимо подчеркнуть, что произведенная нами классификация сосудов носит предварительный характер. Как уже отмечалось, целые и восстановленные сосуды, имеющиеся в нашем распоряжении, не отражают всех типов, бытовавших на изучаемых поселениях, а по обломкам венчиков полностью выделить их невозможно. В связи с этим в настоящее время еще нет достаточных оснований для того, чтобы произвести увязку керамических типов с жилищами и на основании этого разработать относительную и абсолютную хронологию и жилищ, и типов сосудов.

Поселения третьей четверти I тысячелетия н. э. в целом бедны находками. Тем не менее перечень предметов, встреченных на поселениях этого времени, довольно большой и разнообразный. Он дает представление о материальной культуре племен, обитавших в северной половине Белоруссии.

Железные орудия труда в целом почти не отличаются от орудий из поселений раннего железного века. Жатвенные орудия, например ножи, серпы, характеризуются теми же чертами, что и аналогичные орудия из

городищ культуры штрихованной керамики. Но наряду с ними на поселениях третьей четверти I тысячелетия н. э. бытовали и такие серпы, которых на ранних поселениях не было. Жатвенных ножей найдено семь экземпляров: на селище Гуры два обломка, на Замковой Горе один целый, в верхнем слое городища д. Городище один целый и три обломка. Как и у жатвенных ножей из ранних поселений, у них изогнута спинка и почти прямое лезвие. Черенок отогнут в сторону лезвия (рис. 39, *4;* рис. 55, 5). Размеры ножей: длина лезвия от черенка до рабочего конца (линия АВ) 12—15 см, длина сохранившихся черенков от 5—5,5 до 8—10 см, ширина клинка от 1,5 до 2 см.

Железных серпов найдено 20 экземпляров, из них одиннадцать целых и девять обломков: на селище два целых (рис. 54, *1, 2) и* три обломка; Дедиловичи — один серп с отломанным рабочим концом (рис. 55, 5); Гуры — один серп без черенка (рис. 39, *3)* и в верхнем слое городища Городище — девять целых и четыре обломка (рис. 58, *2, 3, 5—9;* рис. 57, 1, *2)*. Серпы относятся к двум отделам (по Ю. А. Краснову) [10]. К первому отделу принадлежит один серп, найденный на селище Городище. Он снабжен черенком, конец которого отогнут в сторону. Остальные серпы относятся к третьему отделу черешковых серпов. По характеру изгиба лезвия серпы этого отдела разделяются на симметричные и асимметричные. Серп первого отдела симметричен, принадлежит к первому типу так называемых скифских серпов. Длина основания лезвия (линия АВ) 15 см, длина черенка 6,5 см, ширина клинка 2,3 см. Он сравнительно сильно изогнут: линия СД (высота дуги) составляет 1/4 длины линии АВ, угол резания не менее 30—35. Этот тип серпа в третьей четверти I тысячелетия н. э. распространен в Подесенье и на юге Верхнего Поднепровья. Оттуда он и ведет свое происхождение.

Отдел черешковых серпов разделяется на IV, V и VII типы (по Ю. А. Краснову). В состав IV типа входят пять целых серпов. Они симметричны. Одни из них более, другие менее изогнуты. Длина основания их лезвия (линия АВ) колеблется от 12 до 15 см, длина черенка у четырех серпов 5,9—7,7 см, а у одного он необычно длинный —12 см, ширина клинка от 2,2 до 2,8 см, высота дуги лезвия (СД) колеблется в пределах от 1,5 до 2,7 см, у трех серпов она (СД) составляет 1/7 и у двух— 1/5 длины их основания (АВ). Угол резания этих серпов равен 18—45°. Необходимо отметить, что серпы типа IV, найденные на поселениях третьей четверти I тысячелетия н. э., отличаются от ранних серпов большей длиной основания и соотношением высоты дуги (СД) и длины основания (АВ), хотя и сохраняют формы ранних. Следовательно, рабочее качество этих серпов более высокое. На ранних городищах (Лабенщина) встречено лишь два серпа с аналогичными показателями. Они, по-видимому, относятся к V в. н.э.

Тип V представляют два серпа, найденных, на селищах Дедиловичи и Городище. Рабочие концы обоих отломаны, поэтому о размерах и пропорциях их сказать ничего нельзя. Важно лишь отметить, что эти серпы по сравнению с ранними серпами более производительны (не случайно эти серпы стали прототипом серпов XI—XIII вв.) и свое происхождение ведут с юга (Подесенье, южная часть Верхнего Поднепровья).

К типу VII относятся два серпа, обнаруженные на селище и городище близ д. Городище. Они асимметричны. Лезвие одного серпа сильно изношено, поэтому о его размерах можно судить лишь предположительно. Длина основания лезвия равна 9 см, высота дуги лезвия приблизительно 1,3—1,4 см, ширина клинка также приблизительно 1 —1,2 см.

О соотношении длины основания лезвия (АВ) и его высоты из-за изношенности лезвия сказать что-либо трудно. Второй серп сохранился хорошо (рис. 54, 2). Вершина его дуги сдвинута в сторону рабочего конца. Длина основания лезвия равна 11 см. Он слабо изогнут: высота дуги лезвия (СД) равна 2 см и составляет лишь 1/5 длины основания лезвия[11]. Этот тип серпов находит себе аналогии в древностях главным образом латгалов. Распространен он также в Литве и Эстонии.

Таким образом, в третьей четверти I тысячелетия н. э. в Средней Белоруссии бытовали разные типы серпов. Большая их часть сохраняет формы ранних серпов культуры штрихованной керамики (тип IV), меньшая ведет свое происхождение либо от серпов, распространенных в Подесенье и южной части Верхнего Поднепровья (тип V), либо от серпов, характерных для культур латгалов и других племен Прибалтики.

На втором месте в количественном отношении стоят железные ножи. Всего их найдено 14 экземпляров. Из этого количества три целых ножа найдено на селище близ хутора Гуры (рис. 39, *5),* пять целых и один обломок на селище близ д. Городище (рис. 49, *14, 16, 30),* один целый на городище около этой же деревни и один целый и два обломка на селище Василиха близ д. Ревячка (рис. 35, *3, 7).* Они разделяются на несколько типов.

К первому типу относятся архаичные ножи с изогнутой спинкой. Степень изогнутости спинки неодинакова. На селище близ д. Городище лишь один нож из пяти имеет сильно изогнутую спинку и выпуклое лезвие, а у остальных спинки изогнуты слабо. Нож со слегка изогнутой спинкой и выпуклым острием, найденный в жилище 28 на селище Городище, имеет необычно малые размеры. Его общая длина не превышает 7,5 см (в том числе длина черенка 3 см), ширина лезвия 1,2 см. Аналогичные по размерам ножи встречены на памятниках Латвии. В. Я. Дэрумс, занимающийся историей болезней, полагает, что такие миниатюрные ножи использовались древними хирургами в качестве скальпелей [12]. Остальные ножи этого типа имеют значительно большие размеры. Самые меньшие из них в длину достигают 10,5—11,5 см (в том числе на длину черенка приходится 4—5 см), ширина лезвия 1,9 см, а самые большие 17—18 см (в том числе длина черенка 4—6 см), ширина лезвия 1,3—1,4 и 2—2,2 см. У некоторых ножей лезвие сильно изношено.

Ко второму типу относятся ножи с прямой спинкой. Их насчитывается четыре экземпляра целых и не менее пяти мелких обломков. Как и у предыдущих, у ножей типа при переходе спинки и лезвия в черенок уступов нет. Лишь один нож, найденный на селище близ д. Городище, имеет небольшие уступы (рис. 49,50). Размеры ножей этого типа неодинаковы: минимальная длина 10—11 см (на черенок приходится 4—6 см) при ширине лезвия 1,8—2 см, максимальная 17—17,5 см при ширине лезвия до 1,5—2 см. Подобные ножи распространены повсеместно.

К третьему типу относится один обоюдоострый нож, найденный на селище близ д. Ревячка (рис. 35, *5).* Он сильно фрагментирован: уцелела лишь часть лезвия длиной в 5,2 см. Вполне возможно, что этот нож использовался в качестве боевого холодного оружия.

Особый интерес представляют ножи четвертого типа (рис. 52, *17;* рис. 35, *1, 2).* Они снабжены цельнометаллической рукоятью, верхняя часть которой заканчивается двумя спиралевидными (валютообразными) завитками. Рукоять одного ножа (селище Василиха близ д. Ревячка} снабжена не спиралевидными, а эсовидными завитками. Между завитками имеется ромбовидная прорезь (рис. 35, *1).* Всего ножей четвертого

типа на территории Белоруссии известно пять экземпляров: два найдены на селище близ д. Ревячка и по одному на селищах близ д. Городище, в Тайманово (раскопки Л. Д. Поболя) и Лукомле (раскопки Г. В. Штыхова). Размеры: самый крупный нож, найденный на селище близ д. Ревячка, достигает в длину 12,5 см (на рукоять приходится 6 см), ширина лезвия 1,3 см, ширина рукояти 1,5 см, толщина 0,4 см. Второй нож (селище близ д. Городище) в длину достигает 9 см (в том числе длина рукояти 5 см), ширина лезвия 1,5 см, ширина рукояти 1,5 см, толщина 0,35 см. Остальные ножи имеют примерно такие же размеры. Ножами такого типа специально занимался польский археолог В. Шиманский [13]. Он отмечает, что ножи с волютообразными, спиралевидными завитками на рукояти встречены на ряде раннесредневековых поселений Польши (Бискупинское городище, Бониково и др.), которые датируются VII—VIII вв. до XI в. Аналогичные ножи встречались в позднеаварских погребениях в Польше, Австрии и Венгрии. Самый ранний экземпляр такого ножа обнаружен в погребении 64 Гледзянувского могильника с трупосожжением, повет Ленчица. Погребение это датируется рубежом нашей эры. Позднеаварские погребения в Венгрии датируются VII—IX вв. Один нож найден в могильнике (погребение 202) Циллинтале в Австрии (конец VIII—IX в. н.э.). В Восточной Европе подобные ножи известны в Молдавии и на Украине. Они найдены на Новотроицком городище (IX в.)[14], на селище Алчедар III (VI—IX вв.) и Бранешти I (VII—X вв.) и на Плисненском городище (VII—VIII вв.).

Таким образом, хронологические рамки цельнометаллических ножей растянуты от рубежа нашей эры до X—XIII вв. Однако большая их часть (7 экземпляров из И) датируется либо VI—IX вв., либо VIII—IX вв. Следовательно, они были особенно характерны именно для третьей четверти I тысячелетия н. э. В. Шиманский полагает, что ножи со спиралевидными завитками бытовали в районах плотного или рассеянного чуждыми (авары, балты) этническими группами славянского расселения (средний Дунай, Висла, верховье Буга, Днестр, Днепр). Он считает также, что эти ножи имели культовое назначение и обладание ими являлось привилегией зажиточной части населения: встречаются они *в* погребениях с богатым инвентарем.

Более короткий хронологический период бытовали простые по устройству железные шпоры. Все они имеют вид небольшой дуги, вершина которой снабжена шипом, а концы — крючкообразными, отогнутыми наружу зацепами. Изготовлены шпоры из железного стержня, имеющего плоско-выпуклое поперечное сечение. Всего их найдено пять экземпляров (четыре целых и одна половинка с сохранившимся шипом): два на селище близ д. Городище и три на городище (верхний слой), расположенном около этой же деревни (рис. 54, *6;* рис. 58, *27—29;* рис. 52, *19).* Размеры железных шпор следующие: у двух шпор, найденных на селище близ д. Городище, расстояние между концами дуги 5,5 и 7 см, глубина дуги 2,25 м 3 см, длина шипа 1,05 и 1,2 см. Размеры трех шпор, обнаруженных на городище Городище, несколько иные: расстояние между концами дуги 4,9; 6 и 6,2 см, глубина дуги 1,8; 2,5 и 3,5 см, длина шипа 0,75 и 1,7 см. Аналогичные по форме и размерам шпоры встречаются в памятниках Центральной и Восточной Европы (в Польше, на Смоленщине, в Литве, Латвии, Пруссии). Так, совершенно аналогичная (и по форме, и по размерам) железная шпора с отогнутыми наружу крючкообразными зацепами найдена на раннесредневековом славянском поселении близ д. Волоевица Грубешовского повета в Польше [15]. А. Узоровичева пока-

зала, что наибольшее сходство с такими шпорами имеют раннесредневековые образцы, найденные на поселении VI—VII вв. н. э. в Вильнюсе и в курганном могильнике VI—VII вв. н. э. (курган 2) близ д. Богатой — Литовская ССР, Варенский район. Комплекс вещей, вместе с которыми найдена шпора, относится к культуре восточнолитовских курганов и датируется VI—VII вв. н. э. Как полагает А. Узоровичева, к славянам такие шпоры проникли в результате контактов надбужского населения с балтскими племенами Понеманья [16].

К числу многочисленных изделий относятся железные шилья. Всего их найдено 24 экземпляра: на селище близ д. Городище встречено семь целых и семь обломков (рис. 51, *1, 14, 15;* рис. 54, *3, 5, 8, 10),* на селище близ д. Ревячка один целый (рис. 35, *8),* на городище близ д. Городище (верхний слой) три целых и шесть обломков (рис. 58, *11—13, 15—18).* Все шилья изготовлены из круглого в поперечном сечении железного стержня и снабжены заостренной рабочей частью и черенком, как правило, прямоугольного поперечного сечения. Размеры шильев неодинаковы: их длина колеблется от 8,5 до 19,5 см. На длину черенка приходится от 3 до 6 см. Шилья, обнаруженные на изучаемых поселениях, ни своей формой, ни размерами не отличаются от таких же изделий, найденных как в ранних, так и в одновременных поселениях других территорий. На городище (верхний слой) и на селище близ д. Городище встречены три экземпляра (два на селище и один на городище) шилообразных железных стержней, назначение которых определить очень трудно (рис. 58, *11;* рис. 57, 7). От обычных шильев они отличаются тем, что противоположный рабочему конец снабжен не черенком, а небольшой в плане трапециевидной лопаточкой. Размеры изделий неодинаковы: длина 6,6; 8,9 и 14,5 см, длина лопаточек 1,5; 1,7 и 2 см, ширина 1,3 и 2 см. Аналогий этим изделиям известно очень мало: один экземпляр найден Л. Д. Поболем на селище близ д. Нижняя Тощица. Назначение этих шилообразных железных стержней осталось невыясненным.

К числу редких находок относятся железные фибулы. Их найдено всего четыре экземпляра: по одному на селищах близ деревень Ревячка, Городище жилище 27 (рис. 52, *13)* и Гуры (рис. 39, *1).* От четвертого экземпляра на городище близ д. Городище найден язычок. Тип фибул различный: две фибулы, найденные на селищах близ деревень Ревячка и Городище, относятся к подковообразному типу, а третья, из Гурок,— к типу арбалетных. Подковообразная фибула из Городища изготовлена из круглого в сечении стержня, а из Ревячки — из прямоугольного. Она поздняя (XI—XII вв.).

Как известно, подковообразные фибулы имели широкое распространение у племен, заселявших территорию Латвии, Литвы, Эстонии. Много их найдено также в Пруссии. Они характерны как для балтоязычного, так и финноязычного населения. В Прибалтике фибулы отличаются большим разнообразием: встречаются железные и бронзовые, дуги которых имеют самое различное сечение — квадратное и круглое, плосковыпуклое и треугольное. Размеры фибул также неодинаковы — найдены миниатюрные и с диаметром 10 и более сантиметров. Концы подковообразных фибул чаще всего отогнуты в сторону, т. е. поставлены перпендикулярно плоскости дуги, большая их часть расплющена и свернута на 1—1,5 оборота в спираль. Важно подчеркнуть, что простые по своей конструкции подковообразные, подобные городищенской, фибулы встречены в древностях VI—IX вв. куршей. Вероятнее всего, к третьей четверти I тысячелетия н. э. следует отнести и наши подковообразные фибулы.

Более точную датировку имеют арбалетные фибулы, найденные в насыпи одного из курганов на селище близ хутора Гуры. Эта фибула довольно сильно профилирована: полуовальная в сечении дуга имеет симметричный изгиб. Общая длина фибулы 6,2 см, наибольшая толщина дуги находится в верхней ее части: здесь она равна 0,7 см, около тетивы (т. е. ближе к головке) 0,4 см. Расстояние между иглой (если она помещена в приемник) и вершиной дуги достигает 2 см. Верхняя часть дуги снабжена треугольным щитком. Приемник и дуга спаяны друг с другом: видимо, дуга и приемник изготавливались как одна часть. Известно, что по форме и структуре ножки исследователи разделяют арбалетные фибулы на несколько разновидностей. Выделяют арбалетные фибулы: с подвязанной ножкой (это простые элементарные арбалетные фибулы), с подогнутой ножкой, с треугольной ножкой. Важно отметить, что почти все разновидности арбалетных фибул датируются V—VI вв. Наиболее близкая аналогия нашей фибуле имеется в древностях Литвы [17].

Очень редкая для изучаемого времени находка — железные топоры. Целые топоры встречаются как исключение. За все время раскопок культуры найдено только два целых топора: один экземпляр обнаружен К. П. Шутом на городище (средний слой) близ д. Кострица Чашникского района Витебской области и один в верхнем слое городища близ д. Городище. Обломки топоров встречаются значительно чаще. Целые топоры различаются двух типов. К первому типу относится узколезвийный топор с проушиной, ко второму — долотовидный топор-кельт (рис. 58, *1)*, найденный на городище близ д. Городище (верхний слой). Хорошо известно, что оба типа топоров широко распространены на территории Прибалтики — в Пруссии, Литве и Латвии. Каждый имеет свой ареал: втульчатые топоры-кельты встречаются в северной части Прибалтики, поэтому исследователи называют их североприбалтийскими, а узколезвийные топоры с проушиной — на юге Прибалтики и называются южноприбалтийскими. Топоры южноприбалтийского типа исследователи обычно разделяют на ранние и поздние: у ранних топоров проушина круглая или яйцевидная, у поздних — овальная или треугольная. Топор из Кострицы относится к поздним вариантам. Его общая длина 17,8 см, проушина по длинной оси 4,1 см, по короткой 3 см, ширина лезвия 7,3 см. Аналогичные по форме проушины и по размерам топоры особенно часто встречаются в памятниках V—VIII вв. южной Латвии, оставленных латгальскими племенами [18].

Из предметов вооружения найден лишь один наконечник копья — (селище близ д. Городище, жилище 28). Верхний конец пера длиною не свыше 2—3 см отломан (рис. 52, *16)*. Общая длина наконечника 23—24 см, на длину втулки приходится 11,7 см, круглая в поперечном сечении втулка в диаметре достигает 4,2 см. Перо копья, по длине равное 12,3 см, имеет максимальное расширение в нижней части. Оно равно 4,5 см. Из приведенных данных видно, что наконечник копья, найденный на селище близ д. Городище, относится к типу копий с весьма характерными пропорциями: длина их пера либо равняется длине втулки, либо незначительно превышает ее. Аналогичные наконечники копий обнаружены в составе древностей земгалов и латгалов в Латвии, а также, вероятно, куршей Литвы [19].

Такие же по размерам и пропорциям наконечники копий известны на территории западнобалтских земель. Один экземпляр такого копья найден на поселении Осова повета Сувалки в Польше. Этот памятник датируется последней четвертью IV в. н. э.[20]

В третьей четверти I тысячелетия н. э. продолжали бытовать посоховидные булавки. Одна булавка найдена на селище близ д. Городище. Она фрагментирована.

На селище близ д. Городище встречена железная игла, не отличающаяся от иголок, найденных на ранних поселениях культуры штрихованной керамики. Она изготовлена из круглого в поперечном сечении стержня, толщина которого 0,3—0,4 см. Размеры этой иглы по сравнению с ранними меньше: ее длина равняется 7,9 см.

К предметам снаряжения относятся железные удила. В поселениях третьей четверти I тысячелетия н. э. они встречаются очень редко. Известна лишь одна половина двучленных удил, она найдена в верхнем слое Банцеровского городища. В памятниках раннего железного века удил не встречено совсем. По-видимому, лошадь в раннем железном веке как тягловая сила или для езды верхом еще не использовалась, а была убойным животным. Аналогичные двучленные удила распространены широко. Находят удила вместе с другим снаряжением: со шпорами (некоторые формы шпор аналогичны нашим), стременами, частями уздечки, пряжками. Особенно часто двучленные удила встречаются в восточнолитовских курганах, относящихся, по мнению А. 3. Таутавичуса, ко второй хронологической группе, т. е. к V—VIII вв.[21] Эти изделия нередко обнаруживают в составе погребального инвентаря могильников, расположенных на севере Литвы, в районе литовского взморья. Они найдены в погребении могильника 48 в Рекятке Кретингского района Литовской ССР. В целом этот могильник датируется III—VII вв.[22]

К изделиям, не поддающимся датировке, относится сплошное железное кольцо, найденное на селище близ д. Городище. Оно изготовлено из круглого в поперечном сечении железного стержня. Диаметр его 2,8 см, толщина 0,3 см. Трудно определить назначение изделия. Связывать его с принадлежностью уздечки из-за малых размеров нельзя. Определенный интерес представляет изделие в виде железного пинцета. Оно найдено на селище близ д. Ревячка. Его длина (в согнутом состоянии) 8,6 см, максимальная ширина на концах 1,6 см, минимальная 1,1 см, толщина пластины 0,25 см (рис. 35, *6).* На селище близ д. Городище в жилище 16 найден обломок железной косы-горбуши (рис. 50, *44).* От нее уцелел конец длиною 9 см. Ширина лезвия 5,5 см. Найденный экземпляр косы-горбуши — первая находка на территории Белоруссии. Бронзовых украшений встречено мало, хотя бронзолитейное производство как отрасль домашнего ремесла стояло на довольно высоком уровне. Обломки тиглей встречены почти в каждом жилище. Плавка бронзы и отливка бронзовых украшений производилась в жилых помещениях. По-видимому, специальных мастерских в третьей четверти I тысячелетия н. э. еще не было. Изготовлением бронзовых украшений, очевидно, занималась каждая отдельная семья. В коллекцию входят браслеты, колокольчик, трапециевидные подвески, кольца, спиральки и обломки каких-то украшений.

Бронзовых браслетов встречено шесть экземпляров: один найден на городище близ д. Банцеровщина (верхний слой), четыре на селище близ д. Городище и один на селище близ д. Ревячка. Особый интерес представляют браслеты с расширенными и утолщенными концами. У браслета из Банцеровщины концы сильно расширены, имеют эллипсоидное поперечное сечение, сам браслет в поперечном сечении овальный, орнаментирован продольными, а концы поперечными поясками с точками, насечками и заштрихованными треугольниками[23]. Аналогичные браслеты

можно найти в древностях VII—IX вв. в Литве[24]. Браслет из Городища в поперечном сечении плоско-выпуклый, утолщенные концы в сечении круглые (рис. 51, *27)*. Распространены на широкой территории, но особенно характерны для древностей Прибалтики. Большинство исследователей датируют этот тип браслетов V—VIII вв. н. э.[25]

Иной характер имеют браслеты, найденные на селищах близ деревень Городище и Ревячка. Первый из них (городищенский) относится к типу простых пластинчатых браслетов (рис. 58, *22)*. Ширина бронзовой пластины, из которой изготовлены оба браслета, не превышает 0,6 см. Аналогичные пластинчатые браслеты бытовали в Латвии и Эстонии [26]. М. X. Шмидехельм, датируя их V—VI вв., полагает, что такие миниатюрные браслеты носились как по одному на руке, так и группами по 5—6 штук[27]. Браслеты с ровными концами в двух экземплярах найдены на селище близ д. Городище (жилища 34, 36). Один из них (диаметр 5,4 см) изготовлен из круглого (рис. 53, *18)*, а другой (диаметр 5,7 см) — из квадратного в поперечном сечении стержня (рис. 53, *27)*. Первый достигает 0,6, второй — 0,5 см толщины. Оба браслета гладкие, не орнаментированы. Наряду с браслетами с утолщенными концами такие браслеты найдены в могильнике (погребение 39) Рудайчай в районе литовского взморья, а также в могильнике Ябара в Эстонии. Погребение 39 М. Михельбертас датирует V—VI вв., а могильник Е в Ябара М. X. Шмидехельм относит к III—VI вв.[28] Более конкретно датируется бронзовый миниатюрный колокольчик (рис. 56, 35). Он найден в жилище 47 на селище близ д. Дедиловичи. Высота колокольчика равна 1 см, диаметр максимально расширенной (нижней) части 1,6 см. На вершине колокольчика имеется сквозное отверстие, через которое внутрь пропущена петелька для «язычка». Последний утрачен. Аналогичные колокольчики являются специфически латгальскими изделиями и бытовали на землях этих племен в VII—VIII вв. Они использовались не по одному, а группами от 3—5 штук в каждой до нескольких десятков. Употреблялись колокольчики вместе с другими компонентами (лунницами, колесиками, цепочками, спиралями и т. п.) как составная часть какого-либо многочленного украшения. Иногда миниатюрные колокольчики прикреплялись к верхней части спиральных довольно массивных наручных браслетов (они носились выше локтя, на плечевой части руки) [29].

Кроме колокольчиков, к числу украшений, весьма характерных для латгальских племен, относятся бронзовые трапециевидные подвески. Этих изделий при раскопках поселений третьей четверти I тысячелетия н. э. найдено четыре экземпляра: три на селище Городище (рис. 52; *21)* и одно на селище близ д. Дедиловичи (рис. 55, *11)*. Все они изготовлены из бронзовой пластины, толщина которой не превышает 0,7—1 мм. Одна подвеска орнаментирована поясками из точек вдоль основания и боковых сторон. Трапециевидные подвески разделяются на ранние и поздние. Ранние меньше по размерам, их верхняя часть более широкая, а у поздних узкая. Форма поздних иногда приближается к треугольной (селище Замковая Гора). Трапециевидные подвески были широко распространены в Прибалтике. Как и колокольчики, они носились с другими компонентами сложного укращения группами. Интересно, что у латгалов трапециевидные подвески использовались вместе с другими элементами (спиральками, цепочками, разнообразными бляшками и т. п.) не только в женских, но и в мужских украшениях. Довольно много трапециевидных подвесок встречено в смоленско-полоцкой группе удлиненных курганов. Известно, что эта группа датируется VIII—IX вв.

Бронзовых колец найдено три экземпляра: два на селище близ д. Городище (рис. 49, *32),* одно на селище близ д. Дедиловичи (рис. 55, *14).* Использовались они, по-видимому, для ношения на пальцах рук, их диаметр не превышает 2—2,3 см.

В верхнем слое городища близ д. Городище обнаружена своеобразная бронзовая бляха в виде диска диаметром 9,8 см, вероятнее всего, фибула (рис. 58, *30). С* нижней стороны края фибулы отогнуты на 0,3 см. Бляха прикреплялась к одежде петлями, одна из которых припаяна наглухо, у другой один конец не припаян и несколько отходит от диска, игла не сохранилась. С внешней стороны в центре имеется стерженек (высота 3 см) с розетковидной головкой. Аналогичные фибулы встречены в древностях латгалов и земгалов (исторический музей в Риге). В коллекции бронзовых изделий, найденных на селище близ д. Городище, несколько обломков какого-то ажурного украшения, аналогия которому имеется в древностях могильника Рудайчай I Литовской ССР [30].

К числу очень редких находок относятся два обломка серебряных гривен, встреченных на селище Городище (рис. 52, *12;* рис. 54, *9).* Они происходят от шейных гривен, аналогии которым имеются в латгальских древностях. Там гривны различаются по материалу (бронзовые, серебряные, с выемчатой эмалью на концах и т. д.), по форме (с коническими концами, завязанными концами и т. п.) и по орнаментации (ложновитые, с намотанной на стержень проволокой, с разнообразными по форме выемками на стержне и т. п.). На концах гривны, как правило, имеют утолщение. По характеру и расположению выемок самые близкие аналогии нашим дают латгальские гривны, относящиеся к V—VIII вв.[31]

В качестве сырья для изготовления украшений использовалась не только бронза и серебро, но и другие цветные металлы, в частности олово и свинец. Готовые изделия из этих металлов не сохраняются. Лишь на селище близ Некасецка найдена оловянная (может быть, свинцовая) блесна с железным рыболовным крючком. На этом же поселении найдена глиняная льячка, внутри которой сохранились остатки этого металла. Две льячки найдены на селище близ д. Городище (рис. 50, 7; рис. 52, *33).* В литературе распространено мнение, что льячки якобы употреблялись в качестве ложечек, при помощи которых разливалась расплавленная бронза по формам [32]. Это ошибочное мнение. Если бы это было так, то внутри льячек обязательно сохранились бы остатки бронзы. Ни одного такого случая неизвестно. Они выполняли, по-видимому, одинаковую с тиглями функцию с той лишь разницей, что в тиглях плавилась бронза, а в льячках — легкоплавкие металлы, олово или свинец. Как уже отмечалось, льячка с остатками олова или свинца и блесна, изготовленная из этого металла, найдены на селище близ Некасецка.

Костяных изделий встречено мало: две булавки на городище близ д. Городище (рис. 57, *15, 17).* По форме они одинаковы, их верхняя часть в поперечном сечении эллипсовидная, нижняя — круглая и заостренная. Длина одной булавки 15,6 см, ширина верхней части 1,3 см, другой соответственно 10,7 и 0,7 см. Они, несомненно, относятся к раннему слою культуры штрихованной керамики.

Довольно многочисленны глиняные пряслица. Их найдено: на селище близ д. Городище 68 штук (целых 54) (рис. 49, *2, 5—7, 42—44;* рис. 50, 2, 18, 19; рис. 51, *3—5, 23, 29, 38, 39;* рис. 52, *6, 7, 15, 26, 34—37;* рис. 53, 1, 2, 5—*7, 19, 22, 26;* рис. 54, *11—29);* на селище Замковая Гора близ д. Дедиловичи 15 (целых 11) (рис. 55, *2, 3, 6, 7, 9, 12, 13, 17, 19, 21, 22, 27, 33)*; на городище близ д. Городище 6 (целых 4) (рис. 57, *19—24);* на селище

близ д. Ревячка 5 (целых 2); на селище близ хутора Гуры 12 штук (рис. 39, *9—17)*. Всего на изучаемых поселениях найдено 99 экземпляров глиняных пряслиц — 76 целых и 23 в обломках. Все они имеют вид небольшого кружка с относительно большим отверстием в центре. Подавляющая часть найденных пряслиц биконической формы. Боковые грани выражены отчетливо, у многих они как бы оттянуты. Характерной особенностью биконических пряслиц является то, что у них необычно большой диаметр отверстия в центре: у ранних отверстие не превышало 0,7—0,9 см, а у этих колеблется в пределах от 1 до 1,4—1,6 см. Диаметр самих пряслиц от 2,4—2,8 до 3,1—3,5 см. Высота всех пряслиц колеблется в пределах от 1—1,2 до 1,6 см. Есть все основания полагать, что прототипом биконических пряслиц являлись пряслица, встреченные на поселениях культуры штрихованной керамики и на селищах культуры типа Адаменского селища. Характерной особенностью биконических пряслиц из поселений этих культур является то, что верхняя их сторона (часто обе стороны) в большей или меньшей степени вогнута. Эта черта перешла и на пряслица третьей четверти I тысячелетия н. э. Не случайно не менее 35% пряслиц этого времени имеют вогнутость с одной или двух сторон. Орнаментированные пряслица встречаются как исключение. Одно пряслице с точечным орнаментом найдено на селище близ д. Городище (рис. 50, 43) и два на селище близ хутора Гуры (рис. 39, *11, 12)*. Первое украшено по боковым сторонам геометрическими фигурами (треугольники, ромб), образованными точками, а два других несут на себе орнамент из беспорядочных точек на боковой верхних (одно) и верхних сторонах. Пряслице из Гур, кроме того, орнаментировано зигзагообразной линией на боковой стороне.

Рассмотрев вещевой материал, мы можем сделать вывод, что к числу наиболее ранних предметов относится арбалетная фибула с треугольным щитком на приемнике, найденная на селище близ хутора Гуры. Она датирует поселение V—VI вв. Эта дата подтверждается находками обломков сосудов с прочесами (IV в.), а также тем, что в керамическом материале этого поселения много обломков от штрихованных сосудов и обломков венчиков от сосудов днепродвинской культуры. К этому времени, вероятнее всего, относилось и селище близ д. Ревячка, в составе керамического материала которого также много обломков от сосудов с прочесами и от штрихованных. Селище Дедиловичи, верхний слой городища Городище и одноименное селище комплексом вещей (топоры, копья, шпоры, браслеты с утолщенными концами, колокольчик, серпы, подковообразные фибулы и т. п.) можно датировать VII—VIII вв. Верхний слой Банцеровского городища, вероятнее всего, относится к VIII в., не ранее. Эта датировка подтверждается находкой браслета с расширенными концами, а также тем, что глиняные сосуды этого поселения отличаются большим разнообразием, некоторые из них характеризуются весьма развитыми формами (округлобокие сосуды с отогнутым краем венчика).

Для исчерпывающей характеристики хозяйства племен культуры типа верхнего слоя Банцеровского городища нет достаточных данных. Однако и имеющийся материал позволяет сделать вывод о том, что племена этой культуры по сравнению с населением предшествующей поры стояли на более высокой ступени развития хозяйства. Подсечное земледелие хотя и продолжало господствовать, но его роль несравненно увеличилась. Косвенно об этом свидетельствуют прежде всего большие размеры поселений, достигающие 1—2, а иногда 5—6 и более га. На таких поселениях проживали многочисленные группы населения, содержание

которых требовало большого количества продуктов, и в первую очередь продуктов земледелия. Об этом же говорят и более производительные по сравнению с ранними орудиями труда топоры и серпы. Растущее количество зерна вызывало потребность в более совершенных орудиях переработки. Поэтому не случайно нижние камни зернотерок, встреченные в верхнем слое городища-убежища близ д. Городище, существенными чертами отличались от ранних зернотерок: они имели правильную удлиненную форму, были массивны и обработаны тщательно. Найдено три целых и один обломок (рис. 57, *26—29)*. Изготовлены из гранитных валунов серого цвета. Размеры трех сохранившихся камней почти одинаковы: в длину достигают 0,55; 0,6 и 0,65 м, в ширину 0,35; 0,35 и 0,5 м, в высоту 0,25; 0,3 и 0,3 м. Верхняя рабочая плоскость одного нижнего камня от длительного употребления сильно сработана, благодаря чему он приобрел корытообразные очертания. Верхних камней от зернотерок найдено 4 штуки. Два из них обнаружены вместе с нижними камнями на краю хозяйственной ямы, расположенной в южной половине раскопанного участка. Размеры одного верхнего камня (по ширине) точно соответствуют размерам сильно сработанной плоскости нижнего камня, изображенного на рис. 57, *26.* В это же время появились и жернова, о чем свидетельствует находка нижнего жернового камня в жилище 16 на селище Дедиловичи.

Состав культивируемых земледельческих растений, по-видимому, оставался прежним. Как уже отмечалось, основная масса культурных растений — пшеница, просо, горох, конские (полевые) бобы и вика — была найдена в верхних слоях Банцеровского городища. Есть все основания полагать, что к концу существования культуры (VIII—IX вв.) ассортимент высеваемых культур увеличился. Вероятнее всего, в это время уже культивировалась рожь. Об этом говорит факт нахождения зерен этой культуры на городище Свила I в Глубокском районе. Оно датируется IX в. Вместе с вещами, относящимися к культуре длинных курганов (наконечники стрел, височные кольца, обломки и целые сосуды культуры длинных курганов), здесь найдены глиняные пряслица с большим отверстием в центре и обломки венчиков от сосудов (слабопрофилированных и тюльпановидных) культуры типа верхнего слоя Банцеровщины. На поселениях Смоленщины (Демидовка, Близнаки), имеющих такую же, как и в одновременных поселениях Белоруссии, культуру, найдены зерна ячменя и овса. Можно полагать, что эги культуры высевало и родственное во всех отношениях население, проживавшее в более западных районах. В южной части ареала культуры, возможно, зарождалось пашенное земледелие с применением пашенных деревянных орудий без железных наконечников. Рало, найденное в торфянике около д. Каплановичи Клецкого района, вероятнее всего, относилось не к зарубинецкой культуре, как полагают некоторые исследователи, а именно к этому времени.

Для определения роли скотоводства в хозяйстве племен в нашем распоряжении также нет достаточного материала. Кости животных в культурном слое изучаемых поселений почти не сохранились, поэтому сказать о том, каков был удельный вес того или иного вида домашнего животного в составе стада, определенно ничего нельзя. Единичные обломки костей домашних животных, по определению В. В. Щегловой, принадлежали быку, овце, лошади и свинье. По наблюдению Е. А. Шмидта, на поселениях Смоленщины третьей четверти I тысячелетия н. э. по сравнению с предшествующей эпохой произошло абсолютное увеличение поголовья

скота, но вместе с этим удельный вес лошади в составе стада значительно уменьшился. Вероятно, лошадь содержалась не только с целью получения мяса, как это было в раннюю пору железного века, но и для верховой езды воинов-всадников. Находки удил, шпор и колец от узды на поселениях Белоруссии и Смоленщины, где, кроме того, встречены и стремена, убедительное тому подтверждение. Этим же следует объяснить и тот факт, что в составе костей домашних животных банцеровского городища отсутствуют кости лошади.

Охота и рыболовство как отрасли хозяйственной деятельности населения в третьей четверти I тысячелетия н. э. хотя и продолжали существовать, но играли вспомогательную роль и были лишь дополнительным источником существования населения. Судя по определенным В. В. Щегловой единичным костям, объектом охоты были лось, медведь, заяц и кабан. На селище близ Некасецка найдена блесна с железным крючком. Костей рыб и рыбьей чешуи не встречено.

Хозяйство племен изучаемой культуры в третьей четверти I тысячелетия н. э. продолжало оставаться натуральным. Широкой торговли и развитого межплеменного обмена в это время еще не было. Каждая община обеспечивала свои потребности в орудиях труда, предметах быта и туалета за счет продукции, производимой местными мастерами-общинниками. Поэтому на каждом поселении были развиты разнообразные отрасли домашнего ремесла: добыча и обработка железа, бронзолитейное дело, гончарное производство, прядение, ткачество, обработка дерева.

Среди всех отраслей домашнего ремесла особое место принадлежало добыче и обработке железа. На каждом поселении, подвергавшемся изучению, обнаружены обломки печей-домниц, железные шлаки, крицы и куски болотной руды. Способы добычи и обработки железа оставались прежними. Печи-домницы располагались на окраинах поселков. Разделения труда между кричником и кузнецом не было, и добыча, и обработка железа находились в руках одного лица. Однако кричники-кузнецы внутри общины представляли обособленную группу людей, так как процесс добычи и в особенности обработки железа был очень сложным и требовал больших навыков, опыта и специальных знаний.

Специальных мастерских по призводству ювелирных изделий в изучаемое время также не было: бронзу и другие цветные металлы плавили и изготавливали из них главным образом украшения в жилищах, о чем свидетельствуют находки почти в каждом из них обломков тиглей. Изделия из бронзы изготавливались как при помощи литья, так и путем ковки.

Как показывают этнографические наблюдения, в гончарном производстве имело место разделение труда по полу: лепкой посуды занимались только женщины. В руках женщины находились и такие отрасли домашнего ремесла, как прядение, ткачество и пошив одежды.

Важным видом сырья в третьей четверти I тысячелетия н. э., как и в предшествующую и последующие эпохи, было дерево. Из этого повсеместно распространенного материала изготавливалась посуда (в частности, миски, которые в составе глиняных сосудов представлены единичными обломками венчиков), рукояти ножей, серпов, шильев, древки стрел, дротиков, копий и, вероятно, идолы. Дерево широко использовалось при строительстве жилищ и других построек, а также при сооружении оборонительных укреплений.

Кости и рога животных, а также камень как виды сырья, вероятно, использовались в ограниченном количестве. Из кости могли изготавли-

вать кочедыки и некоторые типы булавок. Из камня изготавливались зернотерки, жернова, песты, сооружались печи-каменки. Камнями оборонялись при нападении враждебных соседей.

Племена изучаемой культуры по сравнению со своими предшественниками стояли на более высокой ступени общественного развития. Факты показывают, что они в третьей четверти I тысячелетия н. э. вступили в последнюю завершающую стадию разложения патриархально-родовых отношений. Исчезновение замкнутых патриархальных поселков-городищ с их большими общинными домами и быстрое распространение поселений с небольшими жилищами, рассчитанными на малую индивидуальную семью,— убедительное тому доказательство. Большие размеры поселений, на которых проживала большая масса людей, свидетельствуют о том, что на них селились члены нескольких родов. По-видимому, зарождалась и приходила на смену родовой сельская община, в основе которой лежали не кровнородственные, а экономические связи. Малая семья еще не вела своего хозяйства. Это видно из того, что при жилищах отсутствуют постройки хозяйственного назначения — стойловые помещения для скота, хранилища и т. п. Правда, около некоторых жилищ (6, 25, 39, 18) находились ямы-погреба, а в жилище 14 яма располагалась внутри жилого помещения, вероятно, под полом. Не исключено, что эти факты следует рассматривать как отражение начавшегося обособления малых семей. Но планировка жилищ в целом показывает, что родовые кровнородственные связи были еще прочными: жилища располагаются группами по 2—3, иногда по 4—5 построек. По-видимому, каждая малая семья, проживавшая в отдельном жилище, входила в большую семейную общину, которая и вела на коллективных началах свое хозяйство. Из-за отсутствия каких-либо источников мы не можем сказать, какая у племен была общественно-политическая организация. Можно допустить, что у них была общественно-политическая организация типа союза племен, которая обеспечивала безопасное существование входивших в нее родов и племен, упорядочивала отношения между племенами и гарантировала защиту племенной территории. Верховная власть в таких организациях принадлежала вождю (князю), совету старейшин и взрослому вооруженному мужскому населению.

Глава III

ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД И ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Как уже отмечалось, в первой половине I тысячелетия н. э. в жизни племен культуры штрихованной керамики, равно как и племен соседних культур — днепродвинской и юхновской, происходили весьма существенные изменения, Исследования П. Н. Третьякова, А. К. Амброза, Е. А. Шмидта и других показали, что эти процессы были активизированы благодаря влиянию зарубинецкой культуры. Установлено, что племена этой культуры еще на рубеже нашей эры пришли на восток, где смешались с местным населением юхновской культуры. В I—II вв. они покинули бассейн Припяти и проникли не только на Десну, но и на север — в Белорусское и Смоленское Поднепровье. В результате смешения зару-

бинецких племён с местным населением в Подесенье возникла почепская культура,[33] а в Верхнем Поднепровье — близкая ей культура типа Адаменского селища и среднего слоя Тушемлянского городища [34]. Памятники этой культуры доходили на севере до района Смоленска, а на западе не выходили за пределы Днепра [35].

Факты показывают, что во вновь возникших культурах элементы, характерные для зарубинецкой культуры, с течением времени все больше затухали и, вероятнее всего, к концу IV в. бесследно исчезли. Это нашло свое отражение в первую очередь и главным образом в развитии и изменении керамических форм. Особенно ярко этот процесс прослеживается на тех памятниках культуры типа Адаменского селища, которые, возникнув во II в., продолжали функционировать до VIII—IX вв. К числу таких памятников относятся изучаемые Д. Д. Поболем Таймановские селище и могильник. Исследования показали, что до IV в. в составе их материальной культуры наряду с вновь возникшими элементами (большие сосуды нескольких типов, сосуды с прочесами и т. п.) сохранялись еще черты, характерные для зарубинецкой культуры: лощеные миски и горшки, орнаментация на сосудах и т. п. Но в V в. их уже нет, они исчезли, как исчезли и большие сосуды, возникшие в момент образования культуры типа Адаменского селища. Вместо них на этих и других памятниках появились и получили широкое распространение слабопрофилированные и тюльпановидные сосуды. Эта форма очень быстро распространилась в среде племен юхновской, днепродвинской культур и культуры штрихованной керамики. Объясняется это тем, что местные племена были к этому подготовлены: как мы видели, в культуре штрихованной керамики возникали формы гладкостенных сосудов, близкие слабопрофилированным. Работы Е. А. Шмидта показали, что такие же по форме сосуды возникали в юхновской и днепродвинской культурах [36]. Этому же способствовало и то обстоятельство, что все эти племена были родственными в этническом отношении. Распространение новой керамики сопровождалось продвижением на север и северо-запад потомков племен культуры типа Адаменского селища. Вместе с керамикой распространялись и другие черты культуры — погребальный обряд, полуземляночный тип жилищ, керамика с прочесами, цилиндроконические сосуды, биконические пряслица и т. п. Одновременно основные черты культур раннего железного века (формы сосудов и глиняных пряслиц, их орнаментация и т. п.) исчезали. В ареале культуры штрихованной керамики в состав распространившейся культуры вошли лишь отдельные ее черты: сосуды, приближающиеся к ребристым, и некоторые виды железных орудий труда и украшений (серпы, ножи, шилья, посоховидные булавки и др.). То же самое происходит и с другими культурами. Следовательно, мы с полным основанием можем полагать, что культура типа верхнего слоя Банцеровского и Тушемлянского городищ окончательно сложилась на базе местных культур (днепродвинской, юхновской и штрихованной керамики) при активном участии культуры Адаменского селища. В частности, в северные и северо-западные районы Верхнего Поднепровья, в Подвинье и Понеманье к местным племенам в готовом тщде был принесен погребальный обряд — трупосожжение и помещение останков умершего в грунтовых ямах. Об этом наглядно свидетельствуют Акатовский могильник, расположенный в Смоленском Подвинье, и грунтовые погребения, обнаруженные нами на селище близ д. Ревячка. Погребения располагались на восточном краю селища и были перекрыты культурным слоем 0,2—0,25 м толщины. Могильные ямы (их верхняя

часть) в однородном слое темно-серой окраски не проследились. Захоронение умерших, по-видимому, производилось тогда, когда на этом участке селища уже никто не жил. Две ямы, несомненно, были вырыты в культурном слое, ибо материк они затронули лишь частично. Третья погребальная яма была углублена в материк. По деталям погребального ритуала все три погребения совершенно аналогичны погребениям других могильников третьей четверти I тысячелетия н. э. (Акатовский, Новобыховский, Нижнетощицкий и др.).

Погребение 1, урновое. Часть сожжения вместе с остатками погребального костра ссыпана в глиняную урну (в сосуд усеченно-конической формы, рис. 47, *21),* которая была поставлена на небольшую песчаную подсыпку, в круглой в плане яме диаметром 0,25—0,3 м, глубиной не свыше 0,1—0,15 м. Урна стояла в нормальном положении, но сверху была прикрыта перевернутым вверх дном сосудом (рис. 47, *3).* По форме он принадлежит к наиболее характерным для третьей четверти I тысячелетия н. э. тюльпановидным сосудам. Это погребение скорее всего было детским: среди мелких костей обнаружен маленький зуб.

Погребение 2, безурновое. Пережженные кости, тщательно очищенные от погребального костра, были ссыпаны в круглую в плане ямку глубиною 6,15 м, диаметром 0,4 м. Кости крупные, среди них есть почти целые позвонки. Около костей с их западной стороны был поставлен глиняный сосуд в нормальном положении. Сохранность его очень плохая: верхняя часть уничтожена распашкой, сосуд слабо обожжен. При попытке извлечения из погребальной ямы он полностью распался. По форме сосуд аналогичен сосуду из погребения 1. Никаких других вещей в погребении не было.

Погребение 3, безурновое. Останки умершего находились на дне овальной ямы глубиною 0,55 м. В яме были разбросаны мелкие, очищенные от костра кости (их собрано не более 10—15) и остатки необожженного, но раздробленного на мелкие куски черепа взрослого человека.

П. Н. Третьяков убедительно доказал, что Акатовский могильник «по ритуалу... близко напоминает Новобыховский» и другие могильники Верхнего Поднепровья. Вместе с тем он совершенно правильно подчеркивал, что «древности южных областей Верхнего Поднепровья являются ближайшим аналогом деснинских древностей. Они составляют с ними единую группу, единую культуру, имеющую лишь незначительные локальные вариации» [37]. Таким образом, П. Н. Третьяков отметил сходные черты, которые объединяют в единое целое грунтовые могильники, расположенные в северной части Верхнего Поднепровья и Подвинья (Акатово, Заречье, Кислая), в Белорусском Поднепровье (Ново-Быхов, Нижняя Тощица, Тайманово) и в Подесенье (Кветуньский, Усохский, Лебяжинский и другие могильники). К этой группе, несомненно, относятся и погребения в Ревячке. Одинаковые черты погребального обряда всех названных могильников заключаются в следующем: 1) трупосожжение производилось на стороне, часто умерших сжигали вместе с вещами, поэтому они, как правило, испорчены огнем; 2) обычно погребалась лишь часть сожжения, кости либо очищались от костра, либо погребались в неочищенном состоянии; 3) остатки кремации помещались в грунтовые ямы, в плане чаще круглой (диаметр от 0,15—0,2 до 1 —1,2 м) или овальной, реже — яйцевидной или прямоугольной (длина от 0,6—0,7 до 1,8—2 м, ширина от 0,25—0,4 до 0,9—1,1 м) формы, в разрезе—чашевидных, котлообразных и цилиндрических, глубина ям от 0,1—0,2 до 0,5—0,7 м, редко больше; 4) останки умерших погребались в урнах или ссыпались

прямо в яму. Встречаются смешанные ямно-урновые погребения: одна часть костей ссыпана прямо в яму, другая помещена в урну. Процент урновых и ямно-урновых погребений, вместе взятых, колеблется от 7 до 77%. В зависимости от положения урны в погребальной яме урновые погребения разделяются на три варианта: а) урна с костями стоит в нормальном положении; б) урна стоит в нормальном положении, но прикрыта перевернутым вверх дном сосудом; в) урна, перевернутая вверх дном, прикрывает кучку костей; 5) сопровождающий погребения инвентарь весьма беден. Подавляющая часть погребений на всех могильниках вообще никаких вещей не содержит. Сосуды-урны и сосуды-приставки везде одинаковы: найдены слабопрофилированные и тюльпановидные сосуды с одинаковыми пропорциями. На основании целого ряда датирующих вещей, встреченных в погребениях (браслеты с утолщенными концами из могильников Акатово, Усох, Лебяжье, пряжки и бляшки от поясного набора в могильнике Лебяжье), исследователи относят грунтовые могильники к V—VII вв.

Наряду с грунтовыми в настоящее время довольно хорошо изучены курганные могильники культуры типа верхнего слоя Банцеровщины, Тушемли и Колочина. Они известны как на юге (Кветуньский могильник, ранние курганы в Демьянках), так и на севере ее ареала (курганные могильники в Михайловском, Старом Селе, Янковичах, Дорохах и др.). Между южным и северными могильниками настолько много общих черт в деталях ритуала и культуре (в керамике в особенности), что их смело .можно связывать с одним и тем же в этническом отношении населением. Впервые могильники открыты довольно давно близ деревень Старое Село Витебского и Горовые Полоцкого районов Витебской области [38]. В пятидесятых годах исследование курганов этого времени производила Я. В. Станкевич на могильниках близ деревень Михайловское, Жабино, Полибино в Псковской области [39]. Янковичские могильники (в урочищах Атоки и Повалишино) Россонского и могильники близ д. Дорохи Городокского районов Витебской области в последние годы исследовал Г. В. Штыхов [40]. По форме курганы разделяются на круглые (диаметр от 5—6 до 8—12 м, высота от 0,3—0,5 до 1 —1,2 м), удлиненные (длина от 12—13 до 17—18 м, ширина от 8 до 10м, высота от 0,8 до 1,2 м), длинные (Атоки: длина 110 м, ширина 9 м, высота 1 —1,5 м; Дорохи: длина 22 м, ширина 10 м, высота 1,2 м).

Погребальный обряд курганных могильников имеет очень много сходных черт с погребальным ритуалом грунтовых могильников (различия наблюдаются лишь в деталях): 1) трупосожжение также производилось на стороне, умершего сжигали вместе с вещами; 2) погребалась, как правило, лишь часть сожжения; 3) погребения разделяются на безурновые и урновые; 4) безурновые в свою очередь делятся на погребения: а) под насыпью кургана (на горизонте) в неглубокой яме, реже прямо на горизонте, б) в насыпи кургана (на разной глубине), в яме или на ровной площадке, в) непосредственно под дерновым слоем (на глубине 0,1—0,2 м от современной дневной поверхности), в яме или на ровной площадке. Размеры могильных ям, как правило, небольшие: диаметр круглых колеблется от 0,2—0,3 до 0,4—0,6 м (очень редко больше), длина овальных от 0,4 до 0,9 м, ширина от 0,3 до 0,5 м, глубина и тех и других от 0,1—0,2 до 0,4—0,5 м; 5) урновые разделяются на погребения: а) под насыпью курганов, но урны помещались не в яму, а над нею или на горизонте, б) непосредственно под дерновым слоем, но урны ставились над ямами или на ровной площадке. Положение урны в погребении

разное: нормальное; нормальное, но урна перекрыта большим сосудом, перевернутым вверх дном; урна перевернута вверх дном над костями или над ямами с остатками кремации. Количество урновых погребений, как и в грунтовых могильниках, разное. В курганах почти всех могильников, как правило, встречается не одно, а два-три и более погребений. Так, на Кветуньском могильнике в курганах встречено от двух до семи погребений, во втором кургане могильника близ д. Демьянки — два погребения, во всех курганных группах близ д. Дорохи — от двух-трех до шести-девяти погребений и т. д. Это обстоятельство скорее всего свидетельствует о том, что у племен, которым принадлежали могильники, наряду с малыми семьями сохранялись еще большие семейные общины. Курганы с большим количеством погребений, по-видимому, и являлись усыпальницами больших семей.

В курганных могильниках, как и в грунтовых, погребальный инвентарь очень беден. Большая часть погребений, кроме глиняных сосудов (целых или в обломках), вообще никаких вещей в себе не содержала. На основании датирующих вещей, найденных при погребениях (перекладчатая фибула V—VI вв., бронзовая пряжка VII—VIII вв., крестовидная бляшка с эмалью IV—V вв. из Кветуньского могильника, железный наконечник стрелы VII в. из Демьянок, бронзовые бляшки — скорлупки из Аток и Михайловского), исследователи относят курганные могильники, как и грунтовые, к V—VII вв. Следовательно, эти два вида могильников у племен культуры типа верхнего слоя Банцеровщины существовали одновременно.

Подчеркивая общие черты погребального обряда в пределах ареала культуры, необходимо обратить внимание на тот факт, что формы могильных сооружений не везде были одинаковы. В Верхнем Поднепровье и в Подесенье распространены круглые в плане курганы, а в Верхнем и Среднем Подвинье, в северо-восточной части Понеманья (бассейн Вилии) и в верховьях Ловати наряду с круглыми (они значительно преобладают) были распространены удлиненные и длинные курганы. Обычно этот тип могильных сооружений связывают с кривичами и по ним определяют ареал их расселения. Однако оказывается, что не все удлиненные и длинные курганы можно отождествлять с погребальными сооружениями кривичей. Названные выше могильники (Старое Село, Михайловское, Янковичи и др.) относятся к балтской культуре типа верхнего слоя Банцеровского городища и никакого отношения к кривичам не имеют. Более того, они ни по культуре, ни по погребальному обряду генетически не связываются с более поздними (VIII—IX вв.) удлиненными и длинными курганами, которые скорее всего и были оставлены кривичами. Совершенно очевидно, что сама форма удлиненных и длинных курганов возникла в балтской среде, а позднее она была заимствована кривичами.

По вопросу об ареале культуры типа верхнего слоя Банцеровского, Тушемлянского и Колочинского городищ среди исследователей единого мнения нет. П. Н. Третьяков ареал памятников этой культуры разделял на две части — южную, куда входили памятники Подесенья и южной части Верхнего Поднепровья, и северную, которая включала в свой состав северную половину Верхнего Поднепровья и Подвинья [41]. В последнее время Е. А. Шмидт памятники Смоленского Поднепровья и Подвинья выделил в самостоятельную группу и назвал их культуру Тушемлянской [42]. Памятники, расположенные в Верхнем Понеманье и в северо-западной части днепровского бассейна, якобы в силу их некоторых особен-

ностей и недостаточной изученности с его точки зрения к этой культуре не относились. Л. Д. Поболь памятники Верхнего Поднепровья относит к нескольким культурам: на Смоленщине к акатовской, в Белоруссии к Новобыховской, банцеровской, петриковской [43]. Ни один из этих авторов сколько-нибудь убедительных доказательств своей точки зрения не привел. Вполне обоснованное мнение по этому вопросу в последнее время высказала И. П. Русанова. Учитывая своеобразные черты памятников третьей четверти I тысячелетия н. э. в характере поселений и жилищ, погребального обряда, материальной культуры (особенно в керамике), отличающие их от памятников северо-запада Украины (культуры типа Карчак), она очертила ареал культуры, куда вошла территория Среднего Поднепровья (севернее Киева), Подесенье, а также бассейны белорусского и смоленского течения Днепра, верхнего Немана, верхнего и среднего течения Западной Двины [44]. Примерно такой же ареал памятников этой культуры еще раньше очертил В. В. Седов [45].

С этой точкой зрения нельзя не согласиться, так как она полностью согласуется с фактами. В самом деле, в пределах очерченного ареала, как мы видели, были распространены одинаковый тип жилищ, одинаковый погребальный обряд, что очень важно, одинаковые по пропорциям слабопрофилированные и тюльпановидные сосуды. Необходимо обратить внимание и на то, что в пределах ареала наблюдаются и некоторые различия: 1) полуземляночный тип жилищ был распространен в Подесенье и южной части Верхнего Поднепровья, а на севере (в Подвинье и Смоленском Поднепровье) он отсутствует; 2) в Подесенье, южной и восточной частях Верхнего Поднепровья не было ребристых сосудов с плечиком в верхней части тулова, а в северо-западной части днепровского бассейна они бытовали; 3) на юге существовали единичные городища-убежища, а на севере их было много; 4) на юге при лепке сосудов в качестве отощающей примеси наряду с дресвой употреблялся шамот, а на севере — только дресва. Можно найти и другие различия в культуре памятников, расположенных в южной и северной частях ее ареала. Но эти различия вполне объяснимы, ведь сама эта культура формировалась на базе нескольких культурно-археологических компонентов. И. П. Русанова выделила три локальных района, в культуре памятников которых наблюдаются особенности, «связанные с традициями предшествующих балтских культур раннего железного века и пришлой зарубинецкой культуры, *с* разными условиями жизни и социального развития»,— Подесенье, Смоленщину и Белоруссию [46]. С этим вполне можно согласиться. Может быть, следует только к этим районам добавить район Среднего и Верхнего Подвинья, который отличается от всех остальных наличием своеобразных погребальных сооружений — удлиненных и длинных курганов. Однако все эти районы, как совершенно правильно заключает И. П. Русанова, «настолько близки между собой и общие черты материальной культуры выступают в них настолько рельефно, что население их следует считать этнически родственным» [47].

Не все авторы с этим согласны. П. Н. Третьяков, например, полагал, что памятники Подесенья и южной части Верхнего Поднепровья принадлежали славянам, а северной части Верхнего Поднепровья были оставлены балтами [48]. В последнее время Е. А. Шмидт выделенную им тушемлянскую культуру считает балтской, а памятники Подесенья, культура которых якобы сложилась на основе «почепской культуры», склонен относить вслед за П. Н. Третьяковым к славянам [49]. Л. Д. Поболь все выделенные им «культуры» связывает со славянами [50].

Ошибочность точки зрения П. Н. Третьякова и других авторов убедительно была показана В. В. Седовым [51] и И. П. Русановой [52]. Если исходить из чисто археологического материала, то с уверенностью можно утверждать, что памятники банцеровско-тушемлянской культуры в пределах всего ареала принадлежат балтоязычным племенам. Необходимо учитывать, что сложение самой культуры происходило на базе культур, балтская принадлежность которых не вызывает возражений. Значит, эта культура по своему происхождению является балтской. Археологический материал подтверждается данными гидронимики. Еще в конце ррошлого столетия ряд исследователей обратил внимание на тот факт, что в Верхнем Поднепровье (и Белоруссии в целом) широко распространена не финно-угорская гидронимика, как думали ученые в XIX в., а многочисленные названия рек, смысловое содержание которых вытекает из балтских, в частности литовского и прусского, языков. Балтскую гидронимию далеко на востоке (вплоть до бассейна Оки) выявил А. Л. Погодин[53]. Особенно большую научную ценность имеют исследования по балтской гидронимике Верхнего Поднепровья и Белоруссии литовского языковеда К. Буги [54]. На основании изучения многочисленной гидронимики балтского происхождения он пришел к выводу, что Верхнее Поднепровье и Среднее Подвинье являлись родиной предков литовцев и латышей, причем предки первых, по его мнению, локализовались в бассейне Верхнего Поднепровья, а вторых — к северу и северо-западу от них — в Подвинье. Согласно исследованиям К. Буги, на юге балтская гидронимика доходила до Припяти, южнее жили славянские племена, которые стали проникать в области расселения балтоязычных племен не ранее середины I тысячелетия н. э. Большое научное значение имеют исследования немецкого языковеда М. Фасмера [55]. Он внес дополнения в гидронимику балтского происхождения Смоленского Поднепровья, Подвинья, выявил балтские названия рек в междуречье Волги и Оки, на севере и востоке определил границы между балтским и финно-угорским гидронимическими ареалами. В отличие от К. Буги и других исследователей он считал, что балтское население разделялось на две диалектные группы. Одна из них (Ostbalten) обитала в левобережной части Верхнего Поднепровья. в Подвинье и западной части Волго-Окского междуречья, а другая (Balten) — в верховьях Сожа и в междуречье Припяти и Западной Двины (правобережье Верхнего Поднепровья).

Особое место в изучении гидронимии Верхнего Поднепровья принадлежит советским языковедам В. Н. Топорову и О. Н. Трубачеву[56]. Опираясь на новейшие методы лингвистического анализа, они пересмотрели гидронимику огромной территории Восточной Европы и пришли к выводу, что, бесспорно, балтские названия рек распространены на значительно большей территории, чем считалось ранее. На юго-востоке балтская гидронимика охватывала бассейн Десны и правобережья Сейма. Здесь, по их мнению, имел место непосредственный балто-иранский языковый контакт. В среднем Поднепровье балтские гидронимы достигали района Киева, на востоке балтская гидронимика выходила далеко за пределы Верхнего Поднепровья: ее граница захватывала бассейн Оки, верхней Волги и даже достигала Дона. Мнение К. Буги о том, что южная граница расселения балтских племен проходила по Припяти, не подтвердилось: оказалось, что в бассейне этой реки имеется значительное скопление балтских речных названий. Большое скопление балтских гидронимов отмечается и в бассейне Сожа. Но наибольшим удельным весом, по мнению авторов, обладает балтская гидронимика бассейна Березины. Здесь

она столь значительна и балтийский характер названий рек так очевиден, «что не вызывает никакого сомнения мысль о недавнем пребывании на этой территории балтского населения». Массовое распространение балтской гидронимики (не менее 700—800 названий) и тот факт, что славянский гидронимический слой на изучаемой территории является сравнительно поздним (восточнославянским), позволили О. Н. Топорову и В. Н. Трубачеву сделать следующие выводы: 1) Верхнее Поднепровье в I тысячелетии и в первых веках II тысячелетия н. э. было заселено балто-язычными племенами; 2) ни в коем случае нельзя объяснить название рек, сохранившихся в таком количестве в течение многих веков, «с помощью предположения о существовании отдельных изолированных колоний и поздних переселенцев, как склонны думать некоторые ученые»; 3) балтское население Верхнего Поднепровья при продвижении славян по Днепру, его притокам в своей основной массе не отступило к северо-западу, а постепенно было ассимилировано последними. Только в таком случае сплошная балтийская гидронимика могла сохраниться и приобрести славянизированный фонетический облик [57].

Выводы языковедов и данные гидронимики успешно использовал в работах по этнической истории народов Восточной Европы В. В. Седов. Пользуясь новейшими методами лингвистов в разработке словообразовательных типов (К. Буги, М. Фасмера, В. Н. Топорова, О. Н. Трубачева и др.), он установил, «что западнодвинский бассейн и Волго-Окское междуречье характеризуются теми же словообразовательными типами», что и Верхнее Поднепровье[58]. Ему удалось дополнительно выявить на этой территории большое количество гидронимов (не менее 70 названий) балтского происхождения. В. В. Седов внес существенные уточнения в границы балто-финно-угорских и балто-иранских гидронимических ареалов. Все это дало ему возможность составить подробную карту балтской, финно-угорской и иранской гидронимики [59]. Эта карта показывает, что ареал балтской гидронимики полностью соответствует той территории, на которой расположены памятники культур раннего железного века (культура штрихованной керамики, днепродвинская, юхновская, верхнеокская и милоградская), а также памятники третьей четверти I тысячелетия н. э., относящиеся к культуре типа верхнего слоя Банцеровского, Тушемлянского и Колочинского городищ.

ИЛЛЮСТРАЦИИ КО II РАЗДЕЛУ

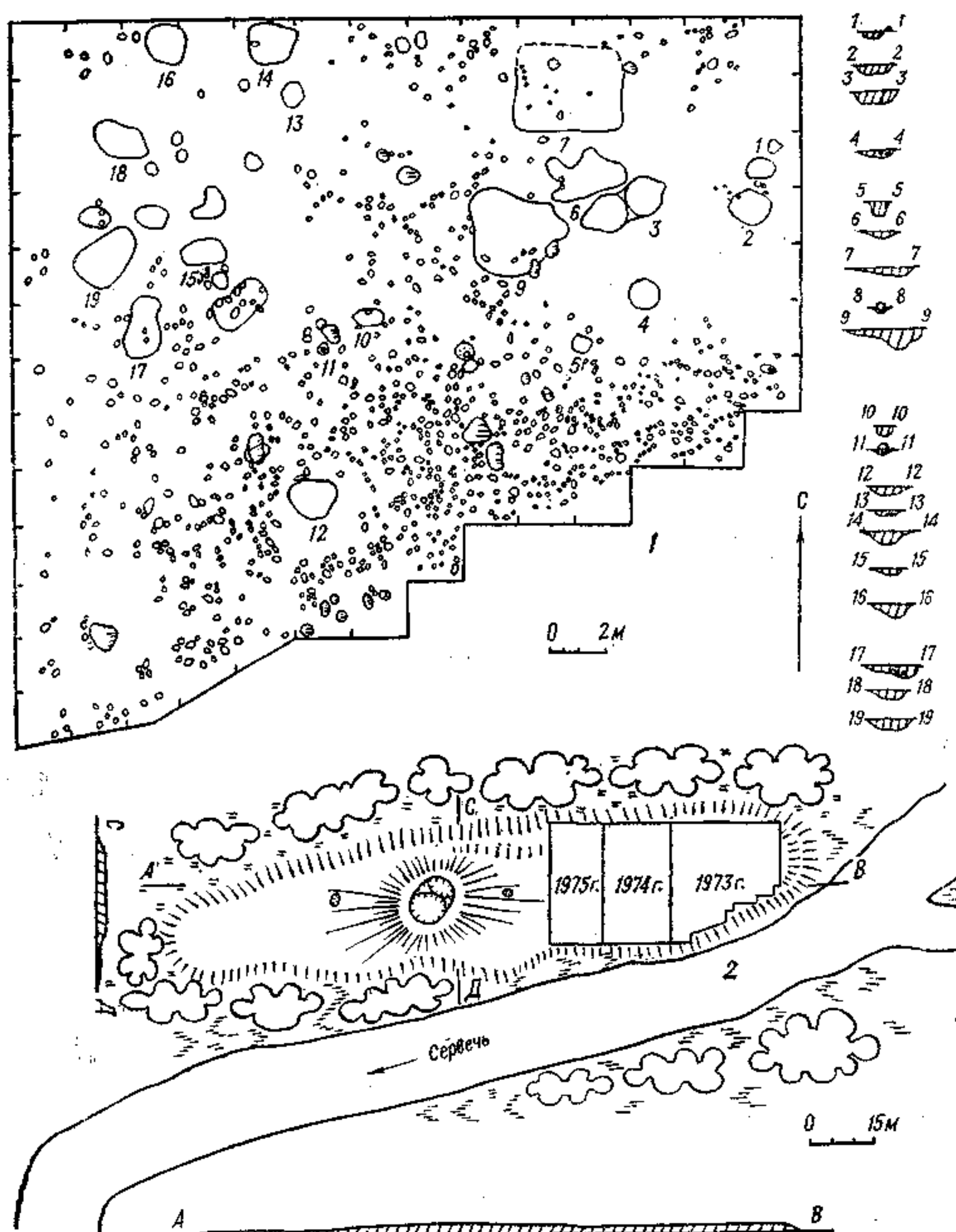

Рис. 33. Селище Василиха близ д. Ревячка: 1 — план раскопа 1973 г., 2 — план селища

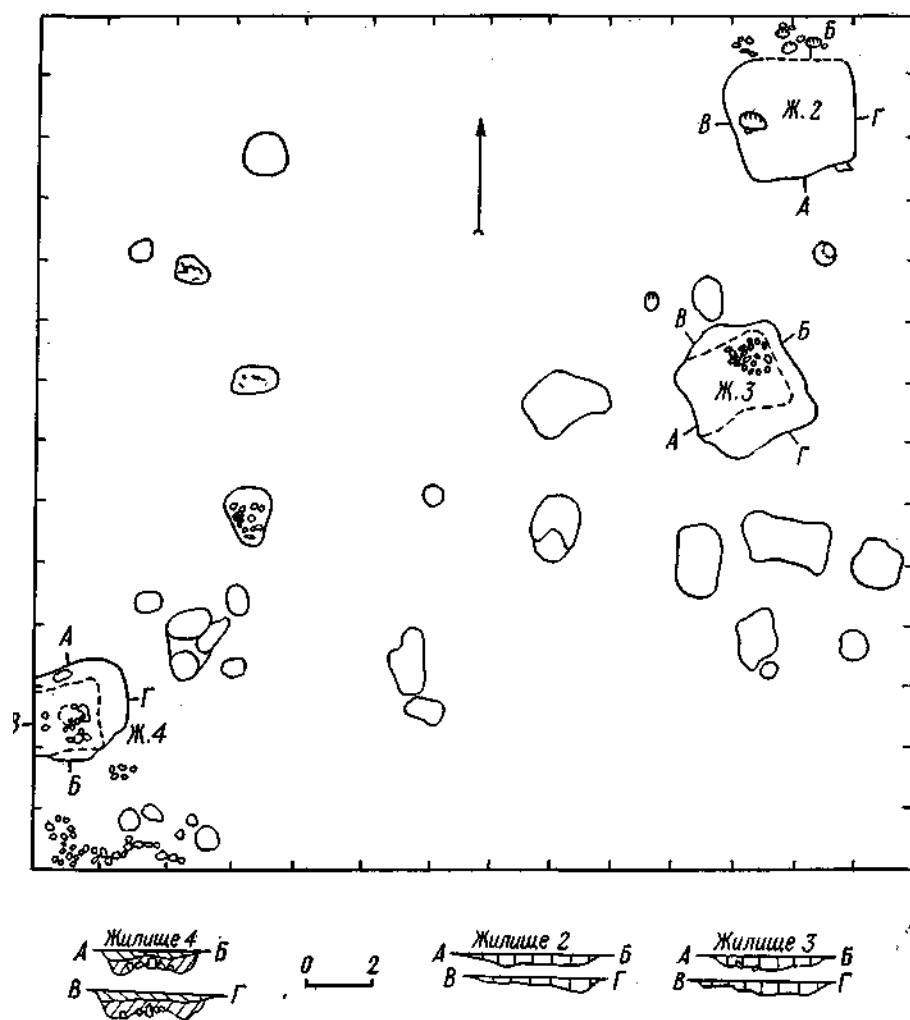

Рис. 34. Селище Ревячка. План раскопов 1974—1975 гг.

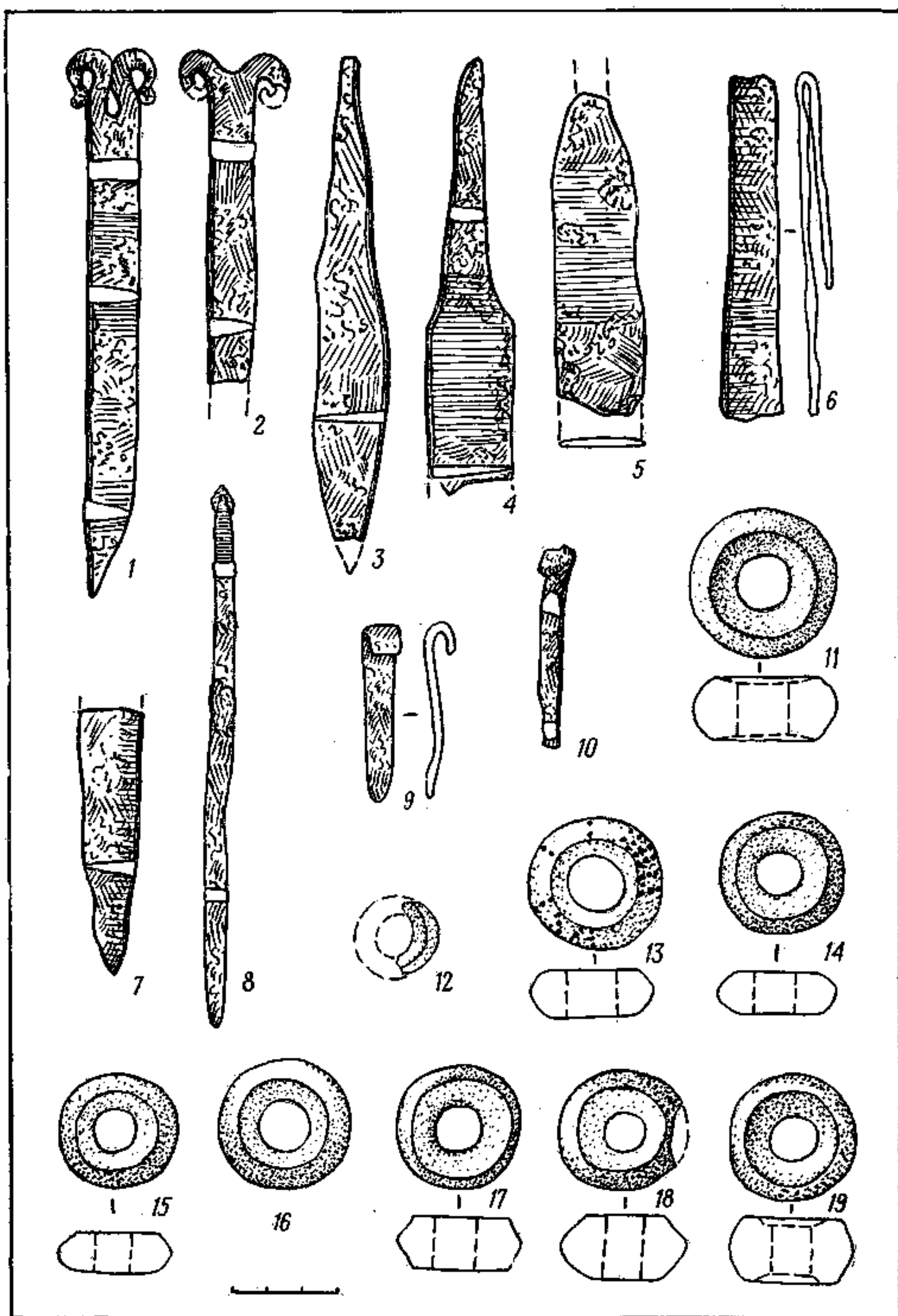

Рис. 35. Селище Ревячка. Изделия из железа и глиняные пряслица

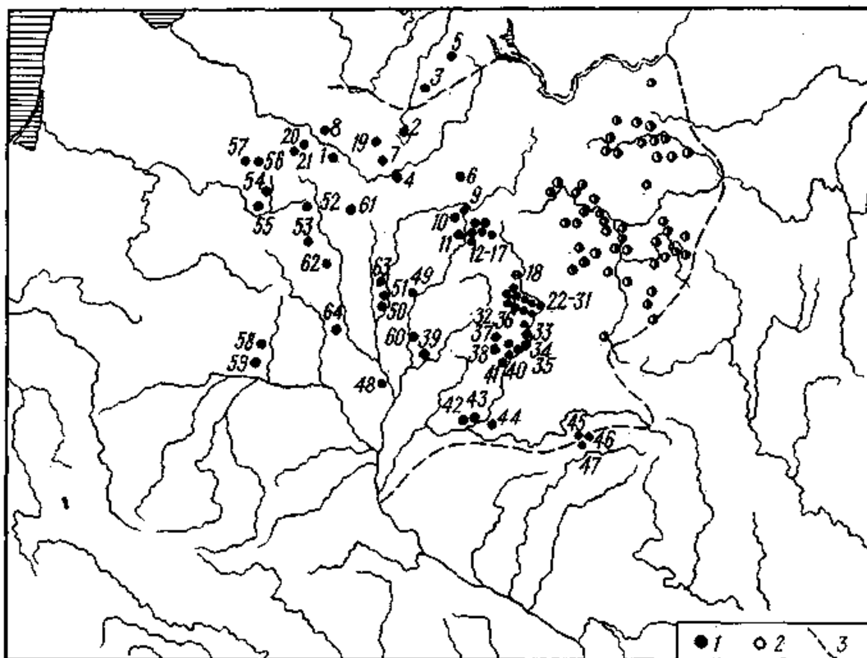

Рис. 36. Памятники третьей четверти I тысячелетия н.э. (по В. В. Седову с дополнениями автора). Условные обозначения: 1 — памятники верхнеднепровских и верхнедвинских болтов, 2 — памятники мощинской культуры, 3 — северо-восточная и юго-восточная границы балтского гидронимическвго ареала: 1 — Бельчица 4-я, 2— Жабино, 3— Палибино, 4— Витебск, 5— Михайловское, 6 — Акатово, 7 — Старое Село, 8 — Горовые, 9 — Демидовка, 10 — Лахтеево, 11 — Тушемля, 12 — Колычева, 13 —Вошкино, 14 — Слобода Глушица, 15—Прудки, 16— Устье, 17 — Городок, 18 — Владимировка, 19— Дорохи, 20, 21 — Янковичи (уроч. Павалишино и уроч. Атаки), 22, 23 — Речица, 24 — Черкетово-Бетово, 25 — Смольянь, 26— Большевик, 27—29— Хотылево, 30 — Голяжье, 31 — Белокаменка, 32 — Уты, 33 — Мансурова, 34 — Ивановское, 35 — Хохлов Вир, 36 — Усох, 37 — Посудичи, 38 — Суворов, 39 -— Демьянка, 40 — Макча, 41 — Кветунь, 42, 43 — Сосница, 44 — Пироговка, 45— Замощанская дюна (Лебяжье), 46 — Княжинская, 47 — Суджа, 48 — Колония, 49 — Барсуковки, 50 — Нижняя Тошица, 51 — Новый Быков, 52— Дедиловичи, 53— Банцеровщина, 54 — Ревячка, 55— Городище, 56 — Некасецк, 57 — Микольцы, 58 — Мильковичи, 59 — Виртки, 60 — Бердыж, 61 — Лукомль, 62 —- Красная Горка, 63 — Тайманово, 64 — Щатково

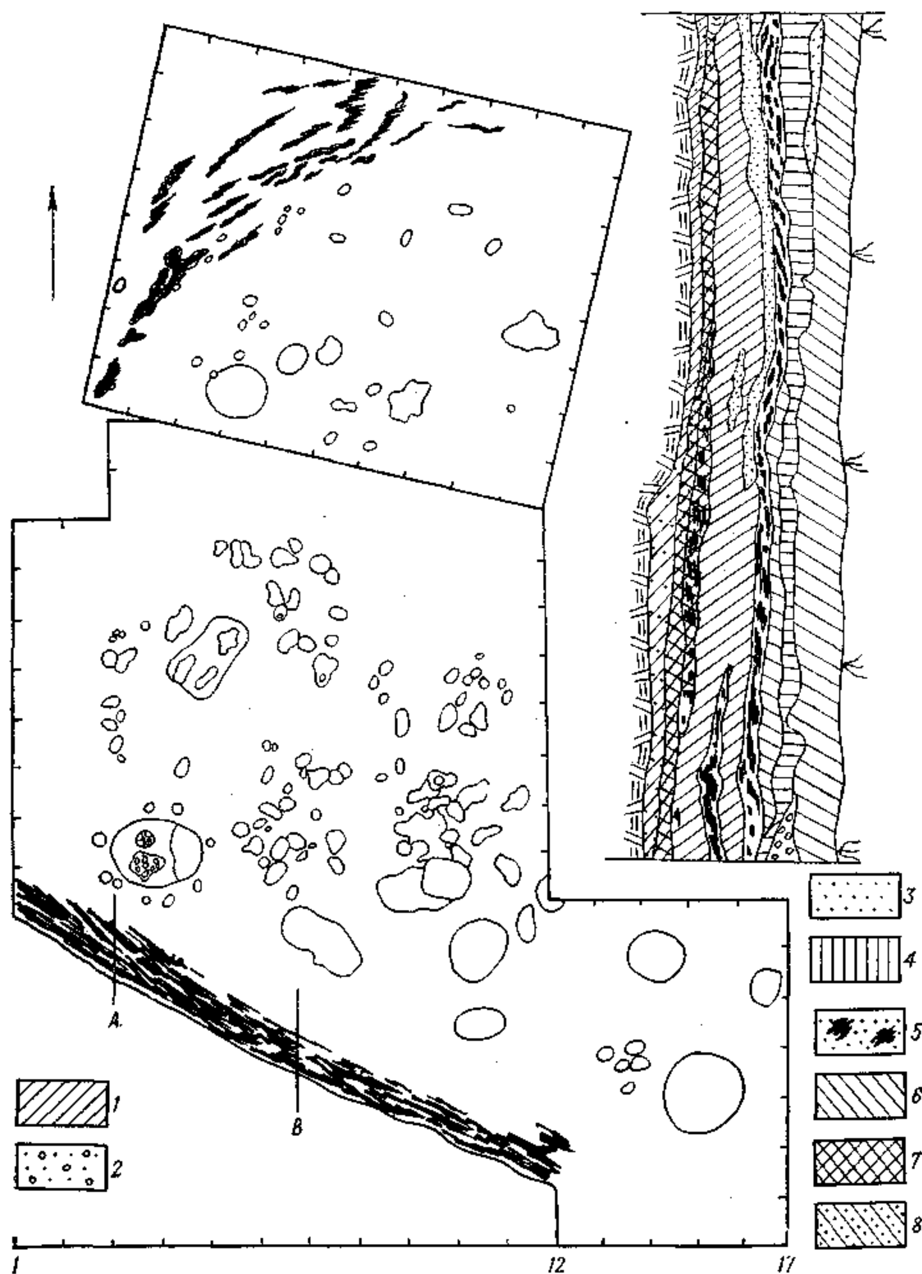
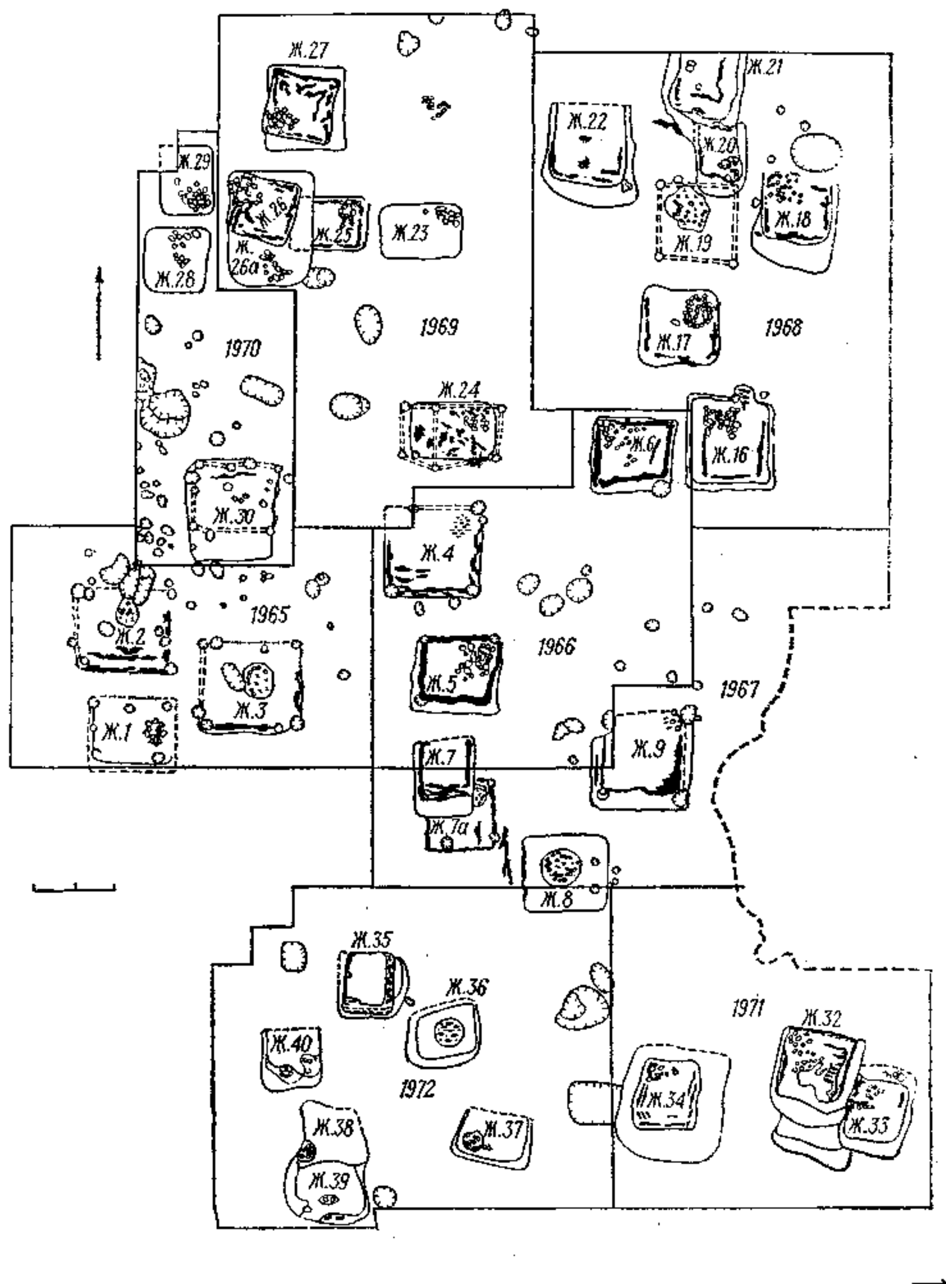

Рис. 37. Городище близ д. Городище. План и профиль раскопа (южная стенка). Условные обозначения: 1 — культурный слой черного цвета, 2 — серый песок с галькой, 3 — желтый крупнозернистый песок, 4 — серый песчаный культурный слой, 5 — песчано-углистый слой с остатками обгорелых бревен (остатки оборонительной стены), 6 — серовато-коричневый культурный слой, 7 — желто-коричневый песок, 8 — серо-коричневый крупнозернистый песок, почти лишенный находок, 9— материковый песок желтого цвета

Ж.27
Ж.21
Ж.22
Ж.20
Ж.29
Ж.26
Ж.25
Ж.23
Ж.18
Ж.19
Ж.
26а
Ж.28
1969
1968
Ж.17
1970
Ж.24
Ж.6
Ж.16
Ж.30
Ж.4
1965
Ж.2
1966
Ж.5
1967
Ж.3
Ж.1
Ж.9
Ж.7
Ж.7а
Ж.8
Ж.35
Ж.36
1971
Ж.32
Ж.40
1972
Ж.34
Ж.33
Ж.38
Ж.37
Ж.39

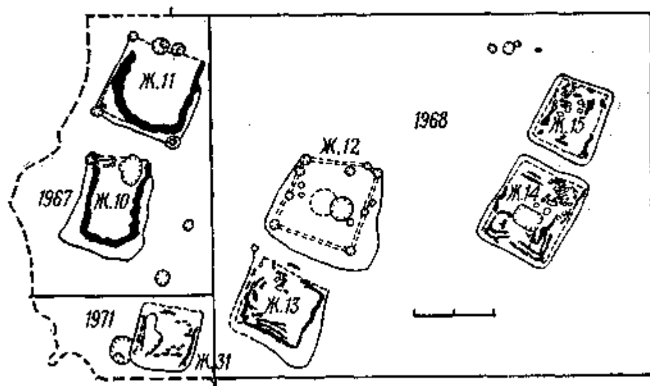

Рис. 38. Селище Городище. План раскопов 1965—1972 гг.

Рис. 39. Селище Гуры. Изделия из железа, бронзы и глины

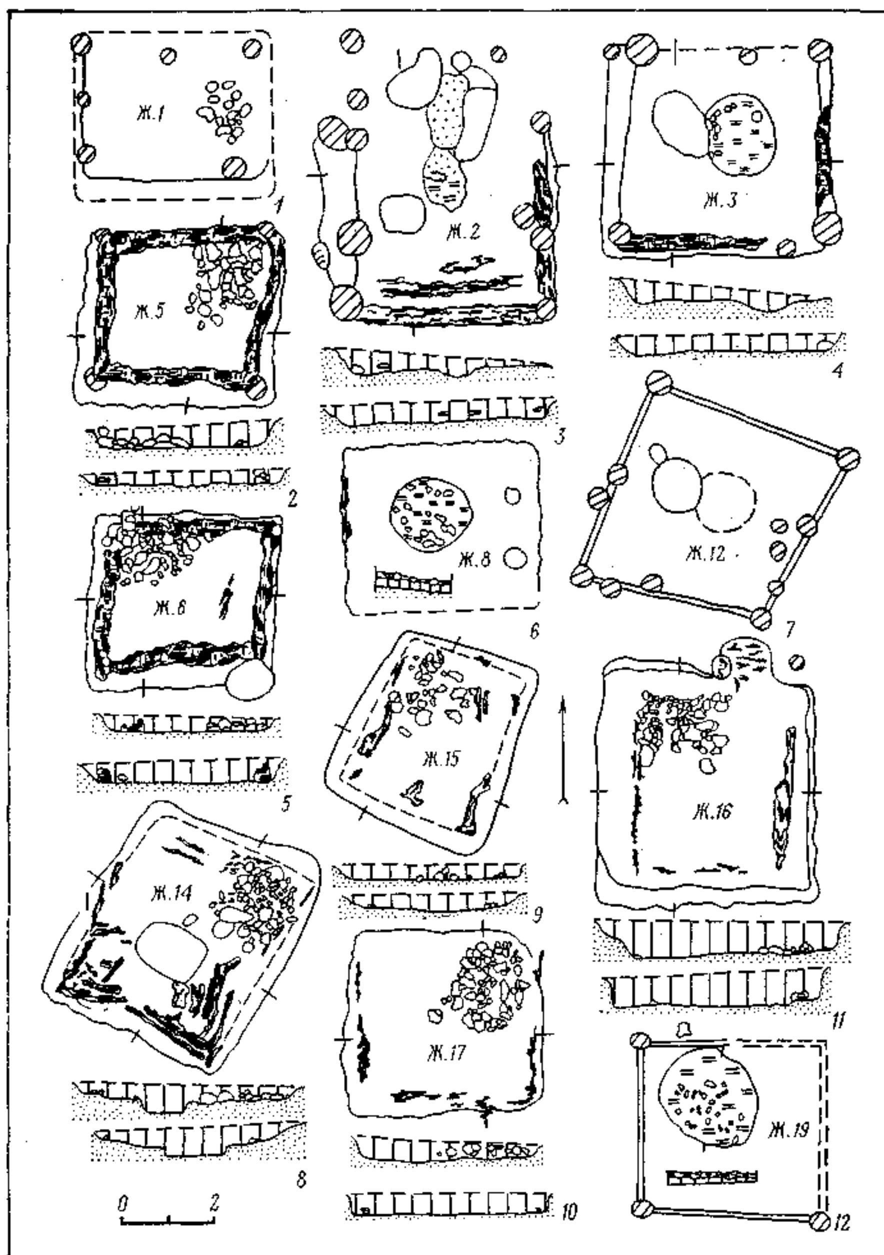

Рис. 40. Селище Городище. Планы и профили жилищ 1—3, 5, 6, 8, 12, 14—17, 19

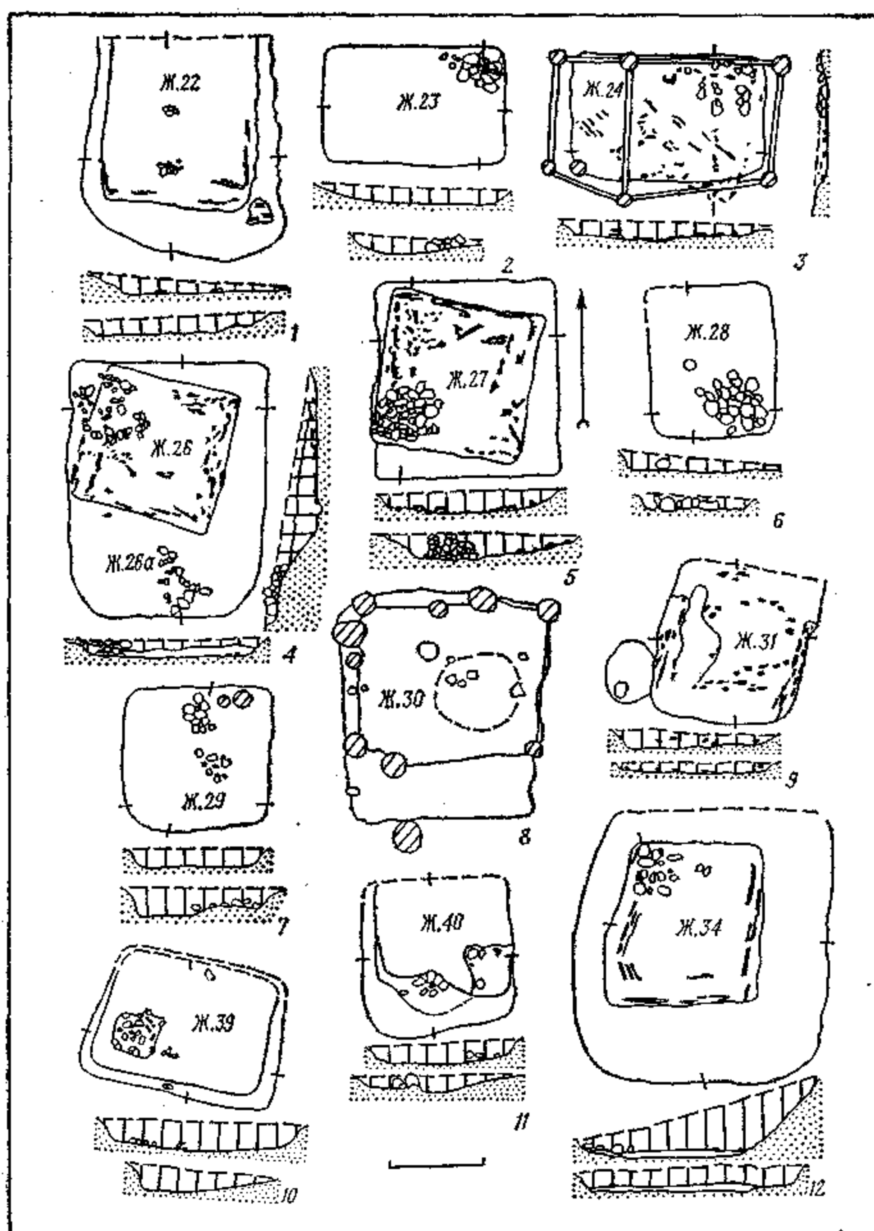

Рис. 41. Селище Городище. Планы и профили жилищ 22—24, 26, 26а—31, 34, 39, 40

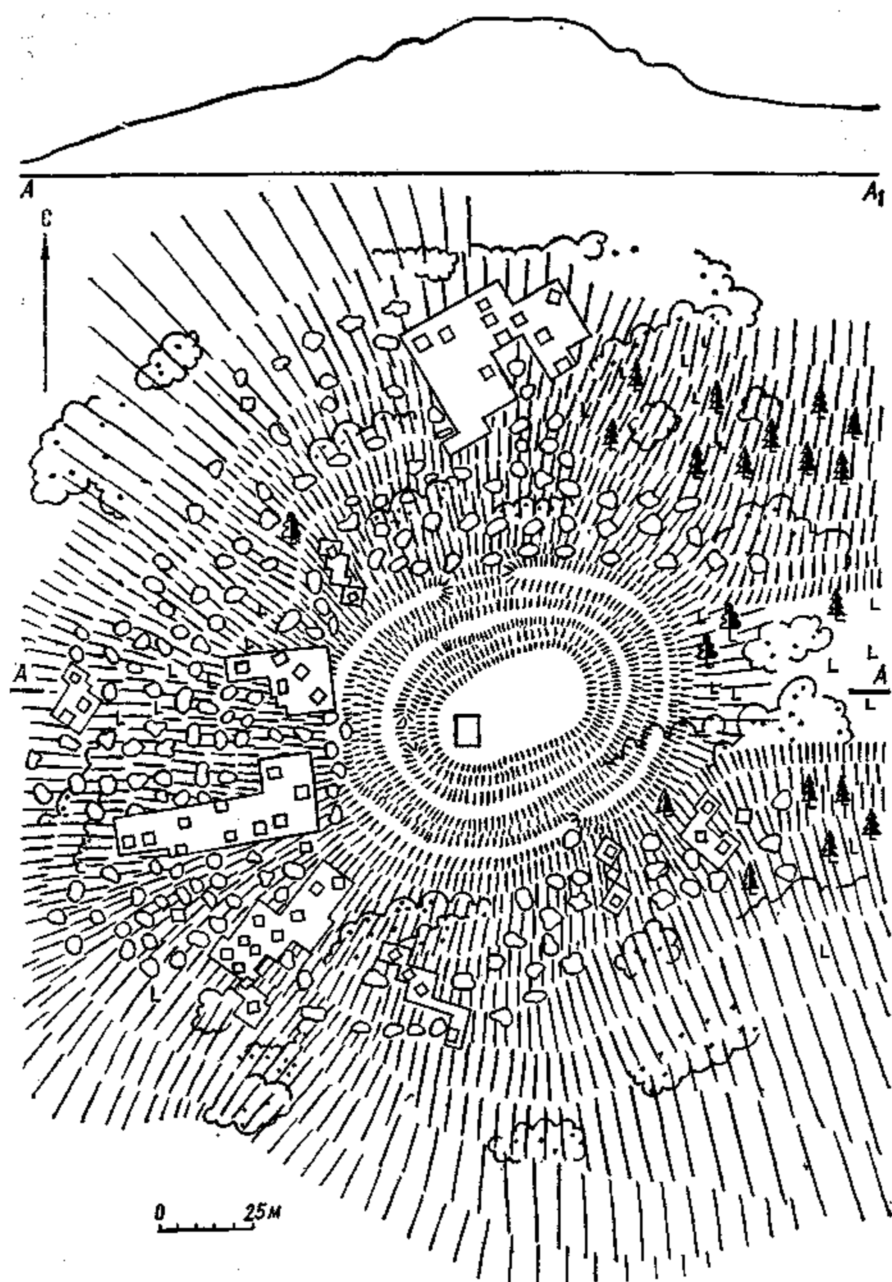

Рис. 42. Городище и селище Дедиловичи. План и профиль

Рис. 43. Замковая гора. Жилище 14

Рис. 44. Замковая гора. Жилище 25. Печь-каменка.

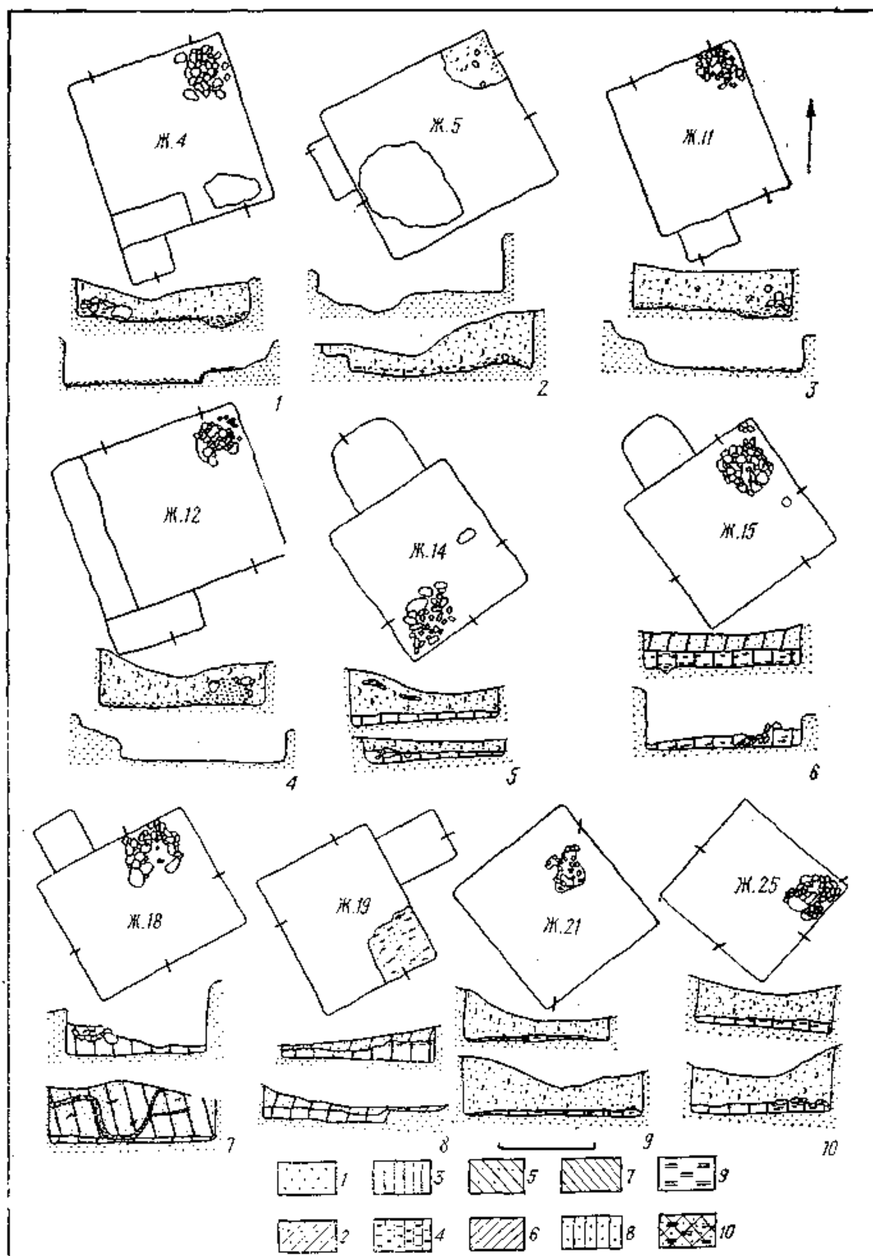

Рис. 45. Селище Дедиловичи. Планы и профили жилищ 4, 5, 11, 12, 14, 15, 18, 19, 21, 25. Условные обозначения: 1 — желтый песок и желто-коричневый, 2 — темно-желтый песок, 3 — черный слой, 4 — желтый песок с углями, 5 — серый песок и темно-серый, 6 — желто-коричневый песок, 7 — желто-серый песок, 8 — темно-коричневый с углями, 9 — желто-серый песок с углями, 10 — желтый песок с черными пятнами

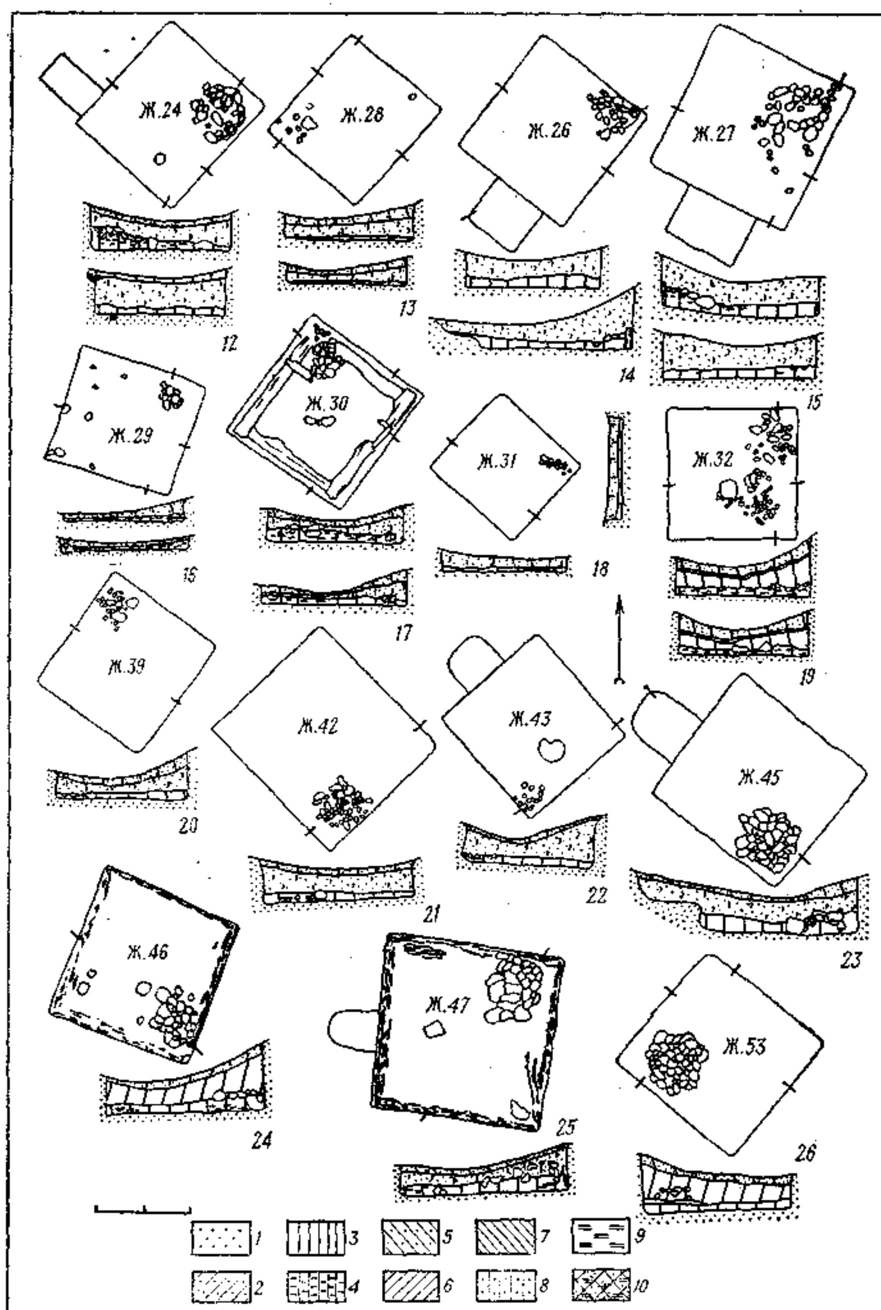

Рис. 46. Селище Дедиловичи. Планы и профили жилищ 24, 26—32, 39, 42, 45—47, 53. Условные обозначения: 1 — желтый песок и желто-коричневый, 2 — темно-желтый песок, 3 — черный слой, 4 — желтый песок с углями, 5 — серый песок и темно-серый, 6 — .желто-коричневый песок, 7 — желто-серый песок, 8 — темно-коричневый с углями, 9 — желто-серый песок с углями, 10 — желтый песок с черными пятнами.

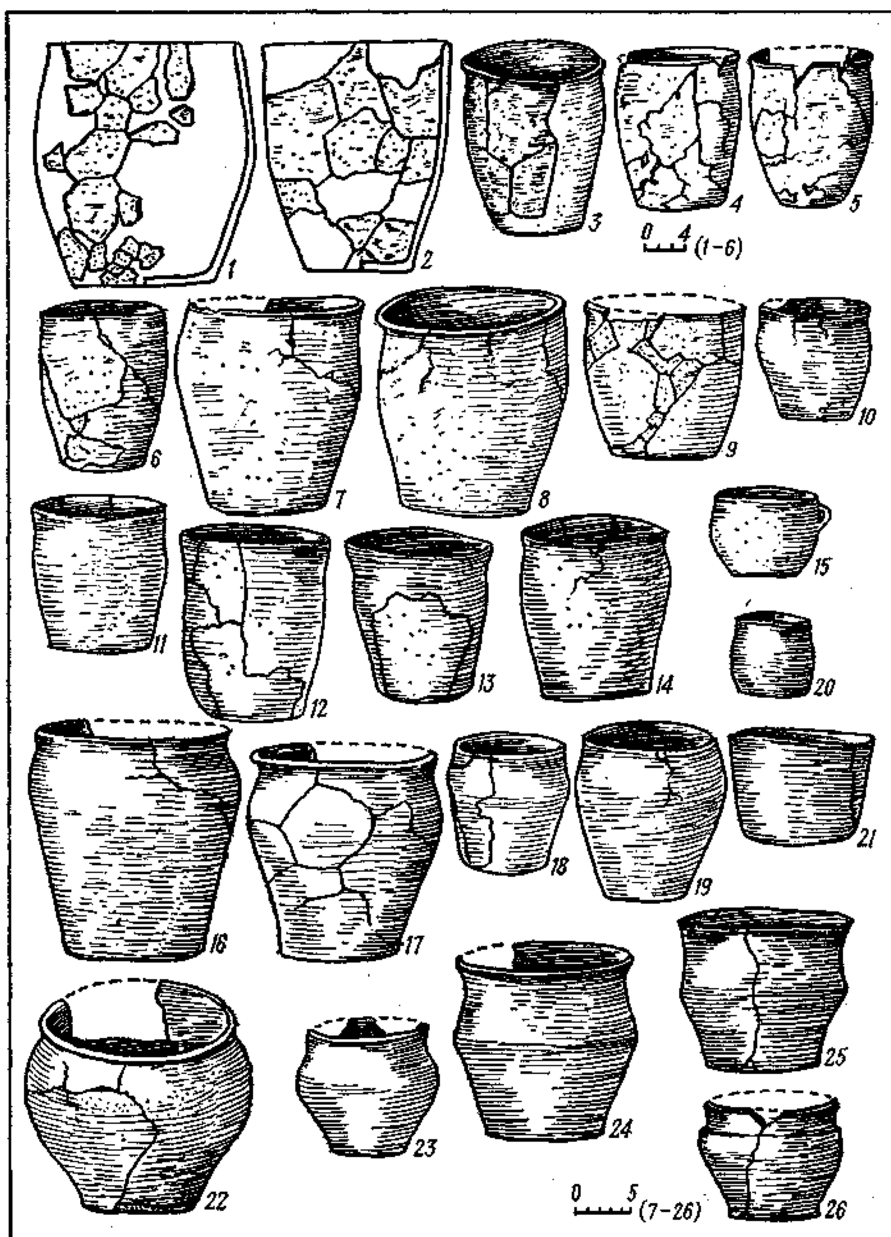

Рис. 47. Глиняные сосуды: 1, 6, 9, 12, 13 — селище Дедиловичи (1 — жилище 33, 6 — жилище 10, 9 — жилище 32; 12, 13, 18 — жилище 2); 2 — селище Городище (жилище 22); 3, 2 — из погребения 1 селища Ревячка; 4, 5, 7, 8, 10, 11, 14—17, 19, 20, 22—26 (по А. Н. Лявданскому)

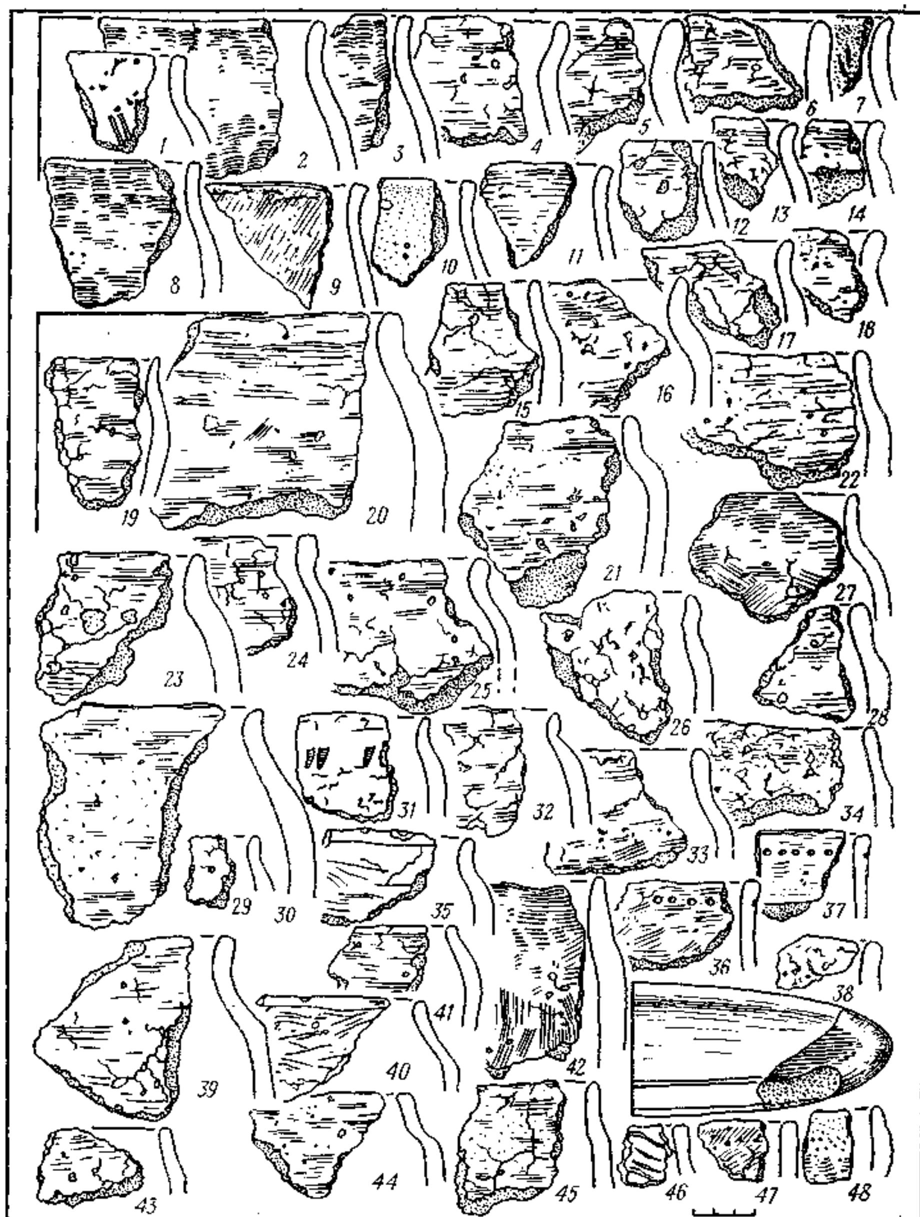

Рис. 48. Селище Ревячка. Керамика: 1—48 — обломки сосудов; 49 — обломок сковороды

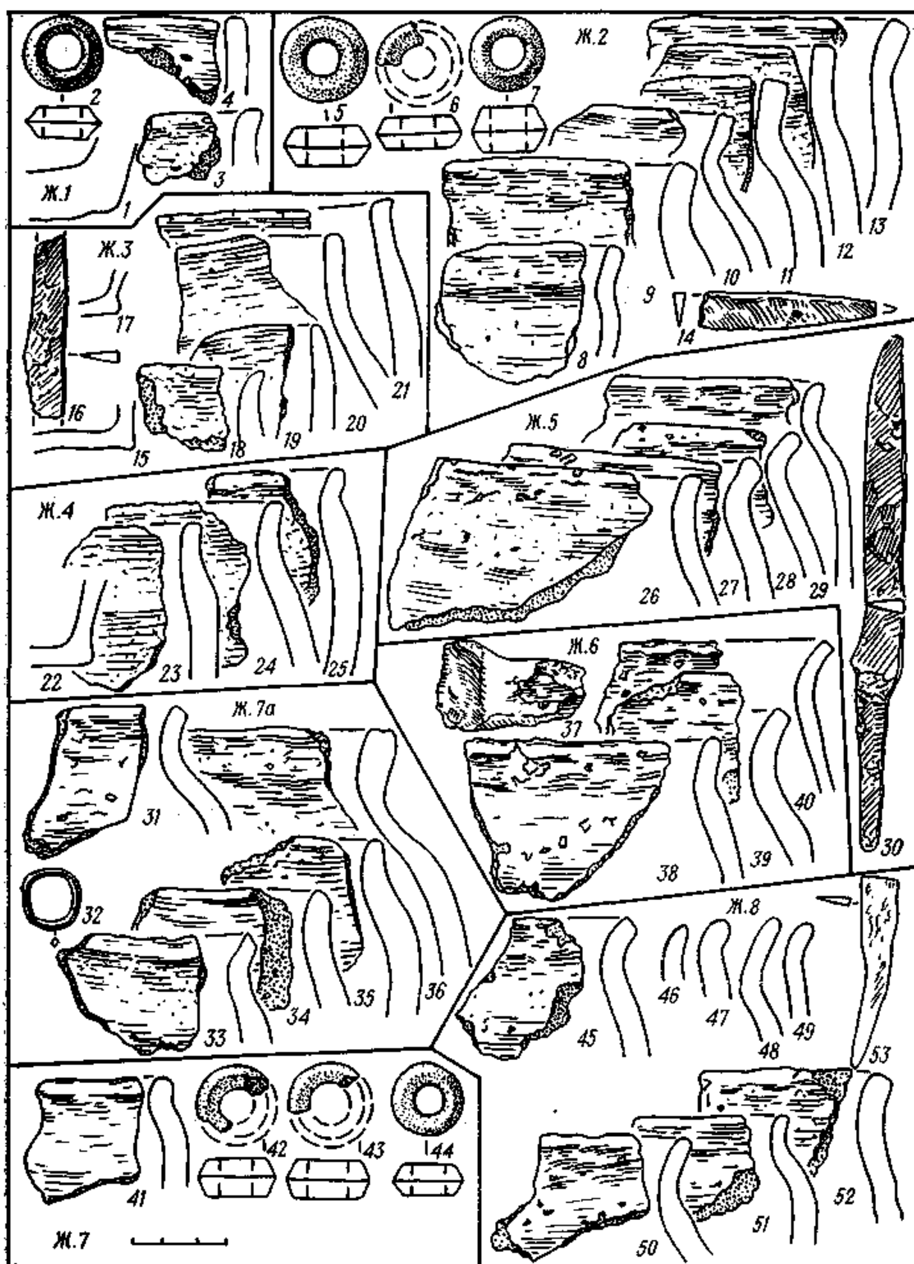

Рис. 49. Селище Городище. Находки из жилища: 1—4—жилище 2; 16—21—жилище 3; 22—25—жилище 4; 26—30—жилище 5; 31—36—жилище 7а; 37—40—жилище 6; 41—44— жилище 7; 45—53— жилище 8

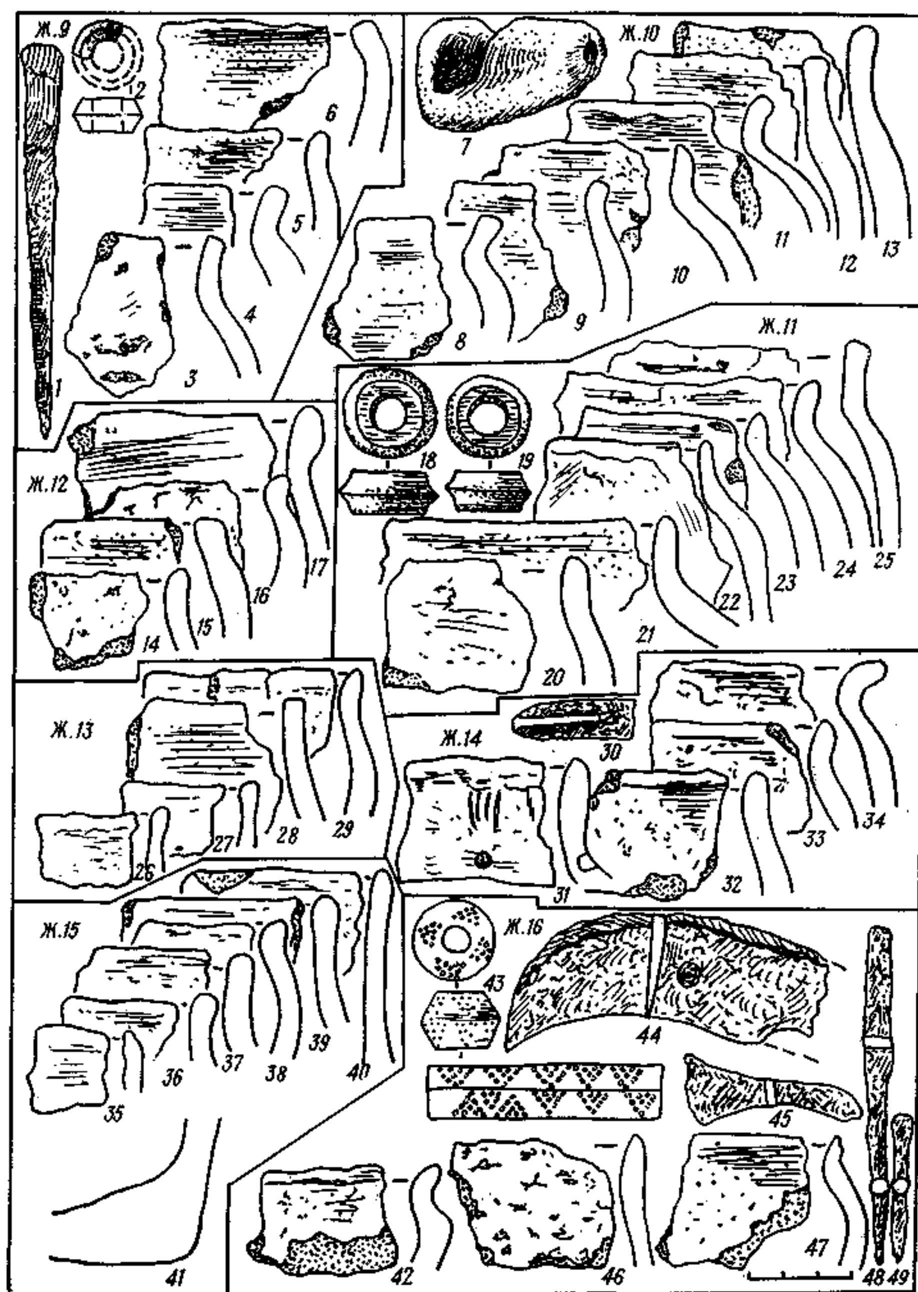

Рис. 50. Селище Городище. Находка из жилища: 1—6— жилище 9; 7—13— жилище 10; 14—17 —жилище 12; 18—25 —жилище 11; 26—29 —жилище 13; 30—34 — жилище 14; 35—41 — жилище 15; 42—49 — жилище 16

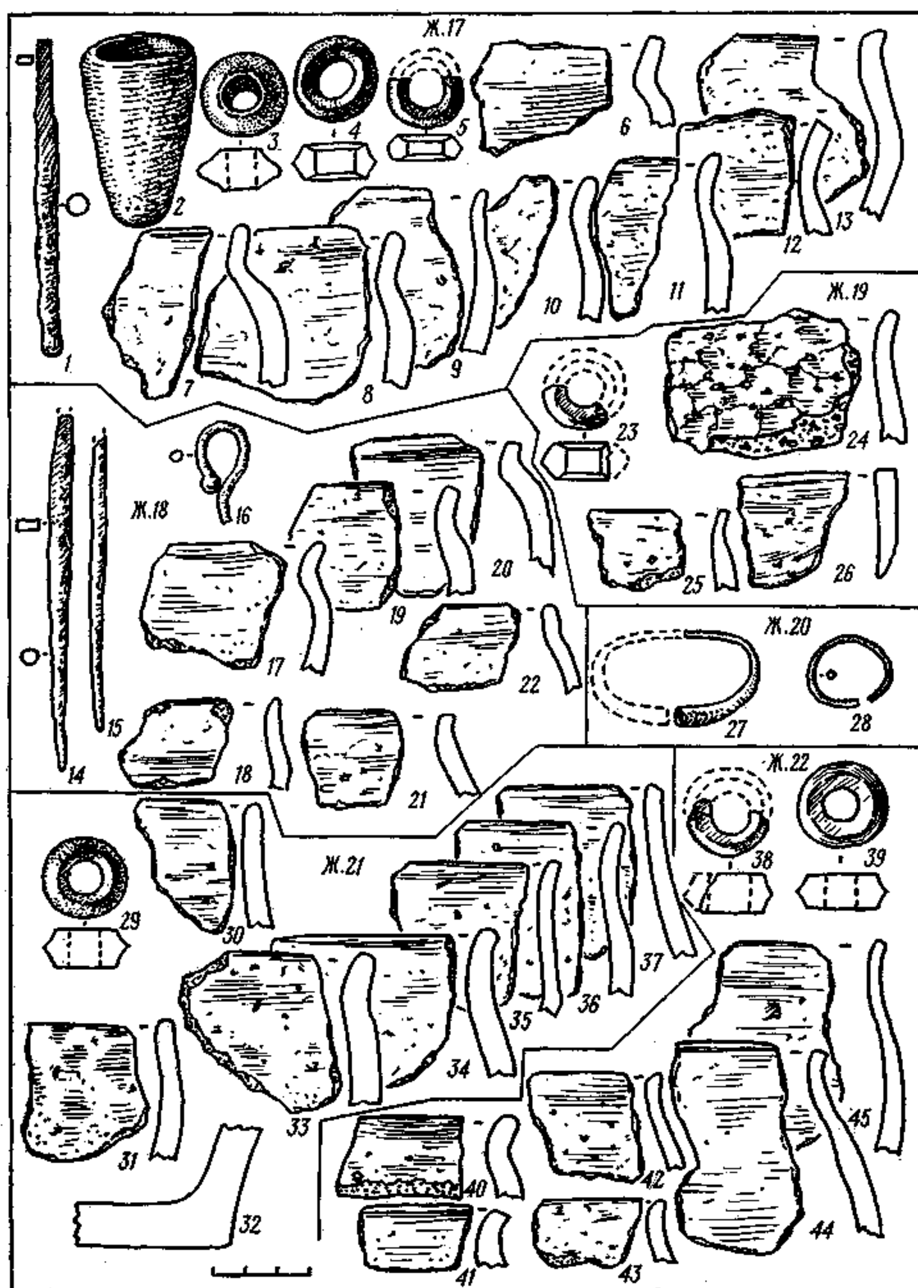

Рис 51. Селище Городище. Находки из жилищ: 1—13 —жилище 17; 14—22— жилище 18; 23—26— жилище 19; 27, 28— жилище 20; 29—37 — жилище 21; 38—45— жилище 22

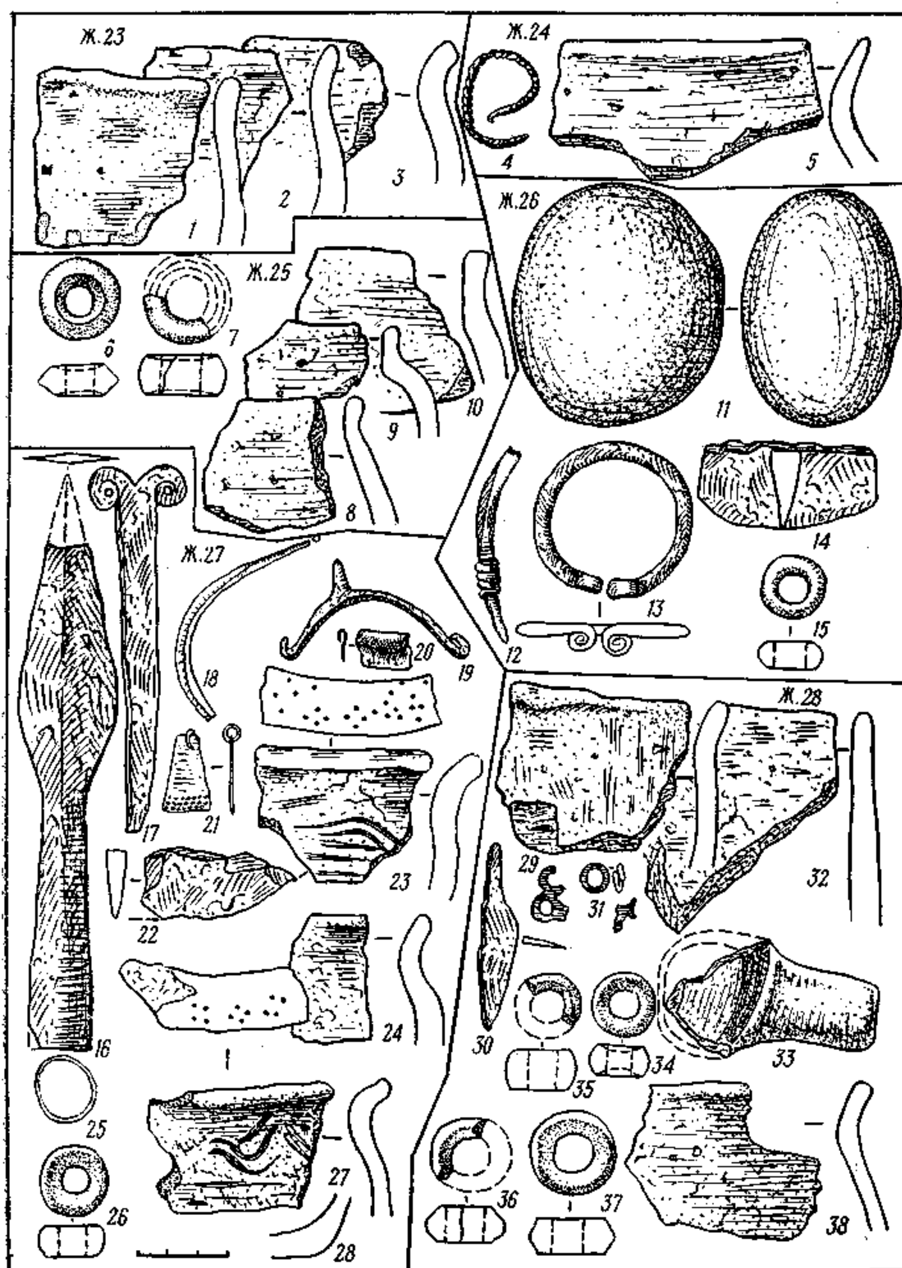

Рис. 52. Селище Городище. Находки из жилищ: 1—3— жилище 23; 4, 5— жилище 24; 6—10 — жилище 25; 11—15 —жилище 26; 16—28 —жилище 27; 29—38 —жилище 28

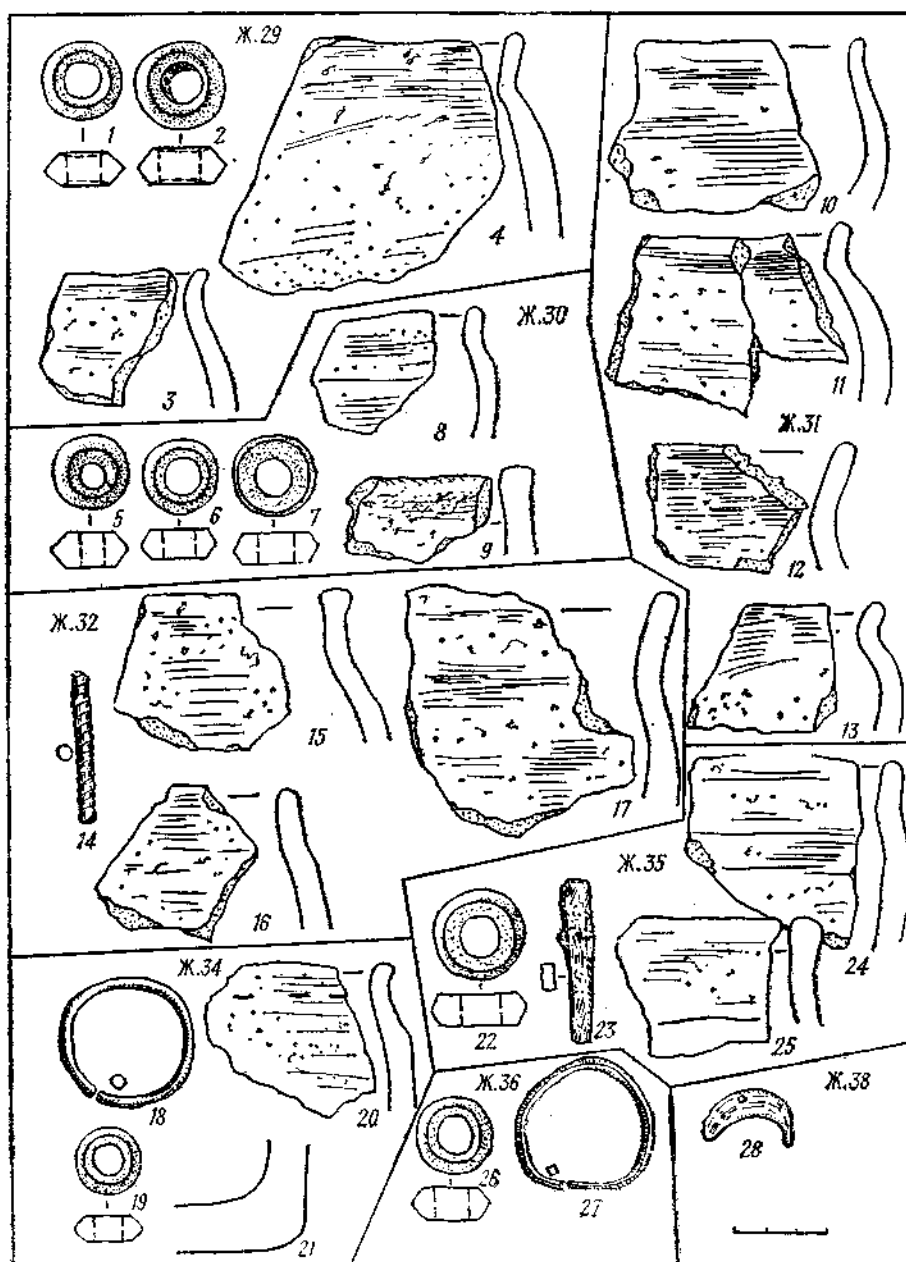

Рис. 53. Селище Городище. Находки из жилищ: 1—4 — жилище 29; 5—9— жилище 30; 10—13— жилище 31; 14—17— жилище 32; 18—21— жилище 34; 22—25 — жилище 35; 26, 27 — жилище 36; 28 — жилище 38

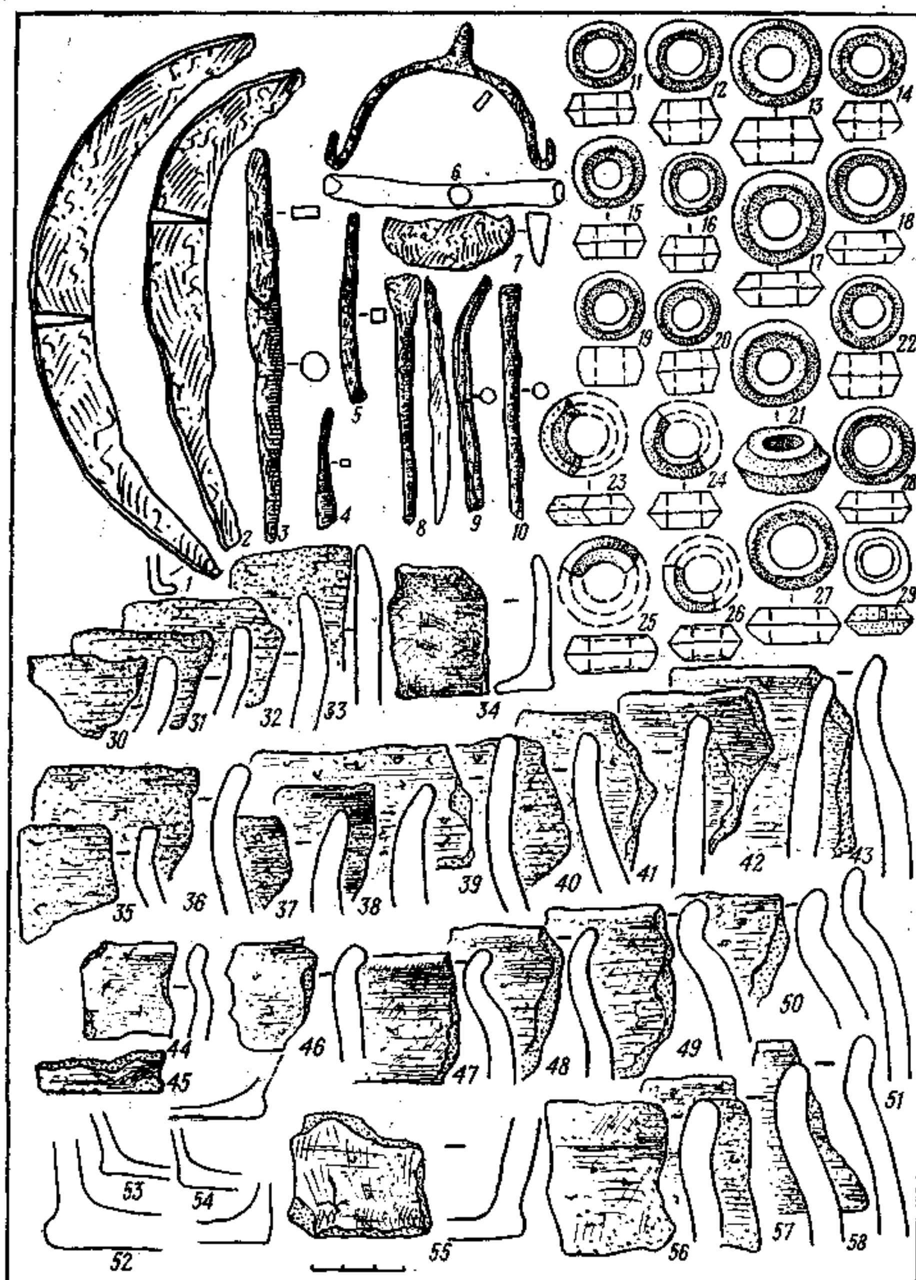

Рис. 54. Селище Городище. Находки вне жилищ

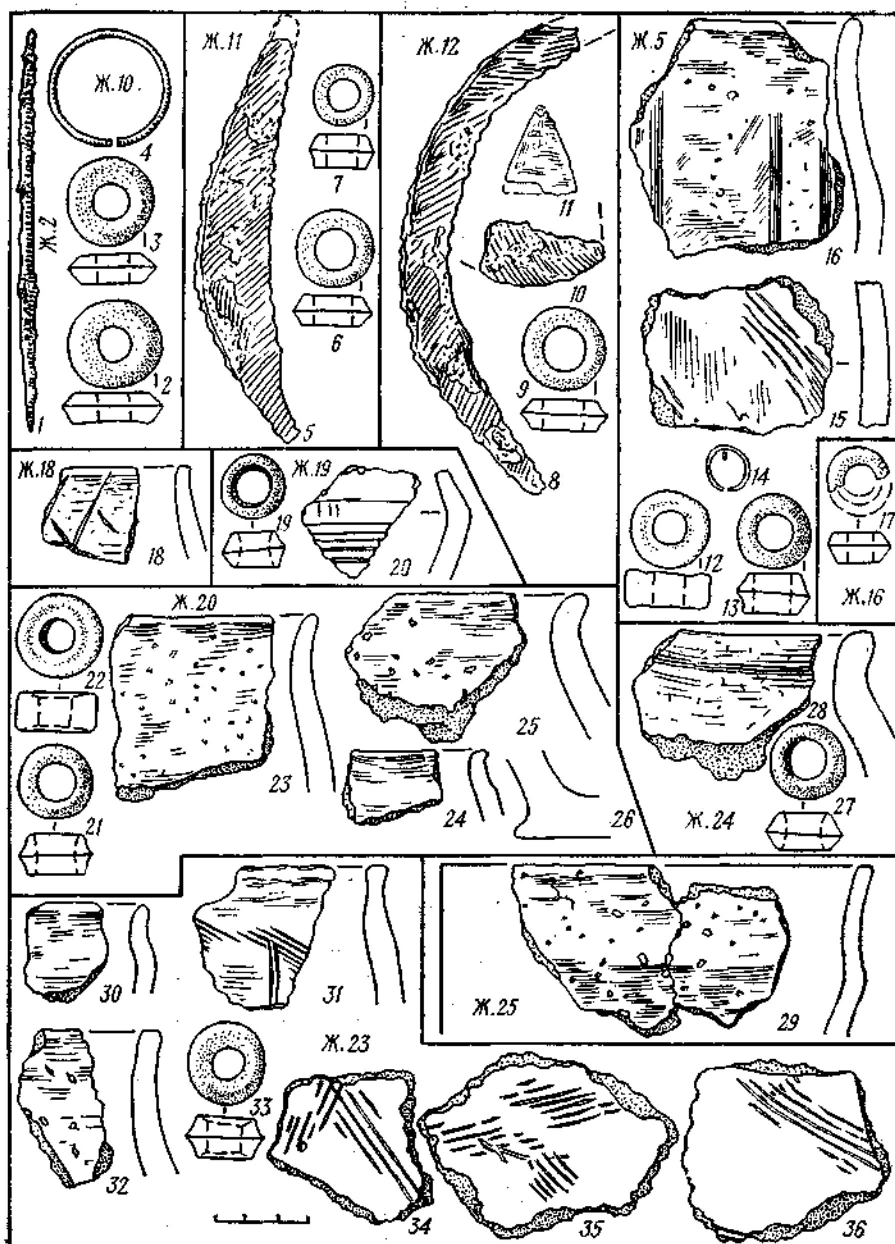

Рис. 55. Селище Дедиловичи. Находки из жилищ: 1 — жилище 2; 2—4 — жилище 10; 5—7 — жилище 11; 8—11 — жилище 12; 12—16 — жилище 15; 17 — жилище 16; 18 — жилище 18; 19, 20 —жилище 19; 21—26 — жилище 20; 27—28—жилище 24; 29 —жилище 25; 30—36 —жилище 23

Рис. 56. Селище Дедиловичи. Находки из жилищ: 1—6 — жилище 30; 7—12 — жилище 32; 13—17 — жилище 34; 18—21 — жилище 35; 22—24 — жилище 36; 25—27 — жилище 38; 28—30, 43—47 — жилище 48; 31 — жилище 39; 32 — жилище '41; 33—35 — жилище 47; 36—42 — жилище 43

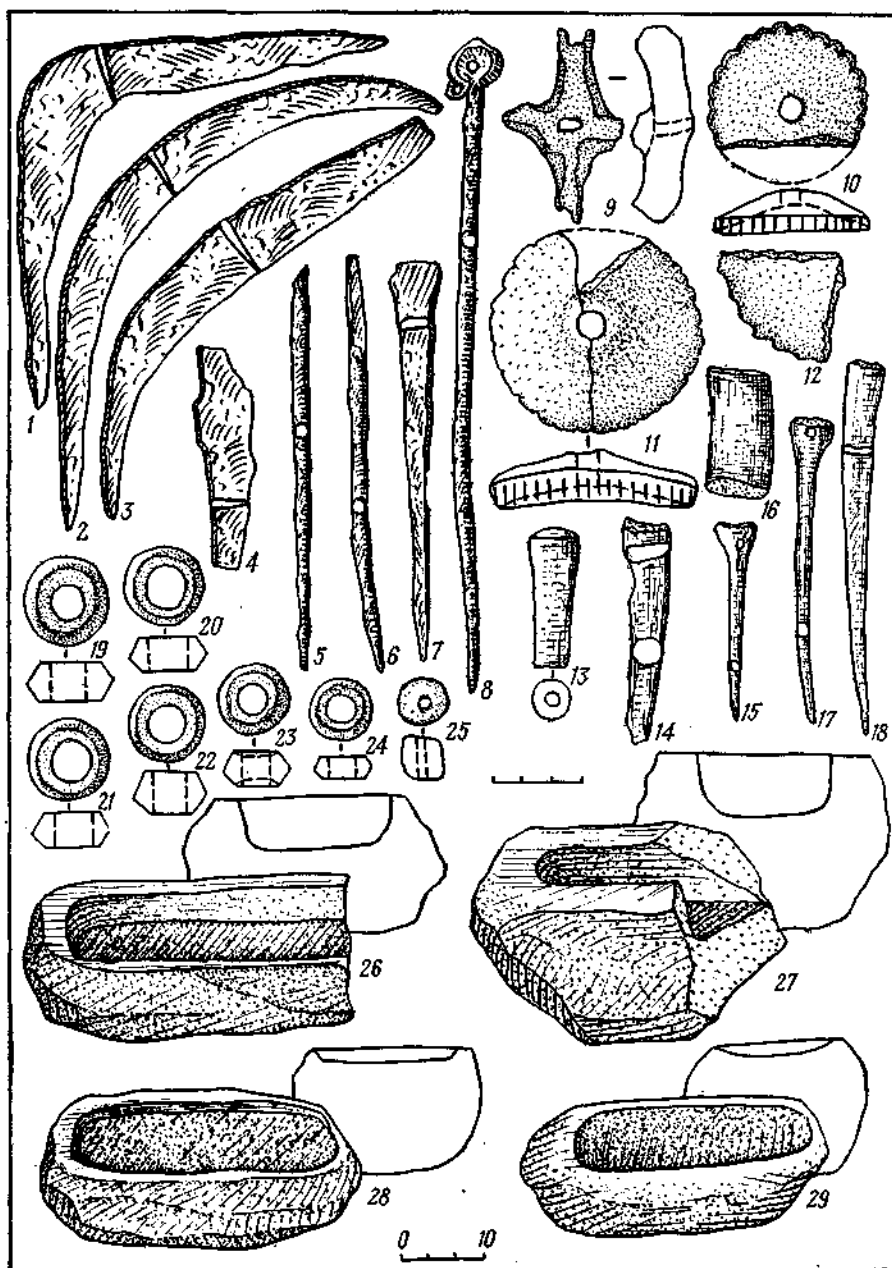

Рис. 57. Городище Городище. Изделия из железа, кости, глины и камня (верхний горизонт)

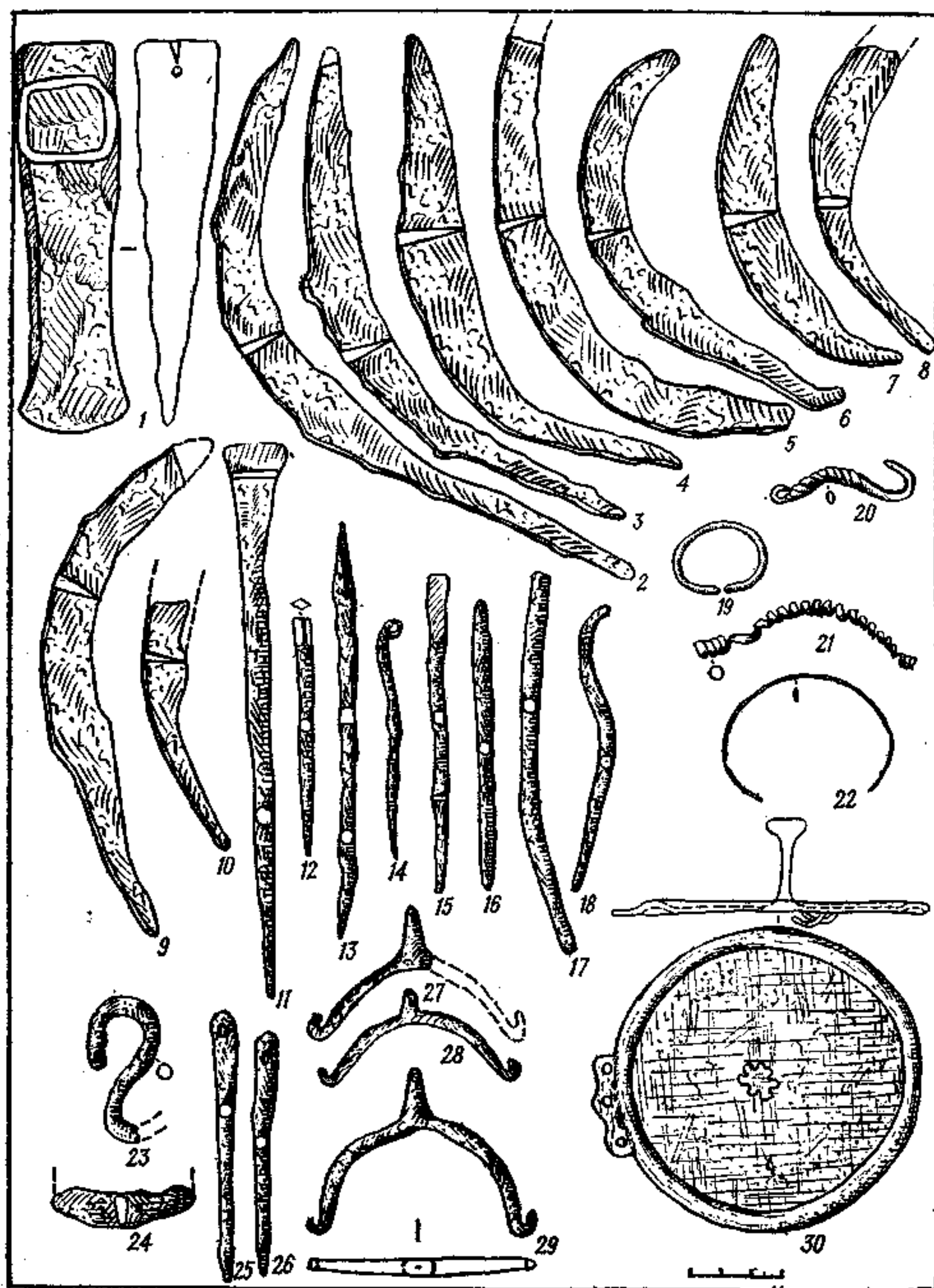

Рис. 58. Городище Городище. Изделия из железа и бронзы

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем краткие итоги. До III—V вв. н. э. значительные области западной половины лесной полосы Восточной Европы заселяли многочисленные племена, имевшие различные культуры. В Верхнем и Среднем Подвинье, в районе Себежских озер и в левобережье верхнего течения р. Великой, а также в Смоленском Поднепровье обитали племена днепродвинской культуры. К югу от них, в Подесенье, жили родственные им племена юхновской культуры, а к востоку, в верховьях Оки — племена верхнеокской культуры. Северную и северо-западную часть Белорусского Поднепровья и бассейн Верхнего Понеманья заселяли племена культуры штрихованной керамики. Полное отсутствие генетической связи между этими культурами, с одной стороны, и более поздними, бесспорно, славянскими древностями, с другой, позволяет относить все эти племена к дославянскому населению. В настоящее время можно считать доказанным, что ареалы всех культур, исключая зарубинецкую культуру, полностью совпадают с теми областями, в которых распространена массовая восточнобалтийская гидронимия. Поэтому есть основание полагать, что эти культуры были оставлены племенами врсточнобалтской языковой группы. Вопрос об этнической принадлежности зарубинецкой культуры до сих пор остается предметом оживленных споров. Одни исследователи (П. Н. Третьяков и др.) считают ее славянской, другие ведут ее происхождение от поморской культуры (Ю. В. Кухаренко) и связывают с западными балтами (В. В. Седов).

На протяжении первой половины I тысячелетия н. э. в жизни балтоязычных племен происходили весьма существенные изменения: менялся характер поселений и жилищ и весь облик материальной культуры. В условиях распада первобытнородовых отношений стало экономически невыгодным проживать в укрепленных поселках-городищах. Поэтому первоначально в южных, а затем и в более северных районах Верхнего Поднепровья население стало переходить на открытые поселения — селища. Вместо больших общинных домов, характерных для городищ, на селищах возникали небольшие по размерам жилища, рассчитанные на малые семьи. Под влиянием зарубинецкой культуры изменялся характер керамики на поселениях юхновской и южной части ареала днепродвинской культур. Как показали исследования ряда археологов (Е. А. Шмидт, А. К. Амброз и др.), уже на рубеже и в начале нашей эры начался процесс смены керамического комплекса, выразившийся в постепенном распространении сравнительно высоких слабопрофилированных и мисковидкых сосудов, несущих на себе некоторые черты зарубинецкой

керамики (защипы и насечки по краю венчика, подлощеиные и лощеные миски). Позднее, по-видимому, к концу III—IV вв., аналогичные изменения в керамике происходили и на поселениях северной части ареала днепродвинской культуры, и на городищах культуры штрихованной керамики. Как и на юге, здесь распространялись слабопрофилированные сосуды, на поселениях культуры штрихованной керамики исчезал прием покрывать сосуды штрихами.

Все эти изменения совпали с начавшимся в конце I тысячелетия до н. э. переселением племен зарубинецкой культуры сначала на восток — в Подесенье, а затем на север — в Белорусское и Смоленское Поднепровье и северо-восток — в бассейн Верхнего Поочья.

Археологические материалы свидетельствуют, что зарубинецкие племена на новых местах не вытесняли местное балтоязычное поселение, а постепенно смешивались с ним, что в конечном итоге приводило к возникновению новых, родственных между собой культур — почепской, на Десне, культуры типа Адаменского селища, среднего слоя Тушемлянского городища на верхнем Днепре.

Влияние зарубинецкой культуры на севере, как уже отмечалось, достигало лишь района Смоленска. В более северных районах оно почти не ощущалось. Мало этого, даже в южных областях Верхнего Поднепровья зарубинецкие черты с течением времени почти полностью исчезли. К V в. на базе изменения культуры штрихованной керамики, днепродвинской и юхновской культур при активном участии культур Почепской и типа Адаменки сложилась единая культура типа верхнего слоя Тушемлянского и Банцеровского городищ. Важно подчеркнуть, что эта культура вобрала в себя много черт, свойственных Почепской культуре и культуре типа Адаменского селища: сохранились открытые селищэ, полуземляночный тип жилищ и наземные жилища столбовой конструкции, цилиндроконические сосуды и сосуды с прочесами, не изменился погребальный обряд. Повсеместно распространились и стали господствующей формой слабопрофилированные и тюльпановидные сосуды.

Распространение вновь возникшей культуры в северных и северо-западных районах, несомненно, было связано с переселением части ее носителей в северную половину Верхнего Поднепровья, в бассейны Верхнего и Среднего Подвинья и Верхнего Понеманья. Ассимиляция местного населения происходила не сразу, а постепенно. Первоначально (по-видимому, еще в IV в. н. э.). были ассимилированы племена, заселявшие поречья Березины и Друти (могильники селища Мирославка, селища Заречье, Круглое, Малое Стахово и др.). В это время были колонизованы и северные районы Смоленщины (могильники и поселения Акатово, Заречье и др.). Несколько позже ассимилировались племена, жившие в Верхнем и Среднем Подвинье и в Верхнем Понеманье. К середине I тысячелетия н. э. эта культура распространилась по широкой территории— от Подесенья и Среднего Поднепровья на юге до Верхнего Подвинья на севере и от Верхнего Поднепровья на востоке до Верхнего Понеманья на западе. Ареал этой культуры на западе достигал территории современных Литвы (селище Гольшаны в Ошмянском районе) и Латвии (селище Волкорезы в Лудзенском районе ЛатССР).

Таким образом, новая культура типа верхнего слоя Банцеровщины и Тушемли, сложившаяся на базе местных культур, принадлежность которых восточным балтам представляется бесспорной, по своему происхождению является балтской. Поэтому вопрос о ее этнической принадлежности должен быть решен только в пользу балтов. Одинаковый ха-

рактер поселений, единый погребальный обряд, преобладание над всеми другими типами керамики одинаковых по форме и пропорциям слабопрофилированных и тюльпановидных сосудов позволяют рассматривать эту культуру в пределах всего ее ареала как единый культурно-археологический массив, принадлежащий одной восточнобалтской этнической общности. Этот вывод находит подтверждение и в данных гидронимии: ареал культуры полностью совпадает с той областью, в которой в очень большом количестве распространены балтские гидронимы. Вместе с тем необходимо отметить, что между южной и северной частями ареала этой культуры наблюдаются некоторые различия, касающиеся типов жилищ и отдельных форм керамики. Но они не настолько существенны, чтобы на основании их расчленять единый культурно-археологический массив на самостоятельные культуры. Различия эти дают лишь основания для выделения отдельных вариантов в рамках одной культуры. Они будут вполне объяснимы, так как сама культура складывалась на базе нескольких культурно-археологических компонентов. На раннем этапе жизни основным типом поселений племен были открытые поселения — селища. Но с возникновением и усилением опасности, вызванной обострением противоречий между племенами, в северной половине ареала культуры они стали селиться около запустевших городищ раннего железного века, предварительно превращая их в убежища. Основными отраслями хозяйства были подсечное земледелие и скотоводство. Охота и рыболовство носили подсобный характер. Для сбора урожая применялись более совершенные по сравнению с ранними серпы. Размол зерна производился на более крупных зернотерках, но появлялись жернова.

На поселениях были развиты разнообразные ремесла, которые, вероятнее всего, носили домашний характер. Железо добывалось сыродутным способом, но кузнечное дело все больше совершенствовалось. Было развито бронзолитейное дело. Наряду с бронзой использовались легкоплавкие металлы — олово и свинец. Продолжали развиваться прядение и ткачество. При строительстве жилищ и других хозяйственных и производственных построек широко применялось дерево. Из дерева изготавливали также рукояти серпов, шильев, ножей, копьевищ, древков и т. п.

Изучаемые племена по сравнению с племенами раннего железного века стояли на более высокой ступени общественного развития. Исчезновение патриархально-родовых поселков-городищ свидетельствует о наличии у них такой общественной (и военной) организации (по-видимому, союза племен), которая обеспечивала безопасность отдельных общин. Родовые институты еще сохранились (отсутствие хозяйственных комплексов при жилищах, расположение последних группами т. п.), но их значение все больше уменьшалось. На селищах, размеры которых превосходили площадь ранних городищ, вероятнее всего, проживали члены не одного, а нескольких родов. Зарождалась сельская (территориальная) община, в которой все большую роль начинали играть не кровнородственные, а экономические связи.

Прекращение жизни на открытых поселениях и исчезновение городищ-убежищ на территории Белоруссии, несомненно, было связано с продвижением восточнославянских племен, начавшимся не ранее VII—VIII вв.: на севере кривичей, а на юге дреговичей и радимичей. Как показали исследования языковедов и археологов, восточнославянские племена, осваивая новые земли, не вытесняли местное балтоязычное население, а постепенно ассимилировали его. Процесс ассимиляции балтов славянами завершился в основном в IX—X вв.

ЛИТЕРАТУРА

Р а з д е л I

[1] О. Н. Мельниковская. Племена южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967.
[2] Ю. В. Кухаренко. Зарубинецкая культура. САИ, вып. Д1-19. М., 1961.
[3] Л. Д. П о б о л ь. Славянские древности Белоруссии. Мн., 1971.
[4] П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966.
[5] В. В. С е д о в. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970.
[6] Ф. В. Покровский. К исследованию бассейна Вилии в археологическом отношении. ТАС, X, т. 1. М., 1899, с. 165—167.
[7] Ф. В. Покровский. К исследованию курганов и городищ на восточной окраине современной Литвы. ТАС, IX, т. 1. Вильна, 1893, с. 138.
[8] Ф. В. Покровский. Археологическая карта Виленской губернии. Труды Виленского отделения Московского предварительного комитета по устройству IX археологического съезда. Вильна, 1893.
[9] А. Н. Ляўданскі. Раскопкі і археалагічныя разведкі ў Барысаўскім павеце. НЗІБК. Мінск, 1925, с. 84—93.
[10] А. Н. Ляўданскі. Кароткае паведамленне аб доследах культур эпохі жалеза ў БССР у 1930—1931 гг. Працы секцыі археалогіі, т. III. Мн., с. 230—235.
[11] А. Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии, т. 3, ч. 3. Смоленск, 1926, с. 179—195.
[12] А. Н. Ляўданскі. Археалагічныя доследы ў вадазборах рр. Сожа, Дняпра і Касплі ў Смаленскай губ. Працы археалагічнай камісіі, т. II. Мн., 1930, с. 269.
[13] А. Н. Лявданский. 1. Археологические исследования в БССР после Октябрьской революции. Сообщения ГАИМКЛ, № 7—8. Л., 1932, с. 56—60. 2. Археалапчныя доследы ў БССР пасля Кастрычніцкай рэвалюцыіі. Працы секцыі археалогіі, т. III. Мн., 1932, с. 211—218.
[14] С. А. Д у б і н с к і. 1. Чаркасоўскае гарадзішча пад Воршай. 2. Гарадзішча каля в. Германоў Аршанскай акругі. Працы археалагічнай камісіі, т. II. Мінск, 1930, с. 71—80.
[15] В. Р. Т а р а с е н к о. Городище Барсучья Горка. КСИИМК, XV. М., 1945.
[16] Архив ЛОИА, ф. 5, д. 370, л. 195.
[17] В. И. Р а в д о н и к а с. Некоторые моменты возникновения феодализма в лесной полосе Восточной Европы по археологическим данным. Известия ГАИМК. Л., 1933.
[18] П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА, 6. Л.— М., 1941.
[19] Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 88.
[20] М. И. Артамонов. Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси. КСИИМК, вып. VI. Л., 1940, рис. 8, 1, 3—6.
[21] Я. В. С т а н к е в и ч. Керамика нижнего горизонта Старой Ладоги. СА, т. XIV, XV. М., 1950.
[22] Е. Голубович и В. Голубович. Славянские поселения правобережной Диены в Вилейском округе. КСИИМК, вып. XI. М., 1945.
[23] С. А. Тараканова. Себежские городища и курганы. ТПЭ, т. I. М., 1959.
[24] Ф.Д. Г у р е в и ч. Археологические памятники Великолукской области. КСИИМК, 62. М., 1956.
[25] В. В. Седов. Городища Себежского поозерья. В сб. «Studia archeologica in memoriam Harri Moora». Tallin, 1970, с. 166—171.
[26] Очерки по археологии Белоруссии, ч. I. Мн., 1970, с. 24—254.

[27] Л. В. Алексеев. Археологические памятник» эпохи железа в среднем течении Западной Двины. ТПЭ, т. 1. М., 1959.
[28] Ф. Д. Гу р ев и ч. Древности Белорусского Понеманья. М.— Л., 1962.
[29] См. работы К. П. Шута в книгах «Древности Белоруссии», за 1966—1969 гг.
[30] Ю. В. Кухаренко. Средневековые памятники Полесья. САИ, вып. El—57. М., 1961.
[31] Э. А. С ы м о н о в и ч. Городище Колочин I на Гомелыцине. МИА, № 108. М., 1963.
[32] Л. Д. П о б о л ь. Итоги изучения древностей железного века Белорусского Поднепровья. В кн.: «Древности Белоруссии». Мн., 1969, с. 89—117.
[33] Очерки по археологии Белоруссии, ч. П. Мн., 1972, с. 16—24.
[34] А. Г. Митроф а нов. 1. Памятники восточнобалтских племен. В кн.: «Очерки по археологии Белоруссии», ч. I. Мн., 1970, с. 184—187, 210—212; Территория распространения и происхождение культуры штрихованной керамики. В кн.: «Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии». Мн., 1970, с. 69—75.
[35] Э. М. Загорульский. Отчеты о полевых работах за 1973, 1975 и 1976 гг. Архив ИИ АН БССР.
[36] Г. Ф. Соловьева. Отчеты о полевых работах за 1968 г. Архив ИИ АН БССР.
[37] В. В. Седов. Поселения культуры штрихованной керамики. В кн.: Ksigga Pamiatkowa dla uczcienia Pomieci, prof. W. Holubowicza. Warszawa, 1966, № 56, s. 182.
[38] Я. Я. Граудонис. Штрихованная керамика на территории ЛатвССР и вопросы этногенеза балтов. В кн.: «Проблемы этнической истории балтов. Тезисы докладов». Рига, 1977, с. 26—29.
[39] Ю. В. Кухаренко. Памятники железного века на территории Полесья. САИ, вып. Д1—29. М., 1962.
[40] К. М. П а л і к а р п о в і ч. Вынікі археалагічных даследаванняў на Беларусі пасля Кастрычніцкай сацыялістычнай рэвалюцыі. «Весці АН БССР», 1947, вып. 1, с. 65.
[41] О. Н. Мельниковская. Племена южной Белоруссии..., стр. 55.
[42] М. М. Чернявский. Отчет о полевых работах за 1964 г. Архив ИИ АН БССР.
[43] О. Н. Мельниковская. Племена южной Белоруссии..., с. 105, рис. 44, с. 107, рис. 46.
[44] М. М. Чернявский. Отчет о полевых работах за 1975 г. Архив ИИ АН БССР.
[45] М. А. Т к а ч е в. Отчет о полевых работах за 1972 г. Архив ИИ АН БССР.
[46] А. Г. Ми т р о ф а н о в. Августовское городище. В кн.: «Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии», с. 78—81, рис. 2.
[47] А. М. Л я ў д а н с к і. Кароткае паведамленне.., с. 234.
[48] Там же.
[49] А. М. Л я ў д а н с к і і К. М. П о л і к а р п о в і ч. Да гісторыі жалезнай прамысловасці на Беларусі па даных археалогіі. «Савецкая краіна», 1932. № 5, с. 71.
[50] К. П. Шут. Городище Кубличи Ушачского района. В кн.: «Древности Белоруссии», с. 265.
[51] Я. В. Станкевич. К истории населения Верхнего Подвинья в I и нач. II тысячелетия н. э. МИА, № 76. М.— Л., 1960, с. 42, 49, 53.
[52] Ф. Д. Гуревич. Из истории юго-восточной Прибалтики. МИА, № 76. М.—Л., 1960, с. 363, 367, 370.
[53] А. Г. М и т р о ф а н о в. Банцеровское городище. В кн.: «Белорусские древности». Мн., 1967, с. 252.
[54] П. Н. Третьяков и Е. А. Ш ми дт. Древние городища Смоленщины. М., 1963, с. 65.
[55] Л. Э. Кржевицкий. Последние моменты неолитической эпохи в Литве. В кн.: «Сборник в честь 70-Летия проф. Д. Н. Анучина». М., 1913, с. 308.
[56] Ф. Д. Гуревич. Из истории юго-восточной Прибалтики, с. 367.
[57] Я. В. С т а н к е в и ч. К истории населения Верхнего Подвинья..., с. 79.
[58] П. Н. Т р еть я ко в и Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины, с. 65.
[59] Т а м ж е, с. 60.
[60] Мы публикуем краткое описание раскопок и иллюстрации о Вязынке. Подробный текст (без иллюстраций) опубликован в сб. «Материалы по археологии Белоруссии». Мн., 1957, *с.* 155—164.
[61] А. Г. М и т р о ф а н о в. Банцеровское городище, с. 257, рис. 3, 2, 3.
[62] Lietuvos tsr archeologijos. Atlasas. Vilnius, t. 2, 1975, s. 10 (рис. l, 2).
[63] Там же, с. 11—13, рис. 3, 46.
[64] Е. А. Дан и л а й те. Штрихованная керамика в Литве. Автореф. канд. дис. Вильнюс, 1968, с. 16.
[65] Т а м ж е, с. 17—20.
[66] H. Moora. Die Eisenzeit in Lettland, t. I. Tartu, 1938, S. 494 (рис. 74); S. 491 (рис. 73).
[67] А. Г. М и т р о ф а н о в. Августовское городище, с. 74—81, рис. 21.

[68] А. Г. М и т р о ф а н о в. Банцеровское городище, с. 252, рис. 2, 3.
[69] J. K o s t r z e w s k i. Od mesolitu do okresu wgdröw ludow Encyklopedija Polska. Krakow, 1939—1945, s. 177, 178, 192.
[70] H. M o o r a. Vorzeit Estland. Tartu, 1932, s. 33 (рис. 26, 6).
[71] W. G a e r t e. Urgeschichte Ostproußen. Königsberg, 1929, с. 251, рис. 194-е.
[72] Т а м ж е, с. 252.
[73] В. П. Л е в а ш е в а. Сельское хозяйство. Очерки по истории русской деревни X—XII вв. «Труды ГИМ», вып. 32, 1956, с. 50—60.
[74] Ю. А. Краснов. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М., 1971, с. 68—76.
[75] Ю. А. Краснов. Раннее земледелие..., с. 74.
[76] Т а м ж е, с. 78.
[77] А. Г. М и т р о ф а н о в. Банцеровское городище, с. 252, рис. 2, 4.
[78] Ю. В. К у х а р е н к о. Зарубинецкая культура, с. 54, табл. 14, 9.
[79] Т а м же, с. 53; А. К. А м б р о з. Фибулы зарубинецкой культуры. МИА, № 70. М., 1959, с. 150.
[80] Ю. В. К у х а р е н к о. Зарубинецкая культура, с. 53.
[81] Л. Д. Поболь. Славянские древности Белоруссии, 1971, с. 106, 107, рис. 57, 58.
[82] P. Kulikasnas, R. Kulikayskiene, A. Tautavicius. Lietuvosarcheologijos bruozai, Vilnius, 1961, c. 228, 153.
[83] J. D e c h e l e 11 e. Manuel D'archeologie, t. II. Pares, с. 128.
[84] Э. Круживицкий. Последние моменты неолитической эпохи в Литве, с. 317, рис. 13, 14.
[85] Э. Д. Шноре. Асотское городище. МИА ЛитССР, т. XI. Рига, 1951, с. 17—18.
[86] М. X. Ш м и д е х е л ь м. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н. э.— V в. н. э.). Таллин, 1955, с. 55, 56 (рис. 10, 1, 3—8; рис. И, 1, 24).
[87] W. L a e r t e. Urgeschichte Ostproußen. L. 257.
[88] О. Н. Мельниковская. Племена Южной Белоруссии..., с. 86, рис. 37, 10—12, 14, 15; стр. 90, рис. 38, 2.
[89] Т а м ж е, с. 89.
[90] В. В. С е д о в. Булавка восточных балтов эпохи раннего железа. В кн.: «Acta baltico-slavica». Biatystok, V, 1967, с. 129—146.
[91] О. Н. Мельниковская. Племена Южной Белоруссии, с. 184.
[92] Ebert. Reallekikon der Vorgeschichte, t. I, II, VII, VIII, XIX.
[93] М. X. Ш м и д е х е л ь м. Археологические памятники..., с. 136.
[94] А. Г. М и т р о ф а н о в. Августовское городище, с. 8, рис. 2, 2.
[95] А. Г. М и т р о ф а н о в. Банцеровское городище, с. 252, рис. 2, 1.
[96] Н. M o o r a. Die Eisenrait in Lettland, S. 510, рис. 73, 3.
[97] Л. Д. П о б о л ь. Славянские древности Белоруссии, с. 103, рис. 55, 2—4.
[98] Ebert. Realledikon der Vorgeschichte, т. 19, с. 28, табл. 225, *б.*
[99] Ф. В. Покровский. К исследованию курганов и городищ на восточной окраине современной Литвы, с. 156, рис. 55, 15.
[100] Л. Д. Поболь. Славянские древности Белоруссии, 1971, с. 103, рис. 3, 55, 1.
[101] О. Н. М е л ь н и к о в с к а я. Племена Южной Белоруссии..., с. 81.
[102] Marek Ged1. Cmentarzysno kultury luzyckiej. W. Dankowie, Pow. Klobuck, cz. II. «Materialy archeologiczne», m. III. Krakow, 1961, tabl. V, 19.
[103] П. Д. Л и б е р о в. Памятники скифского времени бассейна Северного Донца. МИА,. № 113. М., 1962, с. 39, рис. 8, 8, 9.
[104] А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананоинскую эпоху. МИА, № 30. 1952, с. 15, табл. И, 15, табл. XVIII, 7.
[105] А. П. Смирнов. Железный век Чувашского Поволжья. М., 1961, с. 36, рис. 7,. 9—12.
[106] Ю. В. Кухаренко. Археология Польши. М., 1969, с. 140, табл. XVIII, 10.
[107] Б. А. Р ы б а к о в. Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 87.
[108] А. В. Арциховский. Бородинское городище. Труды С. А. РАНИОН, т. II, 1928, с. 83, 84.
[109] Б. Д. Г р е к о в. Киевская Русь. М., 1949, с. 39.
[110] П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА. Л., 1941, с. 31.
[111] А. Г. М и т р о ф а н о в. Банцеровское городище, с. 260.
[112] П. Н. Третьяков. Подсечное земледелие в Восточной Европе.
[113] П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, с. 163.
[114] Д. К. Зеленин. Описание рукописей ученого архива Русского Географического общества, вып. II. Пг., 1915, с. 703.
[115] В. И. Г р о м о в. Остатки млекопитающих из раннеславянских городищ вблизи Воронежа. МИА, № 8, 1948, с. 113.

[116] И. Г. Пронина и В. Е. Гарутт. Остатки животных из поселений III в. до н. э.— V в. н. э. на территории Минской области БССР. В кн.: «Материалы по археологии Белоруссии». Мн., 1957, с. 170.
[117] В. И. Бибикова. Фауна Пепунрвского городища. МИД, № 13. М., 1950, с. 143.
[118] В. И. Громов. Аб фауне гарадзішч БССР і Смаленскай губ. Працы археалагічнай камісіі. Мн., 1930, с. 214, 217.
[119] А. Г. Митрофанов. Августовское городище, с. 80, рис. 2, 6, 7.
[120] Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси, с. 88, 122.
[121] Там же, с. 133.
[122] Там же, с. 132.
[123] А. Н. Ляўданскі і К. М. Полікарповіч. Археалагічныя доследы ў БССР у 1933—1934 гг., ч. 2. В кн.: «Запіскі БАН», кн. 5. Мн., 1936.
[124] Е. А. Цейтлин. Очерки истории текстильной техники. М.— Л., 1940, с. 19, рис. 26.
[125] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1952, с. 157.

Раздел II

[1] Очерки по археологии Белоруссии..., с. 229—232.
[2] Там же, с. 232—234.
[3] Там же, с. 171—173.
[4] Очерки по археологии Белоруссии, ч. II. Мн., 1972, с. 23, рис. 8, 2.
[5] Ю. А. Липкинг. Могильники третьей четверти I тыс. н. э. в Курском Посеймье. В кн.: «Раннесредневековые восточнославянские древности». Л., 1974, с. 140, рис. 2, 3, 4, 6, 8, с. 146, рис. 5, 1, 2, 4, 9. Л. В. Артишевская. Могильник раннеславянского времени на Десне. МИА, № 108, М., 1969 с. 91, рис. 8, 3.
[6] Л. Д. Поболь. Древности середины и третьей четверти в Белорусском Поднепровье. В кн.: «Раннесредневековые восточнославянские древности». Л., 1974, с. 168, рис. 7, 3, 4, рис. 12, 5, 7. Э. А. Сымонович. Городище Колочин I на Гомелыцине. МИА, № 108. М., 1969, с. 119, рис. 17, 2, 7, с. 128, рис. 23, 2, 3, 5—7. Е. А. Шмидт. Некоторые археологические памятники Смоленщины второй половины I тыс. н. э. МИА, № 108, 1969, с. 54, рис. 3, 1—3, с. 61, рис. 11, 12. П. Н. Третьяков и Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины..., с. 69, рис. 29, 1—6.
[7] А. М. Ляўданскі. Археалагічныя доследы ў Віцебскай акрузе. В кн.: «Працы археалагічнай камісіі». Минск, 1930, стр. 98, рис. 8—10. Я. В. Станкевич. К истории населения Верхнего Подвинья... с. 114, рис. 2, 2—4, с. 115, рис. 7, 1, 2, с. 127, рис. 84, 2.
[8] Очерки по археологии Белоруссии, ч. II. Минск, 1972, стр. 17, рис. 5, 12, с. 23, рис. 8, 1, 3—6.
[9] И. П. Русанова. Славянские древности VI—VII вв., стр. 69.
[10] Ю. А. Краснов. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы..., с. 68—75.
[11] Latviešu kultūra senatne. Riga, 1937, tab. XXXIV, 1.
[12] В. Я. Дэрумс. Болезни и врачевание в древней Прибалтике. Рига, 1970, с. 66.
[13] W. Szymanski. Pvzyczynki do zagadnienia chronologii i zasięgu wyste powania żelaznych nozy z Vękojenciami zakonczonymi wolutami. W. A., t. XXX, zesz. 3/4, Warszawa, 1964, s. 221—228.
[14] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. МИА, 74. М., 1958. Табл. XCIII, рис. 10.
[15] A. Uzarowiczowa. Wyniki Badan Sondazowych na osadzie wezesnosrednewiecznej w Wolojowiczach, pow. Hrudieszow. Warszawa, 1958, s. 29.
[16] Там же, с. 327.
[17] J. Puzinas. Naujausių proistoriniy Tyrinejimu duomenys. В кн.: «Senove», III. Kaunas, 1937, pav. 6, 5—7. P. Kulikauskas, P. Kulikauskiene, A. Tautavicius. Lietuvos archeologijos bruožai. Vilnius, 1961, с. 332, 333, pav. 233, 1—3, рис. 234, 14.
[13] Latviešu kultūra senatne. Riga, 1937, tab. XXXI, 4.
[13] A. Tautavičius. Palangos kapinynas. В кн.: «Lietuvos archeologiniai paminklai». Vilnius, 1968 (с. 123—136, рис. 3, 1).
[20] Ю. В. Кухаренко. Археология Польши. М., 1969, табл. 11. 6.
[21] А. 3. Таутавичус. Восточнолитовские курганы. ТПЭ. М., 1959, с. 135.
[22] Lietuvos archeologiniai paminklai. Vilnius, 1968, с. 161, 221, 223, рис. 5, 1.
[23] А. Г. Митрофанов. Банцеровское городище..., с. 252, рис. 2, 14.
[24] J. Puzinas. Naujausią proistoriniti Tyrinėjimų duamenys, b. 70, t. VIII, 21, 27.
[25] Latviešu kultūra senatnei t. XXX, 5, t. XXXI, 5. Lietuvos archeologiniai paminklai..., p. 92, pav. 10, l, 2, 4; p. 113, pav. 3, 1; p. 152, pav. 7, l, 2, 4—6; p. 176, pav. 24, 3; p. 190, pav. 11, 23.

[26] М. Х. Ш м и д е х е л ь м. Археологические памятники периода разложения родового строя..., с. 97, рис. 23, 6.
[27] Т а м же, с. 98.
[29] Там же, с. 97, рис. 23, 5. Lietuvos archeologiniai paminklai, p. 92, 2, 3.
[20] Latviešu kultūra senatne, tab. XXXI, 6, tab. XXXII, 9, tab. XXXIII, 1; p. 326, pav. 228.
[30] Lietuvos archeologiniai paminklai..., p. 81, pav. 6, 3.
[31] Latviešu kultūra senatne..., tab. XXX, l, 2, tab. XXXI, l, 3, 4.
[32] П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. МИА, № 5. М.—Л., 1941, с. 72.
[33] В. В. С е д о в. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья..., с. 42.
[34] А. К. Амброз. К истории Верхнего Подесенья в I тысячелетии н. э. СА № 1, 1964, с. 61.
[35] В. В. С е д о в. Славяне Верхнего Поднепровья..., с. 42, 43.
[36] Е. А. Ш м и д т. Некоторые результаты изучения памятников третьей четверти I тысячелетия н. э. в Смоленском Поднепровье. В кн.: «Древности Белоруссии». Мн., 1966, с. 193.
[37] П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне..., с. 270.
[38] А. Н. Ляўданскі. Археалагічныя доследы ў Віцебскай акрузе. Працы..., т. II, с. 169.
[39] Я. В. Станкевич. К истории племен Верхнего Подвинья..., с. 252—265, 266—270, 278—287.
[40] Очерки по археологии Белоруссии..., ч. II, с. 18—24.
[41] П. Н. Т р е т ь я к о в. Финно-угры, балты и славяне..., с. 274, 278.
[42] Е. А. Шмидт. Днепродвинские племена в I тысячелетии н. э. Автореферат докторской диссертации. М., 1975, с. 24—25.
[43] Л. Д. Поболь. О новых археологических памятниках БССР (VI—IX вв. н. э.). В кн.: «Доклады АН БНР». София, 1973, с. 221—230.
[44] И. П. Р у с а н о в а. Славянские древности VI—VII вв. М., 1976, с. 81.
[45] В. В. С е д о в. Славяне Верхнего Поднепровья..., с. 48—53.
[46] И. П. Русанова. Славянские древности VI—VII вв..., с. 81.
[47] Т а м ж е, с. 81.
[48] П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне..., с. 270—272, 282.
[49] Е. А. Ш м и д т. Днепродвинские племена..., с. 25.
[50] Л. Д. Поболь. О новых археологических памятниках БССР..., с. 221.
[51] В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья..., с. 52, 53.
[52] И. П. Русанова. Славянские древности VI—VII вв..., с. 82—84.
[53] А. Л. Погодин. Лекции по славянским древностям. Харьков, 1910, с. 350—-355.
[54] K. Buga. Die Vorgeschichte der Aistischen (Baltischen) Stämme im Lichte der Orstnamenforschung-Streitberg Festgabe. Leipzig, 1924, s. 22—25.
[55] В. В. С е д о в. Славяне Верхнего Поднепровья..., с. 53.
[56] В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, с. 232—236.
[57] Там ж е. с. 232, 233.
[58] В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья..., с. 10, 11.
[59] Там же, с. 11, рис. 1.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры
Запіскі БАН — Запіскі Беларускай Акадэміі навук
ИИ — Институт истории
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИА ЛССР — Материалы и исследования по археологии Литовской ССР
НЗШК — Навуковы зборнік Інстытута Беларускай культуры
САИ — Свод археологических источников
СА — Советская археология
ТАС — Труды археологического съезда
ТСА РАНИОН — Труды Секции Археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук.
ТПЭ — Труды Прибалтийской экспедиции
W.A.— Wiadomosdi archeologiczne

ОГЛАВЛЕНИЕ

АЛЕКСЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ МИТРОФАНОВ. **ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК СРЕДНЕЙ БЕЛОРУССИИ (VII—VI вв. до н. э.-VIII в. н. э.)**

Редактор *А. К. Хоревская.* Оформление и художественное редактирование *В. В. Савченко.*
Технический редактор *И. В. Волоханович. Корректор Т. П. Нескоромная.*
ИБ № 211

Печатается по постановлению РИСО АН БССР. АТ 17267. Сдано в набор. 04.08.77. Подписано в печать 09.11.77. Формат 70Х100 1/16. Бум. тип. № 2. Печ. л. 10,0. Усл. печ. л. 12,90. Уч.-изд: л. 12,9. Тираж 1500 экз. Изд. № 150. Зак. № 1644. Цена 1 р. 60 к.

Издательство «Наука и техника». Минск, Ленинский проспект, 68. Типография им. Франциска (Георгия) Скорины издательства «Наука и техника» АН БССР и Государственного комитета Совета Министров БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Минск, Ленинский проспект, 68.